

Вл. Короленко

МІНІСТЕРСТВО КУЛЬТУРИ І ТУРИЗМУ УКРАЇНИ
ХАРКІВСЬКА ДЕРЖАВНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
ім. В.Г. КОРОЛЕНКА

КОРОЛЕНКІВСЬКИЙ ЗБІРНИК

Наукові статті та матеріали

Видавництво САГА
ХАРКІВ
2006

ББК 78.34 (4Укр) я43
К 68

Укладач:
д-р філол. наук І.Я. Лосієвський

Короленківський збірник: Наукові статті та матеріали /Харк. держ. наук. б-ка ім. В.Г. Короленка; Уклад. І.Я. Лосієвський. – Х.: Вид-во САГА, 2006. – 232 с.
ISBN 966-2918-09-4.

Збірник містить наукові статті та матеріали з окремих аспектів біографії, світогляду та літературної спадщини, громадської діяльності Володимира Галактіоновича Короленка (1853–1921). Серед авторів статей – дослідники з Києва, Горлівки, Полтави, Харкова, Ялти.

Видання ілюстроване факсиміле автографів В.Г. Короленка та авторів книг, подарованих письменникові, – з його особистої бібліотеки; репродукціями унікальних фотодокументів та ін.

Розраховане на літературознавців, істориків, інших науковців, а також на всіх, кого цікавить особистість та творчість В.Г. Короленка.

ББК 78.34 (4Укр) я43

ISBN 966-2918-09-4

Присвячується 85-річчю з дня смерті Володимира Галактіоновича Короленка

ПЕРЕДМОВА

«Короленківський збірник» 2006 року продовжує традицію видань ХДНБК, присвячених життю та творчості, письменницькій, журналістській та громадській діяльності Володимира Галактіоновича Короленка (1853–1921).

Збірник містить наукові статті провідних короленкознавців і дослідників-початківців, у т.ч. вибрані матеріали щорічних науково-практичних конференцій ХДНБК «Короленківські читання» та науково-практичної конференції «Демократична орієнтація творчості В.Г. Короленка», присвяченої 150-річчю з дня народження письменника (28 травня 2003 р.)*.

Матеріали збірника присвячено окремим аспектам біографії, світогляду, літературної спадщини та громадської діяльності письменника, а також діяльності В.Г. Короленка як редактора та рецензента.

Серед авторів статей – дослідники з Києва, Горлівки, Полтави, Харкова, Ялти, у т.ч. наукові співробітники Полтавського літературно-меморіального музею В.Г. Короленка, Будинку-музею А.П. Чехова в Ялті, ХДНБ ім. В.Г. Короленка, Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди, Харківського державного університету мистецтв ім. І.П. Котляревського, Харківського художнього музею.

---

* Див.: Короленківські читання /ХДНБ ім. В.Г. Короленка – Х., 1998; Короленківські читання /ХДНБ ім. В.Г. Короленка. – Х., 1999; Короленківські читання /ХДНБ ім. В.Г. Короленка. – Х., 2002; Короленківські читання /ХДНБ ім. В.Г. Короленка. – Х., 2003; Короленківські читання /ХДНБ ім. В.Г. Короленка. – Х., 2004; Демократична орієнтація творчості В.Г. Короленка /ХДНБ ім. В.Г. Короленка. – Х., 2003.

У статтях *В.Ф. Арканової*, *І.В. Ганзі* та *К.Д. Тараманової* розглянуто українознавчий та польськознавчий аспекти життя та творчості письменника. *С.А. Комаровим* досліджено ідеологію та поетику «Листів до Луначарського» (1920), *Ю.Й. Меламедом* – проблему прототипів відносно творчої практики В.Г. Короленка, а також простежено долі людей, які стали прототипами героїв окремих короленківських творів; *О.В. Кудрею* висвітлено літературні принципи та редакторські прийоми В.Г. Короленка. Маловідомі біографічні матеріали репрезентовано у нарисі *Л.К. Гейштор*, невідомі короленківські листи літераторам-початківцям – у публікації *І.Я. Лосієвського*. Особисті контакти та творчі зв'язки Короленка з Н.Г. Чернишевським, А.П. Чеховим, І.Ю. Рєпіним стали предметом досліджень *М.О. Горовенко*, *Н.Г. Ничипорук* та *О.Й. Денисенко*. Громадські ініціативи письменника розглянуто у статтях *Л.В. Вітенко* та *Г.М. Єрофеєвої;* остання дослідниця зосередила увагу на діяльності Володимира Галактіоновича як організатора громадських бібліотек, а у нарисі *П.П. Ротача* запропоновано реконструкцію особистої бібліотеки В.Г. Короленка – за частиною цього зібрання, яка зберіглася, та за архівними документами. Завершують збірник дослідження *Л.В. Ольховської*, присвячене іконографії В.Г. Короленка, і стаття Л.А. Утєвської про видатного вітчизняного медика-науковця та лікаря І.І. Файншмідта, яка містить його спогади про три зустрічі з В.Г. Короленком у 1921 р., під час передсмертної хвороби письменника.

В альбомі ілюстрацій – факсиміле автографів В.Г. Короленка, дарчих авторських написів письменникові на титулах та обкладинках книг з його особистої бібліотеки; репродукції унікальних фотодокументів, інших матеріалів з архівної колекції ХДНБК, архівосховищ України та Росії.

В. Ф. Арканова

ВНЕСОК В.Г.КОРОЛЕНКА У РОЗВИТОК УКРАЇНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Історико-мемуарні та літературознавчі видання свідчать, що видатний російський письменник-демократ В.Г. Короленко мав глибокі й різнобічні зв'язки з життям і культурою народу України. Він увійшов до російської літератури як письменник великого та яскравого обдарування, що писав численні оповідання, повісті, художні нариси, критичні та публіцистичні статті, склав монументальну історичну хроніку «Історія мого сучасника», повністю видану посмертно у 1922–1929 рр. Творчість В.Г. Короленка, його громадська діяльність були пронизані безмежною любов'ю до Батьківщини і свого народу, ненавистю до гнобителів, до будь-яких проявів реакції та насильства.

Він народився й виріс в Україні, яка пізніше глибоко увійде в його художні твори, такі, як «Сліпий музикант», «Ліс шумить», «Без язика» та інші.

У найбільшому його творі – «Історії мого сучасника» – містяться докладні матеріали автобіографічного характеру, які надають цінні відомості про вплив української мови, усної народної творчості та української літератури на діяльність письменника. Українську мову він чув змалечку. З народною творчістю познайомився завдяки цікавим розповідям старої куховарки, в яких бувальщина пречудово спліталася з фантазією та вигадками, а основою були одвічні мотиви народних казок, пісень і приказок: мрії про щастя, боротьба людини з ворожими силами, перемога правди над кривдою.

З пісенною народною творчістю В.Г. Короленко познайомився досить рано. У дитинстві йому часто доводилося бувати в селі, що «дзвеніло піснями». Багато їх письменник почув і запам'ятав у роки навчання в Рівненській гімназії. У молодого вчителя гімназії В.В. Авдєєва вечорами збиралася молодь, співали народні пісні. Сам В.В. Авдєєв теж гарно співав. Тоді у майбутнього письменника виявився інтерес до поетичних образів і мелодій, народжених українцями. Пізніше він згадував: «Співали весь вечір... я сидів біля відкритого вікна і слухав. У вікно було видно став, острів, тополі й замок, ...майже не світився в імлі зарміяний червоний місяць, а невелика кімната, осяяна м'якими променями, що лилися від лампи, вся дзвеніла мрійливою, красивою тугою української пісні» [2, с. 162].

Природно, що українські народні пісні увійшли і до творів В.Г. Короленка. З часом письменник познайомився з українською класичною музикою, зокрема творами М.В. Лисенка. У 1904 р. у Петербурзі готувався вечір, присвячений творчості М.В. Лисенка, В.Г. Короленко на прохання своїх земляків звернувся до Ф.І. Шаляпіна і запросив його взяти участь у концерті.

У шкільні роки В.Г. Короленко познайомився з творами Т.Г. Шевченка. Однією з улюблених книжок письменника став «Кобзар».

В.Г. Короленко вважав за свій обов'язок знайомити російського читача з українською літературою. Радив періодично подавати у російських журналах огляди видатних явищ української літератури, підтримував перекладацьку діяльність, чим сприяв зближенню української та російської культур. Він вимагав від перекладачів чистоти й правильності мови, ретельності у передачі образів та змісту, повного збереження художніх особливостей і чеснот оригінала.

В.Г. Короленко знав і любив творчість І.П. Котляревського, відзначав широку популярність його творів, насамперед «Наталки Полтавки» та «Енеїди», далеко за межами України, а також значення їх для розвитку української літературної мови: «Він зробив цю м'яку, виразну, сильну і багату мову мовою літературною, і українська мова, яку вважали тільки говіркою, з його легкої руки зазвучала так голосно, що луна рознеслася по всій Росії» [2, с. 163].

Письменник був особисто знайомий з Панасом Мирним, Іваном Тобілевичем. Він цікавився українським сценічним мистецтвом і читав п'єси, подаровані йому І. Тобілевичем. Вони кожного разу зустрічалися, коли І.Тобілевич приїздив до Полтави з трупою М. Саксаганського. У родині В.Г. Короленка збереглися спогади про відвідування театру та чарівну гру великої актриси М. Заньковецької.

У 1903 р. на відкритті пам'ятника І.П. Котляревському Володимир Галактіонович познайомився з Михайлом Коцюбинським, вони почали листуватися, а згодом і щиро заприятелювали. В.Г. Короленко не тільки радів успіхам української художньої літератури, а й намагався допомагати у друкуванні нових творів і перекладів українських авторів. Він отримав від політичних в'язнів переклад українською мовою П.А. Грабовського поеми Байрона «Шильонський в'язень» і доклав великих зусиль до організації друку цього твору.

Письменник уважно ставився до знаменних та ювілейних дат, пов'язаних з українською культурою. Восени 1919 р., хворий, він від'їжджав до санаторію на лікування й просив дочку передати ювілейному комітету від його імені вітання з нагоди 150-річчя з дня народження І.П. Котляревського.

Видатний російський літератор підтримував прагнення українського народу до вільної культури й літератури, жалкував, що не може писати українською, але радо погоджувався на переклад своїх творів.

У листуванні Володимира Галактіоновича збереглося багато листів-відповідей перекладачам. «Звичайно, – писав він в одному з них, – я буду радий побачити свої оповідання надрукованими українською мовою, особливо, якщо це буде мова дійсно українська...» [2, с.166]. Під дійсно українською мовою він розумів мову Центральної України, вважав, що в західних областях вона перенасичена полонізмами. «... Для белетристики, по-моєму, наша мова – мова Полтавщини, мова Котляревського..., Шевченка» [2, с.166]. Леся Українка мріяла про повне видання творів В.Г. Короленка українською мовою.

У 1916 р. В.Г. Короленко написав статтю «Котляревський і Мазепа», спрямовану проти переслідувань, яких зазнали за часів царизму українська культура й українська мова. Він з обуренням відзначав, що під час відкриття пам'ятника І.П. Котляревському в Полтаві було заборонено промовляти вітання українською мовою. Статтю було надруковано у журналі «Русские записки» з великими цензурними купюрами, і лише пізніше текст її відтворено повністю для ювілейного видання творів В.Г. Короленка.

Таким чином, протягом усього життя письменник постійно звертався до своїх витоків, до культури українського народу, вірив, що у майбутньому російська й українська культура, література і народна освіта будуть розвиватися на ґрунті міцної дружньої взаємодії.

1. *Гибет С.* Фольклор в записных книжках В.Г. Короленко //Дон. – 1958. – № 4. – С.169–172.
2. *Короленко С.* Короленко и украинская культура //Сов. Украина. – 1954. – № 9. – С.161–169.
3. *Міксон О.К.* В.Г. Короленко як збирач народної поетичної творчості // Нар. творчість та етнографія. – 1961. – № 4. – С. 63–70.

І.В. Ганзя

УКРАЇНОЗНАВЧИЙ АСПЕКТ ТВОРЧОСТІ В.Г. КОРОЛЕНКА

Життя і діяльність В.Г. Короленка були дуже тісно пов'язані з Україною, з українським народом. Українець за походженням, він народився і виріс в Україні. Тут, на Волині, він отримав перші життєві враження, тут склалися основи його світогляду. Його особисті враження доповнювалися і поглиблювалися мудрими усними творами українського народу: піснями, казками, розповідями, легендами. Українські народні пісні, які запам'яталися майбутньому письменнику, пізніше увійшли до його творів, у яких описано Україну, життя українського народу. З Україною пов'язаний і останній, найбільш тривалий та плідний період життя письменника (з 1900 по 1921 рік).

Не дивно, що при наявності такого тісного й органічного зв'язку з життям та побутом українського народу, з традиціями української народної культури українознавча тема набула найширшого розвитку у творчості Володимира Галактіоновича.

Українськими мотивами перейняті майже всі його твори. Серед наших сучасників навряд чи знайдуться ті, хто не читав його невмирущих шедеврів («Ліс шумить», «Сліпий музикант», «В поганому товаристві», «Судний день», «Без язика», «Історія мого сучасника»), де змальовано величний і привабливий образ України. В.Г. Короленко – митець-гуманіст, який у своїх творах обстоював соціокультурні, духовно-демократичні, етико-естетичні ідеали. Оповідання й повісті письменника яскраво зображують побут і традиції українського народу, образи українців, природу України.

Обстоювання прав і свобод громадян, боротьба за справедливість і людську гідність – основна тема творів письменника. Так, в оповіданні «Ліс шумить» (підзаголовок «Поліська легенда») В.Г. Короленко показав боротьбу українського народу за свободу, за свої права, за людяність суспільного та державного устою. У легенді використані мотиви переказів, українські народні пісні та думи. Дуже гарно в ній змальовано образи українців, яскраво відтворено красу та різноманітність природи Полісся.

Героїчна тематика «поліської легенди» змінюється у творчості Короленка іронічно-гумористичною інтонацією веселої української

народної казки про єврейське свято «Йом-кіпур» (очищення) в оповіданні «Судний день». У його основу покладено легенду, яку письменникові довелося чути в дитинстві. Цей твір багато в чому нагадує гоголівські «Вечори на хуторі поблизу Диканьки», де фантастичні елементи поєднані з чудовим фольклорним гумором. Але за казковою фантастикою приховується жорстка реальна життєва ситуація, яка існувала в Україні останні десятиріччя XIX ст. Оповідання «Судний день», як і «Ліс шумить», насичене багатьма українізмами. Це зазначив і сам Короленко: коли він писав ці оповідання, то чернетки так рясніли малоруськими зворотами і словами, що кожного разу при переписуванні йому доводилося їх виправляти. До того ж, письменник мав намір власноручно перекласти цей твір українською мовою, про це він пише в одному з листів [4]. Відзначимо, що українознавчий матеріал, який увійшов до мистецької тканини цього оповідання, становить її суть.

Великі життєві проблеми поставив Короленко в повісті «Сліпий музикант». Важлива роль у цьому творі належить образам простих українців, які викликають у душі юного музиканта перші мистецькі почуття. У ній подано чудовий опис Києва, його знаменитого Контрактового ярмарку. Автор показує, як український народ любить і цінує рідні мелодії. Письменник яскраво відтворює зв'язок людини з природою – безпосереднім джерелом народної музики. Повість «Сліпий музикант» – один з найбільш значущих творів Короленка, у ньому автор правдиво і яскраво зображує життя та побут українців 60–70-х років XIX ст.

Найбільш завершеним і багатогранним образом простої людини є колоритна постать Матвія Лозинського з оповідання «Без язика». Починається оповідання описом батьківщини письменника – Волині, просякнутого глибоким ліризмом і почуттям любові до цього мальовничого куточка України. В перших розділах оповідання подані картини тяжкого економічного стану українського Полісся, звідки емігрують селяни. В образі головного героя, українського селянина, поєднані найкращі риси українського характеру. У цьому творі Короленко показав злидні українців на чужині.

Одним із найвидатніших і найоригінальніших творів В.Г. Короленка, який є підсумком усієї життєвої і письменницької діяльності, є чотиритомна «Історія мого сучасника». Цей твір містить матеріали автобіографічного характеру, які мають цінні відомості щодо впливу української мови, усної народної творчості, української літератури на творчість письменника. Перша книга присвячена Україні, у ній майстерно описані українські міста Житомир та Рівне. Наведено багато відомостей про стан та розвиток освіти на Правобережній Україні. «Історія мого сучасника»

містить чималo сторінок, які свідчать, що поряд із ліризмом народної пісні, влучним і лукавим гумором української казки і побутового анекдоту в дитячу свідомість майбутнього письменника входили враження реального життя.

В.Г. Короленко широко використовує мотиви та образи фольклору в різноманітних за характером творах («Сліпий музикант», «Ліс шумить», «Судний день» та ін.). Деякі твори написані в жанрі народної легенди або казки («Ліс шумить», «Судний день» та ін.). Фольклор є важливим художнім засобом розкриття ліричної стихії, думок та сподівань народу. З використанням фольклору пов'язане і введення письменником до своїх творів елементів фантастики, які покликані виразно розкривати соціальну тему («Судний день»).

Українська народна пісня – побутова, лірична, історична – завжди присутня у творах В.Г. Короленка, вона є засобом поглиблення характерів, підсилення колориту українських образів. Наприклад, у повісті «Сліпий музикант» було використано уривок з пісні «Ой, на горі та женці жнуть». В оповіданні «Ліс шумить» народна пісня «Про пана Івана» висловлює ідею народної помсти. У повісті «Судний день» письменник цитує жартівливу українську пісню «Воли мої круторогі...»

Фольклористична діяльність В.Г. Короленка, яка, на жаль, і досі мало вивчена, значно вплинула на розвиток літературного таланту, формування світогляду і вироблення художнього стилю письменника-реаліста. Глибокохвилюючі повісті та оповідання, де відображені думки і сподівання українського народу, написані яскравою мовою, яка наскрізь пройнята виразними українізмами. Звернення письменника до народної творчості, до фольклористичної діяльності було для нього органічною потребою, одним із животвірних джерел творчої наснаги.

Поряд із художніми творами В.Г. Короленко залишив багату публіцистичну спадщину. Про життя і визвольну боротьбу українського народу в період з 1900 по 1921 рік він написав близько 250 статей, нарисів, кореспонденцій, листів, нотаток [6]. Своїми творами він допомагав українському народові у боротьбі проти соціального гноблення України, викривав і ганьбив погроми 1905–1907 років, винуватців трагедії у Сорочинцях. Письменник намагався довести, що для подолання політико-економічних суперечностей і відродження нації, держави народу України треба згуртуватися й боротися разом. Його публіцистична діяльність розпочалася одночасно і розвивалася паралельно з художньою творчістю. Вона була проявом пристрасного бажання письменника-гуманіста «втрутитися в життя, ... голосно крикнути так, щоб розвіяти кошмарне мовчання суспільства»[1].

Однією з перших короленківських кореспонденцій про Україну була «Пани єлисаветградські земці». У ній публіцист проінформував читача про тяжке економічне становище, про бідування селян в одному з повітів України. Аналізуючи факти, він робить сміливі й узагальнюючі висновки. Цю ж тему він продовжив у статтях «Нові заперечувачі» та «Соня Мармеладова на лекції пані Лухманової», де змалював тяжке становище молодої харків'янки. У збірному образі цієї дівчини Короленко бачив усіх жінок України. Основна думка статті полягає у тому, що доля цієї харків'янки – це доля багатьох дівчат України того часу.

В.Г. Короленко був символом гуманістичного суспільства, рупором неперехідних цінностей людської особистості. З його ім'ям пов'язаний сміливий і гнівний протест проти масових розправ царизму над селянами, які брали участь у «аграрних заворушеннях» в Україні. Документальний матеріал про криваві події в містечку Сорочинці і навколишніх селах Полтавщини міститься у статті «Сорочинська трагедія». У ній письменник не тільки змальовує події, а й характеризує винуватців «сорочинської трагедії».

Володимир Галактіонович дбав про українську інтелігенцію, розвиток культури, науки, освіти, мови, бібліотечної справи, друку в Україні. Після жовтневого перевороту, під час громадянського розбрату він турбувався про безпритульних дітей. Так, у 1910 р. написав критичну статтю «Ще про педагогічні курйози», де змалював жорсткий контроль за поведінкою учнів. У ній письменник-гуманіст відстоював такі духовно-демократичні, етико-естетичні ідеали, як людяність, гідність, права і свободи кожного громадянина. Його педагогічна публіцистика була гострою та злободенною. Завдяки його активному втручанню було врятовано від розстрілу сотні вчителів Полтавщини та сусідніх областей. Він був не тільки правдошукачем та народним оборонцем, а й заступником усіх скривджених.

Переконаний противник усякого гноблення, Короленко енергійно відстоював національні права українського народу («Про концерт М.В. Лисенка в Полтаві», «Уроки вчительського з'їзду»), закликав діячів української культури невтомно працювати на благо свого народу, наслідувати великого Шевченка. Один з учасників першого з'їзду вчителів Полтавщини згадує виступи В.Г. Короленка з цього приводу: «Він перший на тому з'їзді одверто заговорив за те, що політична вільність, здобута революцією, дає спроможність вести навчання рідною, українською мовою...» [7]. Сам письменник висловлював про мову таку думку: «...Сам я по-украински, к сожалению, не пишу, но язык понимаю.... Я убедился, что галичину наш народ понимает гораздо хуже, и коренной

язык, который должен оставаться в основе развития украинской литературной речи – язык Шевченка, Котляревского и Кулиша»[2].

Це питання порушив письменник у статті «Котляревский и Мазепа», спрямованій проти переслідувань, яких зазнали українська культура й українська мова. В.Г. Короленко писав, що на відкритті пам'ятника Котляревському в Полтаві у 1903 році, на цьому «торжестве украинской речи» було заборонено промови українською мовою. За його визначенням, українська мова – «это мягкий, выразительный, сильный, богатый язык» [3]. Він навіть спробував написати нею деякі свої твори. Мова, за висловом Короленка, – це незмінний засіб спілкування людей, засіб творення культурних цінностей, зброя у боротьбі за права та свободи людини. Саме тому він палко відстоював право українського народу вчитися й учити, розвивати літературу і науку рідною мовою. Пишучи російською мовою, письменник цікавився українським буттям, розвитком української культури. Дуже часто він відігравав роль сполучної ланки між російським та українським літературним рухом. Достатньо нагадати про його листи до Чехова і Горького, в яких він говорить про твори цих авторів з української тематики й просить їх далі писати про Україну. Приводом для написання цих листів став проект видання збірника на пошану М.В.Гоголя. Він пише: «Здесь в Полтаве, «на родине Гоголя» возникла мысль о сборнике, посвященном его памяти <...> Должна войти сюда беллетристика, стихотворения, публицистика, этнография...» [5].

Аналіз художніх і публіцистичних творів В.Г. Короленка дає змогу стверджувати, що українознавчій тематиці належить значне місце у творчому доробку письменника. В.Г. Короленко не тільки любив Україну за її красу і відчував глибокі симпатії до українського народу за його культурні надбання та наполегливу боротьбу за свої права, а й разом з ним пером письменника-публіциста боровся за його визволення від соціально-національного гноблення. Він любив українську народну творчість, яка стала невід'ємною частиною його оповідань, повістей та публіцистики.

Минають роки, а твори В.Г. Короленка продовжують надавати надзвичайну естетичну насолоду багатством образів, навчають гуманності, любові до життя та людини.

1. *Вишневський І.* Видатний російський письменник-демократ //Жовтень. – 1953. – № 7. – С. 90.
2. Короленко В.Г. М.Л. Балабай: [Письмо], 8 нояб. 1917, Полтава //Короленко В.Г. Избр. письма. – Т.3. – М., 1936. – С. 262.
3. *Короленко В.Г.* Котляревский и Мазепа //Короленко В.Г. Собр. соч. – Т.8. – М., 1955. – С. 373–375.

4. Короленко В.Г. И.В. Лучицкому: [Письмо], 2 января 1893, Н.-Новгород // Короленко В.Г. Избранные письма. – Т.3. – М., 1936. – С. 71.
5. Короленко В.Г. А.П. Чехову: [Письмо], 14 марта 1902, Полтава //Короленко В.Г. Избранные письма. – Т.3. – М., 1936. – С. 150–151.
6. *Малий П.Д.* Україна в публіцистиці В.Г. Короленка – К., 1958. – С. 15.
7. Спомини про великого громадянина //Первая годовщина смерти В.Г. Короленко: Сб. – Полтава, 1922. – С. 5.

С.А. Комаров

«ПИСЬМА К ЛУНАЧАРСКОМУ» В.Г. КОРОЛЕНКО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ И ПОЭТИКИ

«Письма к Луначарскому» В.Г. Короленко – один из ярких образцов русской публицистической прозы периода революций и гражданской войны. В этом произведении нашли отражение многие характерные черты русской литературы рубежа 1910-х – 1920-х гг.: антибольшевистский пафос, размышления о русском народе, гуманистическая направленность и др. Цель предлагаемой работы – исследовать идейно-художественные особенности этого сочинения.

«Письма...» – закономерная веха мировоззренческого и творческого пути писателя. Нельзя сказать, что Короленко принадлежал к какому-либо определенному течению общественной мысли России, но его взгляды всегда характеризовались стремлением к демократическим идеям. Короленковеды отмечали близость точки зрения писателя на социальное развитие страны к теориям революционных демократов-«шестидесятников», в частности Н.Г. Чернышевского, и «народных социалистов» (Н.К. Михайловский и др.). Признавал он и некоторые положения марксистской доктрины, еще на рубеже веков считал ее самым влиятельным направлением русского освободительного движения.

Точную характеристику своей политической платформы Короленко дал сам: «Я... считаю себя социалистом, не считая себя ни большевиком, ни коммунистом, ни даже меньшевиком... Считаю себя социалистом в том смысле, что признаю одну свободу без социальной справедливости, неполной и неосуществимой. Но для меня свобода – необходимое условие осуществления и социальной справедливости...» [3, с. 390]. Последняя фраза особенно важна для понимания жизненной позиции писателя. Свободу личности он рассматривал как исходный пункт для преобразований государственного уровня, в том числе и достижения такого состояния общества, при котором все сословия будут уравнены в правах и обязанностях.

В «Письмах к Луначарскому» об этом говорится применительно к политике Ленина: «...без свободы невозможно достигнуть справедливости. Корабль будущего приходится провести между Сциллой и Харибдой несправедливости, никогда не теряя из виду обеих вместе»

[5, с. 216]. Отличие Короленко-социалиста от тех же большевиков состоит именно в соотношении и последовательности воплощения этих понятий: свобода и социальная справедливость. Советы пытались построить свободное общество, уже воплотив в жизнь принцип «социальной справедливости», под которым, по сути, подразумевалось истребление «буржуев» и уравниловка. Потому писатель позитивно отнесся к царскому манифесту 17 октября 1905 года; потому в 1907 году он участвовал в предвыборной кампании во Вторую Государственную думу и баллотировался выборщиком, надеясь внести собственную лепту в дело построения государства с расширенным кругом свобод; потому с восторгом он встретил февральскую революцию 1917 года, восприняв ее как желанный результат преобразований на данном историческом этапе.

Короленко нашел собственный путь борьбы за освобождение человека от разного рода притеснений и несправедливостей. Этот путь – защита прав обездоленных и угнетенных, самым ценным из которых писатель считал право человека на жизнь. Его-то и отстаивает Короленко, участвуя в различных судебных процессах 1890 – 1900-х годов. Он выступает защитником многих несправедливо обвиненных в убийствах (дело Юсупова (1899), дело Глускера (1902)), человеческих жертвоприношениях (Мултанский процесс (1895), дело Бейлиса (1913)). Непосредственное участие писателя в этих и других процессах, протесты против применения насилия со стороны царского правительства, против негласно санкционированных властями еврейских погромов (статьи и очерки «Дом №13» (1903), «Бытовое явление» (1910), «О Мариампольской измене» (1915) и др.) вызывали большой общественный резонанс и спасали человеческие жизни.

Короленко много писал о смертной казни, о бессмысленности лишения человека жизни, даже если он убийца – это тот же принцип «око за око», уподобляющий людей, кричащих о своей «цивилизованности», дикарям, полагает писатель. В данном контексте возникает вполне закономерный вопрос о близости гуманизма Короленко к толстовской теории непротивления. Сам писатель протестовал против моральных проповедей Л.Н. Толстого, называя их утопичными и нежизненными. Для него решающим аргументом при оценке той или иной идеи была проверка ее жизненной практикой. Отсюда его критическое отношение к политике большевиков, все старания которых воплотить в жизнь марксистскую доктрину фактически закончились крахом. То же, по мнению Короленко, можно сказать и о призывах Толстого к «опрощению». В период расцвета этого учения (80-е годы) Короленко оказывается в Сибири и ведет разговор с группой политических ссыльных на предмет

отношения к толстовству. Те, по большей мере, поддерживают теорию автора трактата «В чем моя вера?» – Короленко видит в этом факте прежде всего необдуманную солидарность с Толстым в вопросе отрицания существующих государственных и политических форм.

В этот же период он защищал справедливость вынужденного насилия, направленного против угнетателей (рассказ «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды» (1899)). В письме Эртелю (апрель 1890 года) Короленко высказывает следующую мысль: «Я не признаю силу чем-то дурным самое по себе...» [10, с. 15] и рассуждает о том, что человек, защищающий «измученного раба против десяти работорговцев» [10, с. 15] не может считаться насильником, даже если он проливает кровь. А в марте 1917 года в письме «Толстовцу» он прямо говорит, что его гуманистические убеждения нельзя причислять к «непротивленчеству» хотя бы потому, что он всегда ратовал за то, чтобы человек не был «смиренной овцой, которую всякий насильник... мог бы гнать куда угодно» [8, с. 15]. В душе идеального, по Короленко, человека «мужество не угашено рабским смирением» [8, с. 15].

Тем не менее, насилие как таковое, в особенности, если оно узаконено, Короленко считает недопустимым для цивилизованного общества. Поэтому с февральской революцией он связывает надежды на изменение отношения государства к этому вопросу. В статьях «Падение царской власти» и «Война, отечество и человечество», написанных по горячим следам этого события, исследуются причины свержения монархии: «Любовь к отечеству в опасности, – вот что объединило против царя весь народ и вот почему армия... перешла на сторону революции» [2, с. 93]. Короленко убежден, что царское правительство своей политикой, а также своим пренебрежением человеческой жизнью, привело страну на грань гибели, и выражает радость за достигнутую победу. Но в этих же работах явственно прослеживается и озабоченность писателя будущим своей страны, ведь продолжается мировая бойня, и нужны «напряжения всех сил» [2, с. 93], сплоченность всего народа для защиты России от захватчиков. «Делайте в эти дни одно дело... С запада идет туча... И она готова опять покрыть своей тенью родную землю, над которой только что засияло солнце свободы» [2, с. 95], – звучит призыв Короленко к единению.

В это же время писателя тревожит и ситуация внутри страны: споры о власти, партийное соперничество и междоусобица. Если принять во внимание данный факт, вызовет гораздо меньшее удивление отрицательная оценка Короленко октябрьской революции, названной им «мятежным движением», «большевистской авантюрой». Одним из откликов

писателя на октябрьские события явилась статья «Испытание». В ней автор определяет события в Петрограде как попытку «одностороннего течения» партийной мысли «ввести свою диктатуру и навязать свою волю всей стране, не ожидая Учредительного собрания» [4, с.129]. У Советов, по мнению Короленко, не было иных оснований для свержения Временного правительства, кроме желания почувствовать в своих руках единоличную власть. Назревшие социальные вопросы следовало бы решать всем демократическим силам сообща. Писатель не сомневается: Ленин и его сторонники ввергают государство в пучину еще больших бедствий, раздоров и кровопролития.

Со временем Короленко пересматривает свое отношение к большевикам по некоторым аспектам их политики. Он приходит к выводу, что в создавшихся условиях никакой разумной альтернативы советской власти в России нет. Весной 1919 года он писал своему другу, коллеге по «Русскому богатству» А.Г. Горнфельду: «По-видимому, определяется, что большевизм – самая сильная... военная партия в России» [3, с. 170], тут же делая оговорку о «противоречиях, скрытых под заманчивыми для масс лозунгами» [3, с. 170]. В этом же письме Короленко высказывает надежду, что большевики поймут свои просчеты и дадут дорогу другим политическим силам.

Писатель был далек от мысли о том, что будто бы одни большевики виноваты во всех потрясениях, выпавших на долю страны. Он полагал, что ответственность должны нести все социальные группы и партийные группировки. Так, в письмах и дневниках 1918–1920-х годов он не раз подчеркивал несостоятельность политических сил, стремившихся свергнуть ленинское правительство. Эти утверждения не были беспочвенными – Короленко, находясь в годы гражданской войны почти безвыездно в Полтаве, имел возможность оценить действия многочисленных, неоднократно сменявшихся в городе властей: Центральной Рады, правительства гетмана Скоропадского и немецких оккупантов, армий Махно и Зеленого, петлюровцев и белой гвардии (острая критика политики Деникина содержится в «Письмах из Полтавы», создававшихся летом и осенью 1919 года).

В «Письмах к Луначарскому» писатель затрагивает проблему террора как такового, независимо от «цвета». «Обе стороны соперничают в жестокости. Вся наша Полтавщина похожа на пороховой погреб...» [5, с. 209], – описывает автор озверение воюющих сторон, прежде всего – красных и белых. Писатель не перекладывает всю вину за драматические события революционного времени на плечи большевиков. Через многие короленковские произведения этих лет проходит мысль: «При-

дется когда-нибудь приносить великое народное покаяние... И каяться придется *всем* (курсив мой – *С.К.*)» [4, с. 125]. Спустя несколько десятилетий смысл этой фразы представляется пророческим; она очень точно проецируется в 90-е годы – времена, по сложности и противоречивости приближающиеся к эпохе гражданской войны.

К моменту создания «Писем к Луначарскому» Короленко признал советскую власть и не видел другого пути, кроме сотрудничества с ней. Как демократ он не мог выступать против идеи народовластия, провозглашенной большевиками, но то, как она воплощалась, вызывало в его душе возмущение и боль. Этими чувствами, а также опытом увиденного и пережитого в Полтаве 1917–1920-го годов Короленко руководствовался, критикуя большевизм в письмах к наркому. В них он стремился указать руководству страны на те ошибки, которые могут привести его к краху. Основные проблемы, по которым писатель находился в оппозиции к советской власти, двух категорий – нравственной и экономической. Это проблема революционного террора и вопрос о преждевременности введения в России социализма.

Всей своей деятельностью в революционные годы Короленко пытается возвысить свой голос против горестей и драм эпохи: насилия, голода, массовых болезней, эскалации воюющими сторонами произвола и беззакония. Он отдает свои силы заступничеству за невинно осуждаемых, работе в Политическом Красном Кресте, заботе о детях (был почетным председателем «Лиги спасения детей»). Творческая история «Писем к Луначарскому», как известно, также связана с этой стороной жизни писателя.

Первое письмо целиком посвящено проблеме «красного» террора. К размышлениям об этом автор переходит лишь после анализа конкретного случая – «кошмарного эпизода с расстрелами» во время приезда Луначарского в Полтаву. Далее Короленко сравнивает отношение правительства к смертной казни в царское время и теперь, в 1920 году, – хотя и до революции «много творилось невероятных безобразий» [5, с. 199], таких злоупотреблений, как при большевиках, не было. Во времена монархии следственная и судебная власти не соединялись в одну. Для «комиссаров» такие суды – обычная практика. Расстрелы, называемые «административными», возведены в систему, причем власти мотивируют эти действия заботой о благе народа. Писатель категорически не согласен с такими доводами.

Короленко в «Письмах...» предупреждает возможные возражения своего адресата на критику военных судов: «Не говорите, что революция имеет свои законы» [5, с. 200], и доказывает, что даже самые жестокие

инциденты революций XIX века, прежде всего – французских, «были вспышками стихийной, а не систематизированной ярости» [5, с. 200]. Вновь возвращаясь к случаю, ставшему поводом для встречи Короленко и Луначарского (говорится о том, что люди, о спасении жизней которых заботился автор, были казнены за хлебную спекуляцию), писатель вспоминает один эпизод Великой французской революции. В ту переломную для всей Европы эпоху в Париже люди жили впроголодь, цены на продукты были очень высоки; Конвент объяснял это происками аристократов и спекулянтов и отправлял их на гильотину – ситуация, практически аналогичная событиям русской революции. Поток смертей ничего не изменил – дороговизна росла. Тогда парижские жители обратились к правительству [5, с. 200], что не дало положительного результата. Итог конфликта – контрреволюция. Короленко, описывая этот исторический факт, пытается показать Советам, чем может обернуться их политика репрессий.

Жизнь в революционное время совершенно обесценилась, расстрелам подвергаются даже подростки. Довольно большая часть третьего письма посвящена рассказу о судьбе семнадцатилетней девушки Евдокии Пищалки, приговоренной ЧК к смертной казни. К счастью, она была спасена, во многом благодаря стараниям Короленко (писатель приводит фрагменты своих ходатайств по этому делу). «Это доставило мне глубокую радость за нее и за ее семью. Но – я не могу радоваться за нашу родину, где могла идти речь о расстреле этого ребенка и где ее уж вывели из арестантских рот вместе с другими, которые назад не вернулись» [5, с. 204], – в комментарии к истории конкретного человека ощущается тревога писателя обо всех других людях, осужденных на смерть бездушной рукой советской власти.

Действия большевиков на Украине были особенно свирепыми. Это признавал даже Ленин: «Несколько виднейших чекистов утверждают, что на Украине ЧК принесли тьму зла» [6, т. 50, с. 109]. Короленко свидетельствует о том, что органы Советов в Харькове в то время (1920 год) отождествлялись в сознании рядового украинского жителя с «машиной убийств». Стремясь правдиво изобразить насильственные действия коммунистов, писатель опирается на реальные факты. Он отвергает слухи об усилении жестокости ЧК, проявлявшейся в полном отказе от процедур следствия: «Говорят, что теперь можно обходиться даже без допроса подсудимого. Думаю, что это только испуганный бред...» [5, с. 200]. Автор боится полностью разувериться в советской власти.

Короленко рассматривает феномен террора не только как насилие по отношению к человеку. Для него посягательство на свободу слова – не

менее страшное проявление сущности советской власти. «Высказывать откровенно свои взгляды о важнейших мотивах общественной жизни давно стало для меня ...насущнейшей потребностью. Благодаря установившейся ныне «свободе слова», этой потребности нет удовлетворения» [5, с. 198-199], – с горечью иронизирует автор о состоянии одной из главных демократических свобод при большевиках – фактически о ее отсутствии. Уже завершая «Письма к Луначарскому», автор вспоминает, как в 1919 году к нему приезжал корреспондент «Телеграфного агентства» советского правительства, чтобы взять интервью. Писатель ответил на вопросы журналиста, но выразил сомнение в том, что репортаж будет опубликован. Так и случилось – он не был напечатан, и широкий читатель не узнал точку зрения Короленко на политику Советов. Помещая данный эпизод в конце шестого письма к наркому, автор хочет сказать: подобная судьба ожидает и эту его попытку донести до массовой аудитории свою позицию.

Короленко заявляет большевикам в лице Луначарского: «...вы убили свободную печать» [5, с. 216], хотя и не иллюстрирует утверждение конкретными примерами. Лишь однажды он начинает рассуждать о свободе слова, отталкиваясь от факта публикации в местных «Известиях» неполного списка расстрелянных. В вопросе человеческой жизни, считает писатель, гласность очень важна. Здесь каждый шаг должен быть освещен, и все имеют право знать, кто и за что лишен жизни. В этом аспекте большевики, по мнению автора, уступают даже царскому правительству. Он вспоминает, что до революции информация о смертных казнях всегда доходила до читающей публики, а своей личной деятельностью в защиту подсудимых от узаконенного убийства он «отвоевал право говорить о ней (смертной казни) печатно много больше, чем это вообще было дозволено цензурой» [5, с. 199]. Советская власть крайне нетерпима к инакомыслию, а ведь общеизвестно, что равноправие идей и мнений – один из главных правовых компонентов демократического общества.

Мысль о преждевременности социалистической революции в России, наряду с выступлениями Короленко против революционного насилия и призывами к человечности, составляет проблемный стержень «Писем к Луначарскому». Едва ли не главная причина неготовности страны к социалистическим преобразованиям лежит, по мнению писателя, в «незрелости» русского народа. Эту характеристику автор выводит из различных качеств русского человека. О каком социализме может идти речь, если его строители еще не воспитали в себе уважения к чужой собственности. Воровство – одна из русских «бед» – после революции «не ослабло, а усилилось в огромной степени» [5, с. 208]. Рассуждая об этом явлении,

писатель останавливается на конкретных примерах, сравнивает то, как обстоит дело с этой проблемой у нас и на Западе. Короленко сопоставляет Россию со Швейцарией и делает вывод: «...на тысячу человек, которые прошли бы мимо плохо лежащей вещи, в Европе процент соблазнившихся будет гораздо меньше, чем в России» [5, с. 209]. В годы гражданской войны воровство приобретает размах всенародного бедствия.

Короленко указывает на слабость развития в русском народе нравственной культуры, отсутствие в нем самоуважения, которое бы удерживало от диких поступков. Эти и некоторые другие свойства русского характера, к примеру – «наивные ожидания всего сразу» [5, с. 217], а также неорганизованность и невежество говорят о близости России к Азии: сам факт свершения октябрьской революции и легкость, с которой большевикам удалось повести за собой народ, Короленко связывает с тем же азиатским началом. По сути, Короленко считает революцию шагом России назад, а не к прогрессивной для общества стадии социализма.

Низкий уровень культуры русского народа, его нравственная неподготовленность, отсталость – серьезные препятствия на пути к социализму. Короленко в письмах наркому настаивает на том, что русские прежде чем приступать к строительству новой общественной формации должны пройти школу демократии и нравственной культуры. Он призывает вспомнить об опытах воплощения коммунистической идеи на практике. Утописты Оуэн, Фурье, Сен-Симон пытались перевести мечту о коммунизме в действительность – все их старания заканчивались неудачно. «Благородные мечтатели» [5, с. 215] приходили к осознанию того, что человечество должно переродиться, пройти через нравственное очищение. Лишь после этого имеет смысл сделать попытку уничтожить частную собственность.

Большевики, судя по всему, не хотят понять эту простую истину. Они плоть от плоти своего народа, уверен писатель; они обладают русской привычкой к произволу» [5, с. 217]; они ждут, что социализм, а затем и коммунизм наступят вдруг; у них отсутствуют «даже начатки разумной организации и творчества» [5, с. 217], логика у них совершенно подавила воображение, без которого не обойтись в сложнейшей науке управления государством. Но главное негативное качество, которое Короленко выделяет отдельным пунктом в своей характеристике советских властей, – максимализм, качество, также присущее национальному характеру.

Большевистский экстремизм нашел наиболее полное воплощение в деятельности по уничтожению всего «буржуазного», как-либо связанного с капиталистической системой. Автор «Писем к Луначарскому»

высказывается против ограниченного классового подхода к наследию прошлого. Широко внушавшуюся народу советским правительством мысль о том, что буржуазия представляет собой «только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны» [5, с. 205], Короленко считает ложной. Это прекрасно осознают и сами большевики. Он напоминает Луначарскому, что еще совсем недавно, во времена полемики марксистов с народниками, Ленин и его соратники доказывали обратное: России необходимо пройти через стадию капитализма. В то время ленинцы полагали, что капиталисты – класс, организующий производство, а система капиталистического хозяйствования «благодетельна для отсталых в промышленном отношении стран» [5, с. 205], каковой являлась и Россия.

Почему же теперь приверженцы марксистской теории отступили от основ этого учения? – вопрошает писатель. Ответ прост: советскому правительству тактически было выгодно освободить накопленный веками запас ненависти к правящему классу. «И вы не остановились перед извращением истины... И теперь это принесло плоды. Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость – народное достояние, добытое «благодетельным процессом», русским капитализмом» [5, с. 205–206], – упрекает Короленко большевиков в пренебрежении правдой в угоду собственным интересам, главный из которых – власть.

Отправной точкой для данных размышлений стали слова английского историка Т. Карлейля: «...правительства чаще всего погибают от лжи» [5, с. 204]. Писатель хочет предупредить своего адресата, а с ним и всю ленинскую партию о неизбежности краха власти, базирующейся на лжи. Для большей убедительности он показывает, какой ложью руководствовалось в своей политике царское правительство: «Диктатура дворянства... покоилась на огромной лжи, долго тяготевшей над Россией» [5, с. 205]. Основная суть этой «огромной лжи» сводилась к следующему: причина экономического кризиса предреволюционных десятилетий, частых в эти годы голодовок – «недостаток опеки над народом лентяев и пьяниц» [5, с. 205]. Признавая эти недостатки русского народа, Короленко не соглашается с теми, кто считал их основной чертой русских, и заявляет, что истинная сущность русского крестьянства и главная его беда – не пьянство и лень, а «труд, плохо вознаграждаемый и не дававший надежды на ... улучшение положения» [5, с. 205]. Этого не хотели понять царь и дворяне, более того, рассуждает далее писатель, они только усиливали ложь, «дойдя наконец до чудовищной нелепости, «самодержавной конституции»» [5, с. 205]. Такая бездумная политика не могла не привести к свержению монархии. Тот же финал ожидает и боль-

шевиков, если их позиция в отношении капитализма останется прежней, уверен Короленко. Писатель выступает против крайностей ленинской концепции «революционного оптимизма», включающей в себя полный отказ от наследия буржуазного строя и изгнания или уничтожения помещиков и капиталистов. Призывам Советов к «последнему выводу из схемы, к конечному результату» [5, с. 210] он противопоставляет взвешенный подход к классовой борьбе, свойственной западноевропейским социалистам. Прежде чем объявлять забастовку, они обдумывают возможные ее последствия для рабочих и промышленности, ведь в конечном счете расстройство производства отразится на тех же рабочих. Они просчитывают каждый шаг и принимают ответственность не только за саму борьбу, но и за благополучие ее участника – пролетариата.

Автор «Писем к Луначарскому» акцентирует внимание читателей на разногласиях между большевиками и социалистами Западной Европы и США. Корень конфликта – в различном восприятии роли капитализма. Западные социалисты руководят пролетариатом на протяжении уже не одного десятка лет вполне легально и потому разбираются в тонкостях экономической ситуации в своих странах. У русских же такой возможности не было – «благодаря бессмысленному давлению самодержавия» [5, с. 210] они были вынуждены постоянно скрываться, конспирировать. Риск попасть в тюрьму или быть сосланным, рассуждает далее писатель, заменил для социал-демократов России ответственность за жизни и благополучие людей, которых они призывают к борьбе, лишил их трезвого восприятия реальности и выработал привычку к крайним мерам. Отсюда, по мнению автора, и односторонность представления большевиков о капитале, отношение к нему только как к «хищнику», непонимание его роли в организации производства.

Боль и беспокойство за судьбу русского народа пронизывают страницы короленковских писем, раскрывающие взгляд автора на экономические проблемы государства. Повсюду свирепствует голод, не только в городе, но и в деревне. Из России в Украину бегут тысячи голодающих, надеясь, что здесь положение с хлебом лучше, но это совсем не так – в Полтаве, центре хлебородной местности, люди «пробиваются кое-как картошкой и овощами» [5, с.211]. Короленко приводит реальные факты, цифры, бытовые подробности, воссоздающие картину разрухи. Он вспоминает о голоде 1891–1892 годов, описанном им в книге «В голодный год» (1893). Возлагая ответственность за это бедствие, которым были охвачены некоторые губернии Российской империи, на самодержавие, виновниками голода 1920 года, по своему размаху намного превосходящего предыдущий, писатель называет Советы.

Короленко очень убедителен в своих доказательствах вины большевиков. Они, рассуждает автор, уничтожили «естественную связь обмена» [5, с. 210] между городом и деревней, заменив ее реквизициями. Короленко отвергает все объяснения советской власти необходимости таких мер – так как крестьяне не хотят продавать хлеб, то нужно забирать его силой. Но стоит ли удивляться такому поведению жителей деревни, вынужденных покупать сельскохозяйственную технику, орудия труда, вещи первой необходимости, производимые в городе, по баснословным ценам, а продавать собранный урожай по ценам низким, абсолютно не соответствующим затратам. Разрушая атрибуты капитализма, в частности – свойственный этой общественной формации способ товарного обмена, невозможно сразу прийти к социализму. Тут нужно действовать постепенно, полагает писатель.

В полной мере эта мысль Короленко соотносится с его взглядом на земельную реформу. Писатель считал вопрос о земле самым насущным среди других вопросов революции. В октябре 1919 года им был закончен сборник очерков «Земли! Земли!», задумывавшийся как продолжение книги «В голодный год». В нем Короленко рассматривает проблему земли в России двух предреволюционных десятилетий, подробно останавливаясь на периодах ее обострения: «аграрные беспорядки» 1902 года, революции 1905–1907 и 1917 годов, передает настроения крестьянской массы и интеллигенции.

Автор «Земли! Земли!» как истинный демократ твердо уверен в справедливости и нравственности мнения о том, что земля должна принадлежать народу. Единственный путь достижения этой цели он видит в реформах. Другие методы, будь-то стихийные «разделы поровну», самовольные захваты и т.п., Короленко не приемлет. Вплоть до 1917 года никаких серьезных сдвигов в земельном вопросе не было. Временное правительство откладывало его решение до созыва Учредительного собрания. Только большевистский Декрет о земле, предусматривавший отмену частной собственности и национализацию земли, изменил положение вещей, но, по убеждению Короленко, отнюдь не к лучшему. Когда весной 1918 года на селе начались мероприятия по проведению Декрета в жизнь, напряженность в крестьянской среде усилилась: каждая социальная группа крестьян («кулаки», «середняки», «бедняки») старалась провести раздел земель в свою пользу. Советская власть выступила на стороне бедноты и, проводя конфискации у «кулаков» и «середняков», фактически узаконила когда-то стихийные захваты земельных участков.

Довольно большой фрагмент книги очерков «Земли! Земли!» посвящен описанию крестьянских волнений, охвативших Полтавскую и Харь-

ковскую губернии в 1902 году. Крестьяне грабили помещичьи экономии до тех пор, пока не приезжали власти – тогда они «покорно становились на колени и так же покорно ложились под розги» [5, с. 206]. Короленко содействовал судебной защите «нарушителей спокойствия» и, тесно общаясь с ними, выяснил причины происшедшего. Сами крестьяне были не очень высокого мнения об этом движении, называли его «грабижкой» [2, с. 397]; хотели таким способом обратить внимание царя на свое бедственное положение. Уже в заключительных главах книги, где анализируется состояние земельного вопроса в 1917 году, автор сравнивает действия народа, направляемого советской властью, с той же «грабижкой».

Это сравнение переходит на страницы «Писем к Луначарскому». Здесь писатель дает своего рода краткий конспект событий и настроений народа в 1902 году, подробно изложенных в «Земли! Земли!», и высказывает мысль о том, что побуждения, двигавшие крестьянством во время «грабижки» 1902 года, «большевики отлили ...в окончательную форму» [5, с. 206]. Для Короленко очевидно: экспроприациями, призывами «грабить награбленное» Советы способствовали тому, что «грабижка» перекинулась и в город, разрушая созданное капиталом производство, хотя его следовало бы развивать.

Необоснованность противобуржуазной политики Советов начинает понимать и пролетариат. Короленко отмечает появляющиеся в рабочей среде тенденции к меньшевизму – «социализму, но не максималистского типа» [5, с. 211], признающего полезность многих черт капиталистического строя. Большевики борются с такими настроениями: если в каком-либо профсоюзе замечается несогласие с линией советской политики, тут же его правление нарекают «белым» или «желтым», а члены его арестовываются. Писатель предупреждает об опасности такой «заботы» о чистоте коммунистической идеи: в какой-то момент «белым» может оказаться любой большевик.

Заключительные строки «Писем к Луначарскому» подводят неутешительный, несмотря на некоторую долю надежды, итог всему, высказанному автором. Короленко призывает большевиков отказаться от эксперимента, проводимого над Россией, и попытаться спасти страну, прекратив насилие и бессмысленное уничтожение капиталистического уклада. Писатель понимает, что в подобных обращениях много наивности, к тому же они вряд ли осуществимы, так как предлагаемый в них путь неприемлем для Советов, ведь он означает признание своей ошибки. «Истинным благотворным чудом» [2, с. 190] было бы, по Короленко, осознание большевиками «своего одиночества... среди европейского социализма, ...начавшегося ухода» от них «рабочей среды, не говоря

уже о положительной ненависти деревни к ...коммунизму» [5, с. 217]. Даже если бы «чудо» произошло, и большевики захотели вернуться к свободе и естественному ходу вещей, не поздно ли уже это делать? Этот безысходный по своей сути вопрос венчает несостоявшуюся переписку Короленко и Луначарского.

Публицистические произведения составляют довольно большую часть творческого наследия В.Г Короленко. По собственному признанию писателя, публицистика для него была «не второстепенным придатком, а половиной... работы и литературной личности» [9, с. 6]. Даже сухие цифры (около 700 статей, более двух десятков псевдонимов, почти 50 названий журналов и газет, где печатался писатель) говорят об огромной работе, которую проделал Короленко-публицист. А ведь за ними (цифрами) стоит насыщенная общественная деятельность – не просто обеспокоенность социальными проблемами России конца XIX – начала XX века, но и активное участие в борьбе за их устранение: это прежде всего различные судебные процессы, где писатель выступал защитником прав угнетенных.

«Письма к Луначарскому», несмотря на заявленную в названии принадлежность к эпистолярному жанру, фактически являются публицистикой. По меньшей мере, два свойства данного произведения говорят в пользу нашего тезиса: злободневность рассматриваемых проблем и ясно ощутимая цель автора – стремление изменить мнение читателя (в данном случае – Луначарского, но в его лице – всей большевистской партии) об этих проблемах. Да и сам Короленко в начале корреспонденции косвенно подтверждает публицистический характер «Писем...»: «Нам, инакомыслящим, приходиться писать не статьи, а докладные записки» [5, с. 199]. Только созданная большевиками ситуация «несвободы» слова заставляет его откровенно высказываться о происходящем в письме, а не в статье, что было бы естественней всего.

Непосредственными признаками эпистолы в «Письмах...» выступают лишь свойственные ей обращение к адресату в начале посланий (далеко не во всех), иногда в самом тексте, и заключение («До следующего письма» [5, с. 201]). В них очень мало личного. Факты собственного житейского опыта (рассказы об оказываемой Короленко помощи людям, пострадавшим от власти; воспоминания писателя о поездке в Америку, а также о своей адвокатской деятельности до революции), которые автор все же излагает в произведении, нужны ему для раскрытия насущных вопросов современности. В этом писатель следует богатой русской эпистолярной традиции, одной из главных особенностей которой является гармоничное соединение частного и всеобщего.

Исследователи творчества Короленко указывали на художественность как неотъемлемую черту писательской публицистики [1], [9]. В «Письмах к Луначарскому» она также проявляется. Короленко не ограничивается показом определенного общественного явления или рассуждениями на его тему, а создает типические образы. Так, один из собеседников автора на митинге безработных в Чикаго, мистер Стон воплощает тип образованного пролетария предреволюционной эпохи, приверженца настоящего, еще не интерпретированного большевиками марксизма. Или из разбросанных по тексту микрозарисовок возникает собирательный образ русского крестьянина, невежественного, но по-житейски мудрого.

Для «Писем...» характерна общая образность изложения и эмоциональность, хотя и скрытая, подавленная. Открытая боль, отчаяние и тревога за судьбу своей страны и народа в короленковских описаниях реалий революционных лет почти не прорывается. Выпады писателя против большевиков сдержанны. Автор не ставит перед собой такую цель, как выражение собственных чувств, хотя они и предельно ясны, главное для него – воздействовать на эмоции читателя. Для этого он сознательно вводит в ткань «Писем к Луначарскому» дополнительный материал: картинки из жизни, воспоминания – свои и очевидцев тех или иных событий, выдержки из других писем.

По замечанию одного из исследователей, «тончайшее сплетение научных идей и эмоциональных реакций на эти идеи составляет неповторимый склад публицистической речи Короленко» [1, с. 244]. Автор «Писем к Луначарскому» в каждой идее видит практическую сторону. В частности, опираясь на некоторые положения экономической теории и учения Маркса о капитале, он подробно рассматривает причины, по которым в России пока невозможно построение социализма. Или описывает последствия внедрения большевистской экономики в Полтаве, концентрируясь на бытовых подробностях (грабежи огородов, садов и т.п.).

Стремление к аналитичности, желание логически, а значит – объективно, объяснить ту или иную сторону российской и украинской действительности, то или иное явление человеческой жизни вообще свойственно публицистике Короленко. Автор вдумывается, «внедряется» в идею, видит в ней прежде всего научную основу. «Логика – одно из могучих средств мысли, но далеко не единственное. Есть еще воображение, дающее возможность охватывать сложность конкретных явлений» [5, с. 213], – этот тезис, служащий исходным пунктом в раздумьях писателя о соотношении двух категорий человеческого

мышления (логики и воображения) у большевиков (они, по мнению автора, явно пренебрегают фантазией, управляя страной), может быть применим и для характеристики творческого метода Короленко. Он сам считал себя не политиком и не ученым, а художником, воспринимающим реальность через образы.

Короленко рисует несколько тяготеющих к символам метафорических картин общества, государства. Так, анализируя отношение советской власти к капитализму, он уподобляет промышленность и сельское хозяйство старой России крепости, которую коммунисты сначала «взяли в осаду», потом – захватили и отдали «на поток и разграбление» [5, с. 206]. Общество в короленковском восприятии – это коралловый риф, растущий и развивающийся по своим, естественным законам; это и механизм, для эффективной работы которого необходимо «полезное и вредное сопротивление» [5, с. 207] (без него «механизм будет вращаться впустую, не производя нужной работы» [5, с. 207], – имеется в виду «незрелость» русского народа, проявившаяся в том, что он с радостью откликнулся на призывы большевиков к социалистическому строительству вместо того, чтобы осознать их преждевременность и воспротивиться бездумным амбициям Советов).

Еще один метафорический ряд автор «Писем к Луначарскому» выстраивает, размышляя о необходимости воспитания в русском человеке моральной культуры: «Из одного и того же вещества углерода получаются и чудные кристаллы алмаза, и аморфный уголь. Значит, есть какая-то разница во внутреннем строении самих атомов. То же нужно сказать и о человеческих атомах, из которых составляется общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизовать из данного общества» [5, с. 208]. Писатель вложил в это пространное высказывание следующий смысл: «атомы» – русские люди – еще не готовы «составить» «кристаллы алмаза» – социализм.

На основе этих примеров легко заметить, что, создавая символические картины, Короленко оперирует понятиями и терминами естественных наук. Рискнем предположить, что так автор, возможно и неосознанно, подчеркивает практичность своего художнического подхода к революционной реальности. Эта тенденция ярко заявляет о себе и в следующем фрагменте. Короленко так обвиняет большевиков в незнании российской действительности и догматизме: «Математик рассчитывает ...во сколько времени ядро ...прилетит на Луну, но уже физик ясно представляет себе всю невозможность задачи, по крайней мере при нынешнем уровне техники. Вы только математики социализма, его логики и схематики» [5, с. 213]. Данная цитата красноречиво

свидетельствует о своеобразной «научности» стиля короленковской публицистики.

Один из важных приемов раскрытия противоречий революционной действительности, поведения народа и действий властей в «Письмах к Луначарскому» – сопоставление политической, экономической и культурной ситуации в России и Украине 1920 года с реалиями царского времени и с обстановкой во Франции периода революции 1789–1794 годов. Данные параллели необходимы писателю для более глубокого проникновения в суть революции как исторического феномена. Отметим, что, постоянно сравнивая жизнь до и после революции, Короленко нисколько не идеализирует былую Россию – он стремится показать большевикам ложь и несправедливость их политики и предупредить их о неизбежном крахе.

Как уже говорилось, текст «Писем к Луначарскому» заключает риторический вопрос, один из наиболее типичных художественных приемов публицистики. Это лишний раз доказывает фактическую жанровую природу данного произведения Короленко. В целом, основные черты стиля «Писем...» – художественность (типические образы, символика, своеобразные метафоры), логика, «научность» изложения, практический подход к анализу проблем окружающей реальности – помогают раскрыть позицию писателя в годы революции во всей полноте.

Короленко был писателем, мыслящим социально, и социологом, умеющим отвлекаться от излишне рационалистических схем. «Письма к Луначарскому» как на проблемном уровне, так и на уровне поэтики, прекрасно раскрывают эту особенность его личности. Анализируя экономическую ситуацию в стране, охваченной пламенем гражданской войны, он доказывает бессмысленность и необоснованность большевистского курса на социализм. Короленко считает, что переход к новой общественной формации невозможен, ведь Россия еще не прошла предыдущую, а народ еще не готов к новым экономическим отношениям. Автор «Писем...» призывает советскую власть осознать свою ошибку и остановить «работу» по разрушению всего буржуазного, пока не поздно.

1. *Аннинский Л.* Наши старики //Дружба народов. – 1989. – №5. – С. 236–246.
2. *Короленко В.Г.* Земли! Земли! – М., 1991. – 224 с.
3. *Короленко В.Г.* Воспоминания. Статьи. Письма. – М., 1988. – 413 с.
4. *Короленко В.Г.* Неизвестная публицистика //Волга. – 1991. – №1. – С. 124–139.

5. *Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому //Новый мир. – 1988. – №10. – С. 198–218.
6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. – 5-е изд. – М., 1958–1965.
7. Письма Короленко к Горькому (1921) //Родина. – 1989. – №3. – С. 70–73.
8. *Слинько А.* Спор о главном //Подъем. – 1988. – №8. – С. 101 –111.
9. *Соколова М.А.* «...Я корреспондент и горжусь этим званием» //Короленко В.Г. Война пером. – М., 1988. – С. 5–22.
10. *Тимина С.И.* Предназначение писателя//Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. – М., 1988. – С. 5–20.
11. *Трифонов Н.* История одного спора октябрьских лет (Луначарский и Короленко) //Вопр. лит. – 1970. – №7. – С. 33–44.

К.Д. Тараманова

В.Г. КОРОЛЕНКО ТА ПОЛЬСЬКА ЛІТЕРАТУРА

Нові штрихи до портрета видатної людини, нові подробиці, що збагачують наше уявлення про нього, завжди цікаві.

Образ Володимира Галактіоновича Короленка вже склався певним чином для кожного з нас. Та іноді з'являється можливість побачити відому постать у іншому ракурсі. І буває тоді, що навіть затамовуєш подих від приємного здивування.

Так сталося і з нами, коли при дослідженні фонду польської літератури ХДНБК ми несподівано відкрили для себе ще одну, нехай і невеличку, сторінку багатогранної та глибокої творчості Володимира Галактіоновича Короленка. Під час роботи з бібліографічними джерелами з полоніки звернули увагу на те, що у деяких матеріалах Короленко згадується як перекладач із польської і як автор літературно-критичних статей про твори польських літераторів.

Переглянувши біографію письменника, ряд критичних та літературознавчих матеріалів, дізналися, що Короленко добре володів польською мовою. Цьому сприяло те, що мати Володимира Галактіоновича була дочкою польського поміщика. Та й народився і виріс Короленко на Житомирщині, а вчився у Рівному, де знання польської не дивина. Він писав у 1908 році перекладачці Л.Я. Круковській: «С произведениями [Болеслава] Пруса я мог бы ознакомиться в оригинале, так как читаю по-польски свободно» [1].

В.Г. Короленком було зроблено кілька прозаїчних та віршованих перекладів з Міцкевича та Сенкевича. Так, відомий його російський переклад твору Генрика Сенкевича «Янко-музикант» (який у цьому перекладі вперше було опубліковано вже у наш час, у 1975 році). Звернувшись до видання «Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955: Библиографические материалы» (М.; Л., 1957), знайшли відомості щодо чудової ліричної мініатюри великого романтика «Над водным простором...», яку саме у перекладі Короленка включено до всіх російських видань поетичних творів Міцкевича. У цьому шедеврі поетичної майстерності є такі рядки (даємо у перекладі Короленка): «В душе моей так же печально, /И глубь ее так же кристальна ... И так же я скал избегаю, / И так же огни отражаю ... / Тем скалам – остаться здесь вечно, / Тем тучам – лить дождь

бесконечно ... / И молньям на миг разгораться... / Ладье моей – вечно скитаться» [2].

У житті Володимира Галактіоновича, суворого реаліста, були моменти, коли в його душі відлунням звучали мотиви, притаманні романтичним творам Адама Міцкевича.

В.Г. Короленко звертається й до творчості ще одного поета-романтика, визначної постаті у польській літературі XIX ст., – Зигмунта Красінського. На ці відомості ми натрапили при перегляді бібліографічного покажчика «Польская художественная литература XVI – начала XX в. в русской и советской печати: Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг.» (Вроцлав; Варшава; Краков; Гданьск; Лодзь, 1986).

Йдеться про літературно-критичну статтю В.Г. Короленка «Красинский. Иридион», яку вперше було опубліковано у вересневому випуску «Русского богатства» за 1904 рік [3]. За формою – це відгук письменника на появу російського перекладу поетичної драми З. Красінського «Irydion» («Іридіон»). А по суті – й намагання Короленка на прикладі конкретного твору донести до читачів ідеї, які на той час хвилювали його, були важливими для утвердження естетичних принципів.

Що ж то за ідеї та що пов'язує Короленка та Красінського, творчі шляхи яких не перетиналися і відстань між якими була довжиною майже в життя (Короленку ще не виповнилося шести років, коли пішов із життя Зигмунт Красінський)? Єднають їх, як ми переконалися, думки з приводу таких «вічних» тем, як патріотизм, гуманістичні ідеї добра, роль поета у суспільстві тощо.

Ось які точні й красиві слова знайшов Короленко, щоб сказати про поета та його твір: «Красинский, романтик, символист и сын своей родины вышил поэтические узоры своей поэмы» [4].

Щоб краще сприйняти думки Короленка, нам необхідно було звернутися до матеріалів, що висвітлюють особистість Зигмунта Красінського та його творчість. Як виявилось, їх у ХДНБК доволі і російською, і польською мовами. З переліком творів письменника, що з'явилися у російських перекладах 1860–1975 років, та з переліком літературно-критичних матеріалів про його життя та творчість можна ознайомитися вже у згаданому бібліографічному покажчику «Польская художественная литература в русской и советской печати» [5].

Взагалі жодна праця з історії польської літератури XIX ст. або з історії романтичної поеми чи романтичної драми не обминає постаті Красінського, хоча критики та публіцисти завжди неоднозначно оцінювали творчість поета в цілому. Шанувальники визнавали його

«духовним батьком» польської нації, інші – були безжальні до автора «Небожественної комедії» та «Іридіона». Прихильники називали його драми «сонцями» польської драматургії, їх створювача – «найвидатнішим з поетів», а у совєтському літературознавстві його вважали «главою реакційного крила у романтизмі». Та завжди ім'я Красінського згадується поряд з найяскравішими виразниками польського духу – Міцкєвичем та Словацьким. Їх називали трьома пророками польського романтизму, трьома вершинами романтичного театру. К.Д.Бальмонт писав: «Польская «романтическая «Троица» – Мицкєвич, Словацкий, Красиньский – неразрывно слилась воедино, яркими свойствами, в разной степени, но в одинаковой неподдельности, составляющими отличительность и неотъемлемость трех этих гениальных поэтов» [6].

Красіньський, цей знаний шляхтич, граф, нащадок знатного магнатського роду, у 17 років волею обставин покинув рідну Польщу і переїхав до Парижа, де і пройшло його життя. Але серцем він залишився з Польщею назавжди. І чим важче було його Вітчизні (особливо після поразки повстання 1830 року), чим далі занепадала країна, тим більше Красіньський був до неї прив'язаний. Він непохитно вірив у велике призначення свого народу та у політичне відродження Польщі. Ці його думки з надзвичайною силою прозвучали у драмі «Іридіон» – творі, який став визначним явищем у загальносвітовому літературному процесі.

Максим Горький, у 1902 році прийнявши переклад «Іридіона» до видання у товаристві «Знання», писав К.Пятніцькому: «Посылаю «Иридиона». Дорогой друг, прочитайте эту прекрасную, могучую вещь. Издать ее необходимо» [7].

До речі, у фонді ХДНБК є чотири видання цієї драми Красінського мовою оригіналу, серед яких два видано в Україні; є й її переклад російською [8].

Що ж привабило Короленка у цій поетичній драмі? На нашу думку, перш за все тема любові до поневоленої вітчизни, романтика високих ідей та почуттів, патріотична героїка, бо й самому Короленку була притаманна любов до свободи та ненависть до деспотизму.

Зацікавив його і сюжет драми, побудований на боротьбі пристрастей, показі шляхів, які шукає людська душа. Її головний герой – знатний грек Іридіон усе робить для того, щоб помститися Риму за пригнічену свободу рідної Еллади. Хоча драма художньо відтворює деякі моменти з життя стародавнього Риму епохи раннього християнства, в ній мається на увазі Польща 30-х років XIX ст.

Язичницький Рим Красіньського – це втілення грубої сили, деспотичної волі, матеріального початку, а ідеальна Еллада, за яку мстить

Іридіон, – країна вільного духу. Іридіон належить до плеяди романтичних героїв однієї пристрасті, однієї мети, яка поглинає усе його єство.

Дійсна романтика та героїка твору були до душі Короленкові. При всій умовності (як за часом, так і за простором) поетичного світу драми Красінського Короленко побачив в ній зразок високохудожнього відбиття реальної дійсності.

Короленко мав струнку систему естетичних та літературно-критичних поглядів. Він керувався нею й у своїй художній творчості, й у діяльності літературного критика, вважаючи, що чим ширше відображається дійсність у художньому творі, чим глибше вдається письменникові показати внутрішні зв'язки явищ, закономірності розвитку, тим більшого значення набуває художній твір у житті суспільства.

І хоча твір Красінського є символічним, у ньому Короленко побачив такі важливі якості художнього твору, як широта, ясність, велич того, що символізують його образи. Насичені інтелектуальним підтекстом, вони викликають, за словами письменника, «волнения мысли и чувства», а палкі монологи героїв «отражают наши собственные вопросы». Короленка захоплювало геніальне художнє зображення Красінським таких масштабних проявів людської особистості, як віра, любов, «патріотичний запал» та «патріотична печаль».

У цій критичній статті є багато роздумів Короленка щодо співвідношення реалізму та модернізму (зокрема символізму) у художній сфері. Написана у 1904 році під час загострення ідейно-естетичної боротьби у літературі та критиці, розмежування ідейно-художніх течій і шкіл, стаття пояснює деякі позиції В.Г. Короленка. На початку століття у світовій літературі панував символізм із притаманними йому мотивами соціальної зневіри та філософського песимізму, з тугою за чимось «неземним», «надсмертним», за тим, «чого немає у світі». Не заперечуючи символізм як творчий стиль, Короленко негативно ставився до його ідеології. І у своїй статті письменник протиставляє символізм Красінського, з його піднесеністю та глибиною, символізму «мелкотравчатому», «в котором условность образа прикрывает лишь мглу и неясность плоской и маленькой мысли». Короленко вважає, що «Іридіон» «может служить укором бледному и худосочному современному символизму, с его бесформенными намеками на то, чего не ведает никто».

Таке бачення письменником твору Красінського допомагає глибше зрозуміти зміст та суть його естетичних позицій.

На думку Короленка, романтизм Красінського – не модний стиль, а настрій епохи, трагічне світосприйняття, непідробна скорбота за долю

свого народу. І в драмі відчувається дійсно польська душа. Завершальним акордом статті є ствердження, що «в этом издании русская литература приобретает одно из характерных и значительных произведений родственного польского духа».

Ще один аспект теми «Короленко та польська література» привернув нашу увагу – вплив творчості Короленка на польську літературу кінця XIX – початку XX століття. Літературознавці відзначають схожість деяких елементів стилів Короленка та Болеслава Пруса. Велике значення для польських реалістів-новаторів початку століття мав активний гуманізм письменника, його глибоке проникнення у світ людської душі.

Тому цілком природним є поважне ставлення у Польщі до письменника. Твори Короленка широко перекладалися і перекладаються польською мовою. У фонді ХДНБК є майже всі найбільш значні і відомі його твори у перекладі польською, що видані у Варшаві у різні роки, починаючи з кінця XIX ст. Найбільш цінним з тих, що має ХДНБК, є прижиттєве варшавське видання повісті «Сліпий музикант» (у першій її редакції – 1886 року), яка вийшла у 1890 році.

1. В.Г. Короленко о литературе: [Сб.]. – М., 1957. – С. 651–652.
2. *Mickiewicz A.* Nad wodą wielką i czystą; Над водным простором.../Пер. В.Короленко //Мицкевич А. Избранные произведения: В 2 т.– Т.1. – М., 1955. – С. 260.
3. [*Короленко В.Г.*]. Новые книги: Красинский С. Иридион // Рус. богатство. – 1904. – № 9. – Отд.2. – С. 91–94. – Без подп.; Те саме //Короленко В.Г. Полн. собр. соч. – Пг., 1914. – Т. 9.– С. 363–365; В.Г. Короленко о литературе. – С. 388–391.
4. В.Г. Короленко о литературе. – С. 389.
5. Польская художественная литература XVI – начала XX в. в русской и советской печати: Указ. переводов и лит.-крит. работ на рус. яз., изд. в 1711–1975 гг.– Т.2. – Вроцлав; Варшава; Краков; Гданьск; Лодзь, 1986. – З. Красинский. – С. 147–151.
6. *Бальмонт К.Д.* О «Лилле Венеде» //Три драмы Юлия Словацкого /Пер. с пол. К.Д.Бальмонта. – М., 1911. – С. 241.
7. Архив А.М. Горького. Т.4: Письма к К.П. Пятницкому. – М., 1954. – С. 104.
8. *Красинский З.* Иридион: Драм. поэма //Север. – 1907. – № 27–35.

Е.И. Меламед

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ В.Г. КОРОЛЕНКО

Над циклом литературоведческих очерков и разысканий под таким названием автор этих строк работал в конце 70-х и на протяжении 80-х годов прошедшего века. Идея состояла в том, чтобы, с одной стороны, рассмотреть проблему прототипов применительно к творческой практике писателя, который, собственно, и сам признавал, что нередко выводил в своих произведениях живых людей [1]; с другой, – рассказать о том, что осталось за строкой... Предполагалась отдельная книга, но, увы, как нынче говорят, не срослось... Некоторые материалы, включая биобиблиографический словарь «Прототипы «героев» В.Г. Короленко», в том или ином виде были опубликованы в периодике [2]; прочие, в том числе и представленные здесь сюжеты, так и остались в моем архиве [3]. Не скрою, что, извлекая их оттуда, я боролся с искушением что-то если не переписать, то переиначить, но в конце концов ограничился лишь уточнением немногих фактических деталей.

I. НА ФОНЕ ПЕТРОВСКОГО-РАЗУМОВСКОГО...

Если поставить себе целью наглядно продемонстрировать, что в творчестве В.Г. Короленко весьма существенную роль играет автобиографический элемент, что за его «художественными образами почти всегда скрываются реальные лица» [1], то в качестве характерного образца можно указать на повесть «С двух сторон».

Впервые опубликованная в 1888 году и спустя четверть века существенным образом переработанная (при подготовке полного собрания сочинений, вышедшего в приложении к журналу «Нива»), она отразила тот пласт реальных впечатлений, которые будущий писатель почерпнул, обучаясь в 1874–1876 годах в Петровской земледельческой и лесной академии (ныне Московская сельскохозяйственная академия имени К.А.Тимирязева).

Перед нами как бы групповой портрет на фоне Петровского-Разумовского (бывшей графской усадьбы, где разместилась академия), нарисованный пусть и не непосредственно с натуры, но по воспоминаниям о ней. Портрет и... автопортрет:

«Мне шел двадцатый год. Я был студентом Петровской академии и чувствовал себя необыкновенно счастливым. Все из того времени вспоминается мне каким-то сверкающим и свежим. Здание академии среди парков и цветников, аудитории и музеи, старые «Ололыкинские номера» на Выселках, деревянные дачи в сосновых рощах, таинственные сходки на этих дачках или в Москве, молодой романтизм и пробуждение мысли» [2].

Уже по этим начальным строкам в герое-рассказчике Гавриле Петровиче Потапове нетрудно угадать самого автора, как нетрудно в дальнейшем распознать в профессоре Изборском, которому целиком посвящена шестая глава второй части повести (появившаяся в ней уже после переработки), весьма почитаемого писателем со студенческих лет К.А.Тимирязева [3], а в «девушке с Волги» Досе (Федосье Степановне) – Евдокию Семеновну Короленко (Ивановскую; 1856–1940). Известно, скажем, что знакомство Потапова с Досей произошло при тех же обстоятельствах, что и знакомство Короленко с будущей женой [4].

Узнаваемы и некоторые безымянные персонажи: венчавший Урманова и Валентину Григорьевну «академический священник, профессор богословия, человек умный и красноречивый», чьи «проповеди славились в Москве» [5], – это Яков Данилович Головин (1821–1878), духовный пастырь петровцев и, кстати, отец известного русского художника [6], а пресмыкавшийся перед начальством субинспектор – помощник инспектора студентов Петровской академии Ф.О. Венцковский [7].

И того, и другого Короленко упоминает в «Истории моего современника». Здесь же он рассказывает, как однажды, в пору «хождения в народ», увидел в Москве знакомого студента-медика С.А. Харизоменова: «Он шел с двумя рабочими в картузе и поддевке и, остановясь, усердно крестился на церковь. Он сделал знак, и я не узнал его» [8]. Этот эпизод также нашел отражение в повести [9].

Итак, совершенно очевидно, что «рассказ моего знакомого» (подзаголовок «С двух сторон» в последней редакции) – это рассказ самого писателя и что преобладают в нем невымышленные герои. Однако представление о мемуарной основе произведения будет все-таки неполным, если не вскрыть и другие реалии, которые до сих пор не привлекали внимание комментаторов.

«Один из лучших моих товарищей...»

Наиболее обстоятельна и детализирована в воспоминаниях рассказчика характеристика его друга Тита, так что вопрос о прототипе напрашивается сам собой. Эти воспоминания помогают найти и ответ.

«Я очень любил Тита и еще недавно он казался мне понятным. В начале гимназического курса я привык смотреть на Тита с почтением: он был много старше меня и шел тремя или четырьмя классами выше. Но бедняга был очень туп, и год за годом я нагнал его в последних классах <...> Я часто помогал ему в «сочинениях», и его «зубрежка» подавала повод к моим шуткам. Но я ничего не скрывал от Тита и слушал его советы в житейских делах» [10].

Этот фрагмент из второй части «С двух сторон» явно перекликается со следующим местом из воспоминаний Короленко (относящимся ко времени его учебы в Ровенской гимназии): «Вечером ко мне пришел один из товарищей, старший годами, с которым мы были очень близки. Это был превосходный малый, туговатый на ученье, но с большим житейским смыслом» [11].

Ясно, что в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке. В последней редакции «Истории» его имя не указано, но оно есть в первой, журнальной редакции [12], где начало процитированного выше отрывка звучит по-иному: «Вечером ко мне пришел один из близких товарищей, которого мы все почему-то звали Хомой...» [13].

Речь идет о Демьяне Ивановиче Мочальском (1847–1928), с которым «современник» учился в Ровенской гимназии и на Лесном отделении Петровской академии (его домашнее имя, запечатленное и в некоторых документах, – Фома [14]. Собственно, по совету Мочальского он туда и поступил. «Один из лучших моих товарищей»,– так назвал его Короленко в «Истории» [15]. Увы, он ни словом не обмолвился о взаимоотношениях с ним в студенческие годы, вследствие чего повесть «С двух сторон» оказалась единственным источником наших сведений об этом.

Другое дело, в какой мере можно доверять такому источнику?

Рассказ Потапова о своем друге поддается проверке главным образом в его «ретроспективной» части. Подобно Титу, Мочальский был «много старше» Короленко – разница в шесть лет в отрочестве более чем ощутима,– и так же, как он, оказался «неспособен к наукам». Это подтверждают, между прочим, сохранившиеся среди бумаг Ровенской гимназии сводные ведомости об успеваемости. Судя по ним, Короленко не только догнал Мочальского (в пятом классе), но в дальнейшем и обогнал, так как последний в продолжение семилетнего курса обучения из-за неудовлетворительных оценок трижды оставался на второй год [16].

Поиски других точек соприкосновения между героем и его прототипом по недостатку фактов весьма затруднительны. Можно, правда, привести еще косвенное подтверждение того, что Мочальский, как и Тит, не принимал активного участия в студенческом движении: это отсут-

ствие его подписи под коллективным заявлением-протестом петровцев (составленным Короленко, за что он, как известно, был исключен из академии и сослан) против введения администрацией «правил», стесняющих их свободу. Да и причины его пассивности были, по-видимому, аналогичные: «Бедный Тит тоже, пожалуй, любил «идеи», – читаем в первой редакции повести, – но только он знал, что для него эта любовь непозволительная роскошь, что ему впору справляться с трудностями записок» [17].

Петровскую академию Мочальский окончил в 1876 году [18], после чего служил на Урале и в Московской губернии, в том числе в продолжение тридцати трех лет в Измайловском лесничестве. В его некрологе отмечается, что он оставил здесь «яркий след в виде 400 гектаров культур, множества дорог, прудов, мостов, строений»; что именно он «распланировал пустырь Благуши, устроил улицы» [19], одна из которых, добавлю от себя, долгое время носила название Мочальской (ныне Ибрагимова).

Сам Демьян Иванович жил на Главном проспекте (сейчас Главная аллея) в доме, где помещалась контора Измайловского лесничества. Сохранился снимок 1910 года, запечатлевший здесь Короленко [20]. Бывая в Москве, он не упускал случая навестить старого товарища. Их дружеские отношения не прерывались до самой смерти писателя [21].

«Некто Урманов...»

«Был тогда в академии некто Урманов. Он шел выше меня тремя курсами, и особенной близости между нами не было. Несмотря на это, а может быть именно поэтому, что не было близости, он служил для меня предметом особенного, отчасти романтического интереса...» [22].

Так начинается четвертая глава первой части «С двух сторон», а вместе с тем и центральный эпизод повествования, в котором, кроме Урманова, фигурирует и загадочная молодая женщина, дочь старого генерала, живущего на даче, вблизи академии.

Загадочной Валентину Григорьевну Салманову делает ее тайна. От Урманова рассказчик узнает, что «она (Салманова. – *Е.М.*) совершенно разошлась с отцом в убеждениях, сошлась с одним господином, также отказавшимся от аристократических предрассудков, и оба они уехали в Америку»; что «у них какие-то общие цели, какая-то идея, для которой прежде всего нужны средства» [23], и что получить их «американка» сможет, лишь вступив в законный брак на родине; только при этом условии, поставленном отцом, ей достанется материнское наследство.

Цели своей она достигает, выйдя фиктивно замуж за Урманова, но тот, оказывается, серьезно увлечен своей «женой» и пытается вызвать у нее ответное чувство, а заодно убедить далекого соперника отступиться. Борьба за любовь оканчивается трагически: не добившись желаемого и не сумев перебороть свою страсть, Урманов лишает себя жизни под колесами поезда.

Вот такая история... Скорее всего я счел бы ее целиком сочиненной, если бы не встретил указание на то, что Урманов также имел своего прототипа.

Источник заслуживает полного доверия. Профессор Алексей Федорович Фортунатов (1856–1925) слыл хранителем живых традиций Петровской академии, где он учился, преподавал [24], о которой писал в своих статьях, брошюрах и даже стихотворениях [25]. Само собой, он был знаком со многими питомцами Петровки, в том числе и с Короленко, перед которым буквально благоговел. Через год после его смерти Фортунатов выступил на собрании в академии, посвященном памяти писателя. И вот здесь, коснувшись двух его «петровско-разумовских» произведений – «Прохор и студенты» и «С двух сторон», – между прочим заметил, что моделью для Урманова, «который будто бы бросился под поезд Николаевской железной дороги», послужил «тогдашний студент Академии, впоследствии видный деятель управления крупными свеклосахарными хозяйствами...»[26].

Установить, о каком деятеле идет речь, помог покойный Александр Вениаминович Храбровицкий (1912-1989), редкостный знаток биографии и окружения Короленко, чьими советами и «подсказками» я имел счастье пользоваться на протяжении многих лет. Он вспомнил, что некогда обсуждал этот сюжет с сыном Фортунатова, Григорием Алексеевичем, и адресовал меня к письмам последнего, которые и поныне находятся в его (Храбровицкого) личном архиве в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В одном из них, датированном 2 февраля 1959 года, оказалась воспроизведена запись из детского дневника Г.А. Фортунатова, сделанная им в двенадцатилетнем возрасте. Вот интересующий нас отрывок:

«26 ноября 1903 г.: Я прочитал сегодня рассказ Короленко «С двух сторон», и он мне ужасно понравился. Содержание его я уже знал в несколько измененном виде (точнее было бы сказать, «в ином», – прим. 1959 г.), так как никто, кажется, по правде, под поезд не бросался, а этот студент и теперь жив и фамилия его – Чечулин. Он имеет теперь хорошее место, и папа с ним знаком, причем я приложил бы его карточку, если бы мой дневник был с иллюстрациями. Но это простительно Короленко, ибо придает много романтичности всему...» [27].

Как выяснилось впоследствии, в Петровской академии было два брата Чечулиных. Но Фортунатов, конечно, имел в виду старшего, Константина Семеновича, в предреволюционные годы директора-распорядителя двух частных сахарных заводов в Харьковской губернии [28]. Его пребывание в Петровском-Разумовском в 1870–1876 годах [29] совпадает с периодом студенчества Короленко, который, как это и указано в повести, учился тремя курсами ниже. Сходятся и другие детали. Подобно Урманову, Чечулин был уроженцем Архангельска, происходил из семьи «незначительного» чиновника («сын умершего титулярного советника», – значится в документах [30]) и, по-видимому, также считался «очень способным». Сужу на основании того факта, что по окончании академии он получил степень кандидата сельского хозяйства, в то время как основная масса выпускников довольствовалась званием «действительного студента».

Отправляя запрос в Центральный государственный исторический архив г. Москвы, где находится фонд бывшей Петровской академии, я особо просил уточнить, нет ли в студенческом деле Чечулина сведений о его женитьбе. Оказалось, что есть – сохранилось его прошение директору академии от 16 мая 1875 года о вступлении в брак с Ольгой Николаевной Пушкаревой, дочерью титулярного советника, земледельца из Курской губернии [31].

Быть может, это и есть «американка». Однако в данном случае приходится ограничиться лишь осторожным предположением, ведь не известно, знал ли О.Н. Пушкареву Короленко и в какой мере дочь титулярного советника походила на генеральскую дочь.

Подозрительное примечание

Профессор Беличка существенной роли в повествовании не играет – с ним связан лишь небольшой эпизод во второй части «С двух сторон», но обращает на себя внимание данная ему рассказчиком противоречивая характеристика:

«Чех был превосходный лектор, но теперь я не восхищался его искусством... Недавно про Беличку пошли темные слухи: говорили о каком-то совершенно мракобесном проекте, который не мог даже рассчитывать на практическое применение и имел лишь целью заявить перед кем следует об усердии и благонамеренности его автора <...>. В последнее время слухи получили некоторое подтверждение. Говорили об осторожных доносах на некоторых любимых профессоров. Это возбуждало пылкое негодование но и споры... Большинство допускало достоверность слухов. Другие стояли еще за чеха» [32].

К этим словам имеется подстрочное примечание: «Так как и место действия и время довольно определенны, то считаю нужным сделать категорическую оговорку, что личность, о которой идет речь, совершенно вымышленная. Чеха-профессора никогда, сколько мне известно, в академии не было» [33].

Можно ли целиком доверять таким оговоркам? Вспоминается, что аналогичное примечание Короленко предпослал журнальной публикации рассказа «Соколинец», в котором, однако, выведено вполне реальное лицо – бродяга, бежавший с Сахалина. Даже замаскировав бывшего каторжника под другим именем, он опасался повредить ему невольным разоблачением [34].

Нечто подобное произошло и на этот раз. Да, чеха-профессора в академии, действительно, не было, но был... немец. «Беличка – это Линдеман», сообщил мне уже упомянутый А.В. Храбровицкий после того, как я однажды поделился с ним сомнениями по поводу подозрительного примечания. Карл Эдуардович Линдеман (1844–1928) – один из пионеров отечественной энтомологии. В Петровской академии он преподавал (с 1866 по 1891 годы) сравнительную анатомию и зоологию [35]. Как явствует из черновиков «Истории», Короленко одно время чертил для него «демонстративные картины» [36]. Не их ли он имел в виду, рассказывая о лекции Белички («Со стен смотрели картины, изображающие раскрытые желудки, разрезы кишок и пузыри, «ведущие благополучное существование» [37])?

Историки Тимирязевской академии не отрицают: как специалист и лектор К.Э. Линдеман «пользовался вниманием»[38], но больше говорят о негативных сторонах его деятельности: «Он (Линдеман. – *Е.М.*) полагал, что «академия постоянно ухудшается», что научная деятельность ее «гаснет», разработка науки сельского хозяйства не совершенствуется более, ухудшается и учебное дело. По мнению К.Э. Линдемана, необходимо было изменить всю систему управления академией; «для спасения академии правительство обязано вмешаться и закрыть совет», надо предоставить министру назначение профессоров и все вопросы, касающиеся управления, организации академии; уничтожить лесной отдел; ограничить число студентов и пр.» [39]. Итак, «темные слухи» о «совершенно мракобесном проекте» Белички имели под собой почву, но было и увлечение им молодежи, о котором говорится в повести. В воспоминаниях одного из бывших петровцев можно, например, прочесть, как он и его товарищи по лесному отделению дружно отправляются на не обязательную для них лекцию по сравнительной зоологии, «потому что профессор считается самым красноречивым <...> и стоящим всег-

да на высоте самых современных взглядов в преподаваемой им науке» [40]. С уважением отзывался о прототипе Белички и А.Ф. Фортунатов. «Я лично очень обязан К.Э. Линдеману, – писал он Короленко 16 ноября 1916 года, – общим взглядом на агрономическое образование» [41].

Впрочем, признательность по отношению к учителю отнюдь не помешала тому же Фортунатову поведать в одной из своих лекций, что «с преподавательской коллегией он (Линдеман. – *Е.М.*) большей частью был не в ладах и в течение долгого времени совсем не ходил в совет той академии, в которую он поступил еще ассистентом, в которой долго был профессором, которую очень любил и которую покинул не по своей воле» [42].

Интересно также, что, касаясь восприятия ученого молодым поколением, Фортунатов прямо солидаризировался с мнением автора «С двух сторон». «У студентов, – говорил он далее, – было двойственное отношение к Линдеману. Оно метко подхвачено В.Г. Короленко в его повести из петровско-разумовской жизни (где Л<индеман> выведен под другой фамилией). Косились студенты на сотрудничество Л<индемана> в «Московских ведомостях», но бескорыстная любовь Л<индемана> к науке и учебному делу заставляла признать высокие достоинства этого замечательного зоолога-агронома...» [43].

Попутно замечу, что процитированная фраза еще до печати появилась в уже упомянутом письме Фортунатова к Короленко от 16 ноября 1916 года. Как и предыдущее, от 17 сентября, оно почти полностью посвящено Линдеману. Поводом для эпистолярного диалога послужил протест последнего против преследования немцев-колонистов (в связи с учреждением в 1916 году комиссии по борьбе с немецким засильем) и предстоящее издание его публицистического труда, посвященного этой проблеме [44]. Узнав от Фортунатова, что «книгу о законах против немцев написал все тот же Линдеман-Беличка»[45] и получив затем письмо от него самого [46], Короленко писал 27 октября 1916 года: «Впечатление от его выступлений как будто не лишено черносотенных оттенков. Еще в мои петровские годы говорили о его антагонизме с Тимирязевым и столкновениях их в совете [47]. А для меня и тогда и теперь Тимирязев – рыцарь без страха и упрека. Это, конечно, лишь «впечатление», и какие бы то ни было определенные заключения из него были бы «не научны». Но затем –правильно ли я вспоминаю, что он выступил в ультраправом октябристском духе в те времена, когда правый октябризм принимал мимикрическую сиречь защитную окраску черносотенства. Разумеется, теперешняя его защита русских немцев от величайшей несправедливости есть дело благородное и заслуживающее всяческой

поддержки. Но мне хотелось бы выяснить этот личный оттенок автора просто потому, что во-первых, он мой бывший профессор, во-вторых, я об нем уже писал и, в-третьих, может быть, буду еще писать...» [48].

Надо сказать, что «личный оттенок» Линдемана так и остался для писателя не до конца выясненным (согласившись, что с его именем связано «что-то не то, чтобы вполне предосудительное, а неприятное» и признав справедливыми одни пункты обвинений, Фортунатов, однако, уклонился от обсуждения других [49]); может быть, поэтому Короленко ничего не написал о Линдемане во втором томе «Истории», над которым тогда работал. Тем не менее он счел необходимым поддержать его протест и не только разрешил ему процитировать в предисловии выдержки из своих писем, в которых осуждались гонения на немецких колонистов [50], но и сам принялся за статью об этом [51] и одновременно энергично хлопотал о помещении отзыва на книгу Линдемана в «Русских записках» [52] (под таким названием выходило тогда «Русское богатство»).

Характерно, что при этом Короленко вновь принял меры, чтобы не компрометировать Линдемана и тем самым не повредить тому справедливому делу, которому был посвящен его труд. «Предмет, несомненно, заслуживает внимания, – писал он 18 ноября 1916 года А.В.Пешехонову. – Автор – мой бывший профессор. Если можно (именно – если можно), то другие его грехи, если таковые были,– по поводу сей книги хорошо бы не упоминать...»[53].

II. ИЗ ЖИЗНИ РОМАНЫЧА

Когда вышло десятитомное собрание сочинений В.Г. Короленко, его составителям, между прочим, попеняли на то, что они поместили в нем – и не в специальном разделе, а, что называется, в общем ряду – рассказ «Художник Алымов» [1].

Строго говоря, упрек справедливый: как бы мы ни оценивали этот рассказ «со стороны» [2], следует помнить, что сам писатель счел его неудавшимся; уже набранный в «Русском богатстве» и даже проведенный через цензуру, он был им взят обратно и увидел свет лишь после его смерти [3].

В том, что это произведение, созданное не единым махом (сохранилось пятнадцать отрывков и вариантов к нему) [4], не удовлетворило писателя, отчасти повинны внешние обстоятельства.

«Для беллетристики непременно нужна устойчивость настроения», – считал Короленко [5]. В данном случае это условие не могло быть

соблюдено. Написанию рассказа предшествовало деятельное участие его автора в знаменитом Мултанском процессе (к слову, в одном из вариантов есть намек на него: художник и адвокат Алымов, которому Короленко «подарил» некоторые свои черты, упоминает, что уже три года купается в средневековом мраке вопиющего судебного дела [6]. Непрестанные хлопоты по защите мултанцев – крестьян-вотяков, ложно обвиненных в ритуальном убийстве, – совпали с личными бедами писателя (смертью в мае 1896 года малолетней дочери Ольги, тяжелой болезнью старшего брата Юлиана) и надолго выбили его из колеи; следствием нервного переутомления явились, в частности, острые приступы бессонницы, мучившие Короленко несколько лет.

Упомяну еще об одном неблагоприятном факторе: заканчивать рассказ писателю пришлось спешно, «к сроку» (он предназначался для двух последних номеров журнала за 1896 год), а это обстоятельство всегда тяготило его, сковывая творческое воображение.

По свидетельству жены Короленко, одной из причин его недовольства произведением была схематичность фигуры Романыча, которому первоначально отводилась более значительная роль. Об этом говорит название одного из ранних вариантов – «Художник Алымов и его добрый знакомый мещанин Романыч» [7], да и в ходе чтения самого рассказа можно заметить, что образ Романыча не дописан и что связанный с ним внутренний сюжет не получил своего развития.

Чтобы обосновать это наблюдение, попробуем сопоставить литературного героя с его «оригиналом»; так мы сможем восстановить и некоторые «пропущенные» страницы из жизни Романыча, а значит, и расширить наше представление о нем.

Естественно, возникает вопрос: кто «оригинал»? Установлено, что им был революционер-народник Михаил Антонович Ромась (1858–1920). Короленко, которого на протяжении многих лет связывали с ним «чувства добрые», называл его Антонычем.

Все было так и не так...

Все, что мы узнаем о Романыче, который только однажды назван по имени и отчеству – Филипп Романович (в вариантах – Михаил Романович) [8], мы узнаем от Алымова. В разговоре с рассказчиком он сообщает, что его приятель, хотя и похож на хохла, на самом деле, «родом из Тулы», что «происхождением деревенский мужик», он «между тем, совершенно не понимает мужика и даже говорить с ним понятно не умеет», что, не получив никакого образования, «читал Куно Фишера, Спен-

сера, Маркса <...> Но ... пишет плохо, с ошибками и в конторщики <...> не годится».

Рассказчик, как и читатель, понятно, заинтригован. Далее следует объяснение, из которого привожу небольшой отрывок:

«– А вышло просто: родился в деревне, потом ребенком попал в К., где отец приписался в мещане. Потом отец умер, а мальчик попал в сидельцы какой-то мелочной лавки <...> Подростком уже сошелся с каким-то студенческим кружком, мечтавшим о слиянии с народом. Они и повели его развитие так быстро, что он стал читать и понимать Спенсера, не успевши выработать почерк...» [9].

Все было так и не так.

Украинцем М.А. Ромась был на самом деле и родился – 27 октября 1858 года – именно в К., то есть в городе Козельце Черниговской губернии; в деревню же он попал позднее, после того, как его отец, служивший (вот ирония судьбы!) унтер-офицером в Жандармском полку, вышел в отставку и выехал с семьей в село Парафеевку Борзнянского уезда той же губернии, где устроился кузнецом [10].

Пока был жив отец, Ромась успел два года проучиться в Борзне, в уездном училище; когда же он умер, мать отдала его «в люди», сначала к сапожнику, а потом в какую-то мелочную лавку. Уйдя отсюда, юноша в середине 70-х годов устроился рабочим на Киево-Брестскую железную дорогу.

Именно здесь он сошелся со «студенческим кружком, мечтавшим о слиянии с народом». Возглавлял его один из основателей «Земли и воли» М.Р. Попов (1851–1909). На склоне лет, после двадцатилетнего пребывания в Шлиссельбургской крепости, он писал в своих воспоминаниях:

«...Особенно врезался в моей памяти железнодорожный рабочий, смазчик Ромась <...> По внешнему виду он был чистой крови малоросс, с неизменной трубкой во рту, делавший все неспешно, сопровождавший всякое дело пословицами своих земляков и малороссийским юмором, но всегда с расчетом, наверняка. Этот-то Ромась и завел связи среди железнодорожных рабочих по всей линии железной дороги от Киева до Жмеринки. Через Ромася наш кружок распространял революционную литературу...» [11].

Выходит, киевские жандармы не заблуждались, когда после ареста Ромася (23 декабря 1879 года) констатировали, что он «в преступном сообществе считался весьма полезным деятелем для пропаганды среди рабочих» [12].

«Деятелю», однако, только-только минул двадцать второй год; принимая во внимание это обстоятельство, его не предали, как других,

военному суду, с привычной легкостью раздававшему каторжные сроки, а по распоряжению киевского генерал-губернатора выслали административным порядком в Вологодскую губернию.

«Ну, а затем... мы и встретились в северных городах»...– говорит Алымов. В каких? В вариантах мелькают Холмогоры [13]. Нет, путь Ромася оказался много длиннее и извилистей.

Поначалу он привел его в Вышневолоцкую пересыльную тюрьму – своего рода распределительный пункт для «политических». Ромась, прибывший сюда 25 августа 1880 года (между прочим, он только на месяц разминулся с Короленко, который в составе партии ссыльных покинул Вышний Волочок 17 июля [14]), ожидал своей очереди целых восемь месяцев, вплоть до марта 1881 года [15].

В марте, как известно, в России произошла смена власти; место убитого народовольцами царя Александра II занял его сын, Александр III. По этому поводу от всего взрослого населения империи потребовали присягу «на верность подданству». Ромась дать ее отказался.

Здесь нелишне будет отметить, что движение «неприсяжников» было стихийным и немногочисленным и что среди ссыльных присягу не подписали только тридцать четыре человека [16]. Тем более примечательно, что в их числе оказались будущий герой «Художника Алымова» и его будущий автор, находившийся в этот момент под надзором полиции в Перми. Оба они за это редкое, не предусмотренное даже сводом законов преступление, были и одинаково наказаны – ссылкой в Восточную Сибирь.

Для первого она обернулась Минусинском, где он, впрочем, долго не задержался. В середине сентября 1881 года, спустя немногим более двух недель после водворения на место жительства, Ромась вместе с другим ссыльным, А.Е. Шихановым, на утлой лодчонке пустился вверх по Енисею.

Поймали их не сразу. Шиханов успел добраться до самого Екатеринбурга (нынешнего Свердловска); Ромася подвел купленный по дороге фальшивый «вид» на имя уволенного в запас старшего унтер-офицера А.В. Сергеева – с ним он был задержан 8 октября того же года в Тюкалинске [17].

Его новый маршрут протяженностью в три с лишним тысячи верст имел своим конечным пунктом Якутскую область, куда беглеца доставили в апреле 1882 года.

Вот здесь они и встретились...

Да и как было не встретиться, ведь 3-й Бологурский наслег Ботурусского улуса, в который поместили Ромася, и слободу Амгу, где уже около полугода жил Короленко, разделяло всего двадцать пять верст. Есте-

ственно, ссыльные часто посещали друг друга. За постоянные отлучки в Амгу Ромася даже наказали: сначала он месяц отсидел в якутском остроге, а потом беспокойного ссыльного спровадили еще дальше, в глухой Бижгажинский наслег Намского улуса.

Но это было потом. А на первых порах сближению писателя с Ромасем ничто не мешало. Способствовало же многое: занятия самообразованием, во время которых Короленко не мог не оценить любознательность и упорство «ненастоящего мужика» («читал он страшную массу, – говорит о Романыче Алымов, – можно сказать, ломил через всю эту премудрость точно медведь сквозь чашу, <…> одолел даже до известной степени философскую терминологию» [18]); участие в полевых работах; наконец, совместно вынашиваемый по инициативе Ромася и его приятеля, тоже «неприсяжника», рабочего А.П.Павлова (1856–1883), план побега. Впоследствии, правда, он был оставлен: власти объявили сроки ссылки, и впереди забрезжила желанная свобода.

О реальном Романыче той поры можно прочитать в «якутских» главах «Истории моего современника»; вместе с тем, следует иметь в виду, что эскизный портрет своего товарища по ссылке Короленко набросал и в рассказе «Марусина заимка». Нельзя не согласиться с выводом архивиста и краеведа В.И. Бика о том, что изображенный здесь спутник автора, «природный украинец» – это Ромась, в то время «единственный украинец среди политических ссыльных <…> не только Амги, но и всего Батуруского улуса» [19].

«В ссоре с меньшим братом…»

«…Интереснее всего в нем все-таки было это изумительное упрямство…»

«…Скоро я увидел, сколько еще осталось своего, мужицкого в этом неуклюжем обломе, с такой свежестью непочатого ума и с такой нерастраченной энергией ломившего через дебри науки…»

«…Из всех этих фантазеров, мечтавших о полном слиянии с народом, он был самый мечтательный, самый фантастический…» [20].

Уже эти, выхваченные из контекста отзывы Алымова о Романыче говорят о том, что суровые якутские морозы были бессильны остудить пыл такого человека. Не остудили они и Ромася…

Возвратившись, как и Короленко, в 1884 году из Сибири, он еще некоторое время вынужден был скитаться в поисках приюта и работы, не имея права жительства на родине и отовсюду гонимый охранителями режима, но вскоре снова оказался «при деле».

Дело нашлось в Казани, где Ромась в конце концов устроился сначала грузчиком, а затем слесарем в каких-то частных мастерских. Здесь он устанавливает связь с народническим кружком И.П. Чарушина и Е.Ф. Печоркина (первый в ту пору – студент-медик, второй – земский врач) и принимает непосредственное участие в устройстве тайной типографии [21]. В ней в 1887 году был издан сборник статей «Социальный вопрос».

Однако в это время Ромася в Казани уже не было. Всегда предпочитавший теоретическим дискуссиям о социалистической пропаганде пропаганду как таковую, он ею и занимался, открыв на средства кружка, вскоре самораспустившегося, молочную лавку в селе Красновидово Свияжского уезда Казанской губернии. Это и есть Морщиха, которая фигурирует в рассказе Короленко; примечательно, что в одном из вариантов встречается другое, фонетически более близкое название, – Миловидово [22].

Деньги ему ссудили, в остальном же Ромась, надо думать, действовал по собственному почину и при этом явно плыл против течения – в то время большинство его соратников уже охладело к подобным предприятиям и находилось как бы «в ссоре с меньшим братом» [23].

Не избежал этой ссоры и он сам.

Подробности в данном случае широко известны. Их приводит в автобиографической повести «Мои университеты» А.М. Горький, которого Ромась в трудную для него минуту жизни приветил и поддержал, сделав своим «приказчиком». Напомню, что увидев в приезжем опасного конкурента, «развращающего» народ, красновидские богатеи сделали все, чтобы выжить его из села. Они убили распропагандированного Ромасем крестьянина Изота, дважды стреляли из ружья в него самого, пытались взорвать лавку; когда же это не удалось, сожгли ее, приписав пожар Ромасю и спровоцировав мужиков расправиться с ним «по-домашнему»: его хотели бросить в огонь.

Те же перипетии, как можно догадаться, отразились и в рассказе Короленко, но об этом можно именно догадаться: представлены они здесь в сильно завуалированном виде.

Отвечая на вопрос капитана о своих спутниках, Алымов называет их – Романыча и девушку Фленушку (по предположению биографа Горького И.А. Груздева, изображая ее, Короленко мог иметь в виду народницу М.С. Деренкову, которая также была с Ромасем в Красновидове, а позднее вступила с ним в фиктивный брак) [24] – погорельцами и в беседе с рассказчиком упоминает о какой-то пережитой ими драме с участием того же «меньшого брата». Еще мы узнаем, что Романыч про-

жил в Морщихе три года, «все стараясь перетащить ее из семнадцатого столетия в двадцатое» и что «он хотел для начала завести общественную потребительскую лавку, а она – школу».

Вот, собственно, и вся информация о красновидском эксперименте. Скудость ее слишком очевидна, чтобы не заподозрить, что она вынужденная. Да и сам автор как будто намекает на это; наряду с обещанием описать историю Романыча в «Н-ском листке», он вкладывает в уста Алымова и весьма красноречивую оговорку – «если пропустит губернская цензура...» [25].

«Корень слова – дело»

Так мы и расстаемся с Романычем, не сведя с ним более или менее основательного знакомства. Даже в эпилоге, роль которого выполняет XI глава, нет никаких сведений о том, куда же отправился этот «особенный человек» и как сложилась его дальнейшая судьба.

Но если нельзя ответить на эти вопросы применительно к литературному герою, то уместно будет обратить их к его прототипу, ведь биография Романыча, как мы уже убедились, во многом совпадает с биографией Ромася.

Согласно воспоминаниям А.М. Горького, после Красновидова его друг и наставник вместе с Марией Деренковой отправился на новое добровольное поселение, в Вятскую губернию. Что ж, такое намерение у Ромася, действительно, было, однако, как показал уже упомянутый И.А. Груздев, осуществить его он не смог «вследствие полного отсутствия средств...» [26].

Вывод И.А. Груздева основывается на письмах Ромася и Короленко. Сохранившиеся почти полностью в архиве последнего [27] (увы, того же нельзя сказать о его собственных письмах; лишь немногие из них дошли до нас в виде снятых им самим копий), они запечатлели эпизоды многотрудной жизни рядового участника освободительной борьбы с царизмом. Вместе с тем, это наиболее полный и достоверный источник для истории взаимоотношений Ромася и Короленко; их переписка, начавшаяся еще в 1884 году, когда оба корреспондента находились в Якутской области, велась затем, пусть и с перерывами, на протяжении трех с половиной десятилетий.

Конечно, помимо писем, было и живое общение. Известно, скажем, что после возвращения из Сибири Ромась дважды гостил у писателя в Нижнем Новгороде, а тот в июле 1887 года приезжал к нему в Красновидово [28]; но все же главным образом Короленко узнавал о своем дру-

ге из его писем, к слову, весьма своеобычных и нередко с трудом поддающихся расшифровке.

Осенью 1888 года, после отъезда Ромася из Красновидова, в этих письмах звучали грустные ноты. Обремененный долгами, он тщетно обивал пороги, пытаясь найти работу. Сначала в Казани, где его приютил брат Марии Деренковой Андрей Степанович, также сыгравший известную роль в судьбе молодого Горького, потом – в Екатеринодаре. Уже возвратившись оттуда, он отправился в село Каймары Мамадышского уезда Казанской губернии и под именем Николая Алексеевича Рамазова некоторое время управлял имением местного помещика Перцова.

Далее его следы теряются и обнаруживаются лишь в 1892 году в Саратове. В этом волжском городе Ромась вместе со своими друзьями по якутской ссылке – М.А. Натансоном, Н.С. Тютчевым, О.В. Аптекманом – принимает участие в создании партии «Народного права» – крупной подпольной организации, которая, отвергнув террористическую тактику народовольцев, поставила перед собой задачу объединить для борьбы с самодержавием все оппозиционные элементы русского общества [29].

В последующие два года он выполняет различные конспиративные поручения партии, для чего, как явствует из полицейских документов, совершает поездки в Брест, Варшаву, Орел, Смоленск и некоторое время живет в Москве.

(Те же документы добавляют новые штрихи к портрету «ненастоящего мужика». О его духовных запросах свидетельствуют, в частности, зафиксированные в дневниках наружного наблюдения посещения им Третьяковской галереи, Румянцевского музея, Кремля, театральных спектаклей и публичных лекций [30]).

Что с того, что большинство этих поручений носило сугубо «технический» характер? Думается, что Ромася это обстоятельство не смущало. А.М. Горький запомнил (и воспроизвел в статье «Механическим гражданам СССР») такие его слова, обращенные к молодым пропагандистам: «Когда беретесь за революционное дело, то уже не можно брезговать никаким тяжелым трудом, и надо помнить: корень слова – дело» [31].

Начавшийся на родине Чернышевского очередной этап его революционной биографии заканчивается там, где автор «Что делать?» провел многие годы подневольной жизни. Арестованного 21 апреля 1894 года, Ромася после полутора лет тюремного заключения, часть которого пришлась на печально знаменитый Трубецкой бастион Петропавловской крепости, вновь высылают (на пять лет) в «отдаленнейшие места Восточной Сибири» и поселяют в Вилюйске.

Из ссылки он вернулся в 1902 году и уже семейным человеком. С фельдшерицей Надеждой Петровной Фоняковой (1869–1961), его соратницей по «Народному праву», Михаил Антонович соединил свою судьбу еще по пути в Сибирь. Там родился их сын Владимир и еще двое детей, уберечь которых они не смогли [32].

О том, каким он вернулся, узнаем из позднейшего письма Горького. Посетивший Ромася весной 1903 года, после пятнадцатилетней разлуки, он засвидетельствовал: «Тюрьма и ссылка почти не изменили его физически и совершенно не отразились духовно – такой же крепкий человек, спокойно верующий в правоту своего дела» [33].

Однако не изменились и условия его жизни: снова скитания, осложненные поднадзорностью обоих супругов, снова поиски работы. Прибыв из Якутии в Воронеж, Ромаси вынуждены были вскоре перебраться в Седлец (здесь и произошло свидание с Горьким), где глава семьи, благодаря хлопотам друзей, получил место кладовщика на строительстве железной дороги, а оттуда – в город Лиду Виленской губернии. Работая здесь по десять часов в сутки в болотистой местности, Ромась заболел тяжелой формой суставного ревматизма. «Дошло до того, – сообщал он в недатированном письме к Короленко, – что меня поворачивали на кровати, и я, собираясь в *дальнюю дорогу,* уже дышал, как рыба, вынутая из воды, с открытым ртом» [34].

При всем при том ему трудно примириться с царящими вокруг звериными нравами, его душу будоражит нарастающий в стране революционный подъем. В другом письме читаем: «Сижу я около кормежки своих ребятишек, но по временам зудят руки и, как старому волку, мерещится лес, может, и убегу в него, хотя маленькие ручки держат крепко...» [35].

Но и дети, а в описываемое время их было уже четверо, не всегда удерживали его «от рискованных действий...» [36]. В 1906 году, например, Ромась, заведовавший в ту пору хозяйственной частью городской больницы Севастополя, был, по собственным словам, «изгнан со службы за излишнюю заботливость об имуществе города» [37]. А спустя еще два года его арестовали на Черниговщине за пропаганду среди штундистов [38].

Выйдя из тюрьмы, где он на этот раз пробыл недолго, Ромась опять колесит по стране: Луганск, Бахмач, Кишинев. В годы Первой мировой войны он служит во Всероссийском Земском союзе, а демобилизовавшись по болезни, незадолго до революции переезжает в Одессу.

Здесь Ромась пережил тяжелые годы гражданской войны, когда город не раз переходил из рук в руки; здесь, проводив старшего сына

в Красную Армию, служил в органах кооперации, здесь и умер 17 июня 1920 года [39].

* * *

Такова внешняя канва жизни этого и вправду особенного человека, имя которого вспоминают рядом с Горьким и Короленко. Вспоминают по праву: одному он стал, хотя и ненадолго, добрым наставником, другой повлиял на его собственное становление и, кроме того, много лет помогал ему и словом, и делом. Наконец, оба они запечатлели «неугомонного хохла» на страницах своих произведений.

Правда, если в автобиографической повести Горького нам представлен сам Ромась, то в рассказе Короленко – его художественное отображение. Увы, оно оказалось беднее и бледнее «оригинала».

Трудно определить однозначно, почему так произошло, почему писатель рассказал о Романыче меньше, чем мог. Разумеется, названные выше внешние помехи всего не объясняют; ясно, что были и иные, внутренние. Не исключено, в частности, что Короленко стесняли рамки им же избранного сюжета; еще вероятнее (вспомним приведенную выше оговорку), что он невольно «оглядывался» на цензуру, которая, наверняка, не пропустила бы портрет революционера «в полный рост». Однако другой портрет не пропустил он сам.

III. «Я КРЕПКО И НАВСЕГДА ПОЛЮБИЛ ЕГО...»

Два портрета

В одном из дорожных альбомов В.Г. Короленко – его неизменном подспорье и в дальних поездках, и в коротких пешеходных путешествиях – есть выполненный с натуры карандашный рисунок пожилого мужчины [1]: крупная овальной формы голова с остатками седых волос, седые же пышные усы, полукольцом прикрывающие верхнюю губу, изрезанный морщинами лоб и печально-задумчивый взгляд много пожившего человека.

Рисунки Короленко – зачастую те же дневниковые записи. Обладавший, как и многие другие его собратья по перу, «вторым талантом» («некоторые авторитетные художники <...>, – свидетельствует осведомленный мемуарист, – находили, что из него мог бы выработаться

хороший живописец...») [2], он по существу подчинил его «первому» – в альбомах, как и в записных книжках, накапливалось то, что сам писатель называл «натуральным материалом» для будущих произведений: пейзажи, лица, предметы быта, жанровые сценки [3].

Сделанные, как правило, в «полевых условиях», подчас наскоро и эскизно, большинство рисунков нуждаются если не в расшифровке, то в комментариях. Не обойтись без них и на этот раз, тем более, что портрет, о котором идет речь, похоже, дотоле не привлекал внимания исследователей. Впрочем, комментировать предстоит не один, а два портрета – графический и словесный, ибо человек, запечатленный на рисунке Короленко, фигурирует и в его же «румынских» очерках – «Над лиманом» и «Наши на Дунае».

В первом из них – он лицо эпизодическое и даже не назван по имени. Рассказчик-путешественник, описывающий свое посещение румынского села Сарыкиой, издавна заселенного липованами (то есть происходившими из России крестьянами-старообрядцами) лишь упоминает, что четырьмя годами ранее он уже побывал здесь вместе «с русским доктором из Тульчи, человеком необыкновенно популярным в Добрудже» [4].

О нем самом сказано и коротко, и весьма туманно, а именно, что доктор был занесен в эти места «тем же ветром, который гнал с незапамятных времен на синий Дунай столько русских людей, «шукавших», кто счастья, кто воли, а кто и веры», и что он «бродил в молодости по заливу с рыбацкой артелью, в качестве ее атамана, и еще к этому времени относится его знакомство и дружба с сарыкиойцами» [5].

Достаточно ли этой информации, чтобы понять, почему доктора встречают в селе с радостью и радушием, намного превосходящим обычное гостеприимство; почему ему прощают даже такой страшный, с точки зрения его земляков, грех, как пренебрежение их древними обычаями?

Нет, причина его необыкновенной популярности по существу не раскрыта. И лишь отчасти на нее проливает свет второе из названных произведений.

Здесь доктору, которого все зовут по имени и отчеству Александром Петровичем, уделено уже значительно больше внимания. Автор даже набрасывает несколькими штрихами его внешний облик, а главное делает его, пусть и ненадолго, действующим лицом повествования.

Собственно, оно с того и начинается, что в ранний час к домику доктора в Тульче приходят ходоки-липоване (на этот раз не из Сарыкиоя, а из другого поселения, именуемого – и весьма пышно – «Русской Славой»). Приходят не за медицинским советом, а для того, чтобы Александр Петрович помог уладить очередной конфликт с властями из-за податей.

Уже то обстоятельство, что доктор не удивляется их просьбе, а сразу, без церемоний, соглашается похлопотать, ясно указывает, что хлопотать ему приходилось и раньше. В этом убеждает и следующий эпизод: тульчинский супрефект (по объяснению Короленко, должностное лицо, приблизительно равное вице-губернатору), к которому он обращается за содействием, встречает его как старого знакомого и, похоже, заранее знает, о чем пойдет речь.

Примечательно и другое: высокопоставленный румынский чиновник и уважаемый в округе старожил-эмигрант обсуждают запутанный вопрос как бы на равных; совершенно очевидно, что первый не только привык считаться с мнением второго, но и сам рад прибегнуть к его посредничеству, дабы предотвратить назревающие в «Русской Славе» волнения.

Да, теперь мы уже понимаем, что Александр Петрович обязан своей популярностью не только врачебному искусству. Это в какой-то мере проясняет ситуацию. Но именно в какой-то мере, ведь автор по-прежнему уклоняется от сколько-нибудь полной характеристики своего героя.

«– Я ему говорю: слухай, Александр Петрович, что ты за человек, я не знаю. Ну, только скажи ты мне, пока я живой: Лука, лезь у воду. Богом клянусь: полезу. Скажешь, иди, Лука, у огонь. Слова не скажу, у огонь пойду. Помни: я теперь твой человек до самой смерти» [6].

У старого хохла Луки, чьи потомки покинули родные места еще во времена Запорожской Сечи, есть все основания быть благодарным доктору: тот спас его жену, «может, ночей пять не спал», выхаживая ее после операции, и при этом отказался от какого бы то ни было вознаграждения. Но, заметьте, и Лука не знает, что он за человек.

Налицо явная недосказанность, иначе говоря, фигура умолчания. О том, чем она вызвана, речь впереди. А пока познакомимся с тем, чей портрет Короленко нарисовал и пером, и грифелем, а заодно и с его отношениями с портретируемым.

«Лучшее воплощение русского движения...»

Нет, атрибуция не потребуется: в обоих случаях известно, кто изображен. Это Василий Семенович Ивановский, которого в разное время звали также Василием Великим, Петром Александровым и Александром Петровичем Петровым.

Первое имя – настоящее. Его дал своему первенцу при рождении – 22 апреля 1843 года – священник села Жадомо, Богородское тож, Чернского уезда Тульской губернии Семен Алексеевич Ивановский [7].

Семья его была многодетной. Вслед за Василием появились на свет еще семеро – три сына и четыре дочери (самая младшая, Евдокия, стала впоследствии женой Короленко) – и, что показательно, почти все они оставили тот или иной след в истории российского освободительного движения [8].

Сам В.С. Ивановский приобщился к нему в Петербургской медико-хирургической академии, куда он поступил в 1868 году после окончания Тульской духовной семинарии и недолгого пребывания в Московском университете. Известно, что в академии, чьи питомцы преобладали среди столичной радикально настроенной молодежи, бывший семинарист был на виду и пользовался общепризнанным авторитетом. «Ну и человек же! Все товарищи без исключения уважали его, уважали за прямоту характера, за твердые убеждения», – так писал однокашник Ивановского, врач и революционер О.В. Аптекман [9].

Не потому ли и прозвище он получает в кружках – Василий Великий? Знаю: с внешней стороны это объясняется тем, что туляк обладал гигантским ростом (вот и в очерке «Наши на Дунае» говорится, что доктор лавировал между столиками ресторана «с таким видом, как если бы башню пустили между фигурок кегельбана» [10]), но ведь великий – не просто большой!

Недаром тот же мемуарист заявлял, что «Василий Великий <…> возвеличивал демократизм» и, характеризуя его, невольно «сбивался» на стихи в прозе:

«Крепкая, как кремень, твердая, как дуб, индивидуальность. По внешности холодный, а ударьте по нем – искры сыплются. По внешности – тонкий, а не гнется, трещит, а не гнется, ломается, а не гнется. Чтобы сломать его, нужны мощные порывы ветра, буря и гроза, топор и могучая рука. Цельная натура» [11].

В пору учебы в академии Ивановский – организатор нескольких студенческих коммун, бывших одновременно и школами саморазвития; его хватает и на то, чтобы в одной из них устроить (с помощью сестры Прасковьи) бесплатную школу-приют для детей. А помимо этого он ведет пропаганду в рабочих кружках (именно его будет считать своим учителем петербургский ткач Петр Алексеев, по Ленину – «корифей русского освободительного движения»), помогает членам революционно-народнической организации «чайковцев» поставить в столице и провинции «книжное дело», руководит студенческой библиотекой Медико-хирургической академии.

Уже в качестве земского врача Ивановский принимает живейшее участие и в знаменитом массовом «хождении в народ», получив после

окончания в 1873 году академического курса назначение в село Шеметово Владимирской губернии. Позднее он поселяется в Москве и снова агитирует среди рабочих. В одном из циркуляров министра внутренних дел А.Е. Тимашева Ивановский упомянут наряду с Д.М. Рогачевым и С.М. Кравчинским, в числе «главных деятелей противоправительственной пропаганды».

Начиная с 1870 года, когда по подозрению в причастности к «нечаевской истории» он проводит три недели в казематах Петропавловской крепости, его неоднократно арестовывают; с этого же времени за ним учреждается тайный надзор полиции.

Из застенков Ивановского выпускают, как говорится, скрепя сердце, и лишь из-за недостаточности улик. Когда же улик собирается достаточно, чтобы облачить его в грубый халат каторжника, он совершает дерзкий, заставивший о себе говорить побег из Басманного арестного дома и, поскольку оставаться в России при столь заметной внешности было невозможно, зимой 1877 года скрывается за границу.

Начинаются скитания по Германии, Франции, Швейцарии и Румынии. В Румынии Ивановский оседает уже навсегда и очень скоро становится центральной фигурой в здешней довольно многочисленной эмигрантской колонии.

И за пределами родины он не может не заниматься тем делом, которое давно стало главным в его жизни и пользуется всякой возможностью для применения своих недюжинных сил, будь то пропаганда среди земляков, по тем или иным причинам оказавшихся на чужбине [12], или нелегальная транспортировка в Россию запретной литературы, оружия и типографских принадлежностей. Помогает он также перебраться через кордон спасающимся от преследования царизма революционерам в связи с чем, как доносил один из полицейских агентов, «все государственные преступники, бегущие из России, направляются к румынской границе» [13].

Однако его деятельная натура жаждет большего. Известно, что весной 1897 года, во время греко-турецкой войны (за обладание островом Крит), Ивановский порывается ехать «спасать грекосов» [14] (осуществить задуманное ему помешал, очевидно, приезд сестер – А.С. Малышевой и Е.С. Короленко). А летом 1905 года вместе с румынскими рабочими-социалистами он встречает в Констанце матросов с «Потемкина» и в дальнейшем проявляет трогательную заботу об их устройстве и политическом просвещении. «Могу без преувеличения сказать, – вспоминал позднее один из моряков, – что, пожалуй, не было ни одной группы потемкинцев, живших в разных местах Румынии, которые бы не

слушали страстных, даже несколько резковатых речей этого русского богатыря-великана»...[15].

Добровольно приняв на себя заботы о героях-моряках, оказавшихся в чужой стране «без языка» и средств к существованию, он сокрушается только об одном, что в связи с этим не может тотчас же возвратиться в Россию и принять участие в начавшейся революции. «Если бы я не имел детей, хотя и очень взрослых – потемкинцев, – читаем в его письме к Короленко, – то я сейчас бы махнул к вам. Но что делать, пока они нуждаются в нас...» [16].

В Румынии его знали уже как Петра Александрова, с годами же звали просто дядей Петром или русским доктором. Впрочем, доктором он заявил себя не сразу и на первых порах даже скрывал, что он врач.

Обосновавшись в Добрудже, где треть населения составляли выходцы из России, Ивановский неожиданно сделался атаманом рыбацкой артели, состоявшей из забубенной разношерстной голытьбы, которая нашла себе пристанище на пустынных лиманах в дельте Дуная. «И такова была сила его доброго сердца, – вспоминал П.Б. Аксельрод, одно время живший вместе с атаманом в его ветхой лачуге, – что он приобрел неограниченное влияние среди этих первобытных, грубых людей, которых 20 лет спустя живо напомнили мне босяцкие рассказы Горького» [17].

Однако Ивановский-Александров не только ловил рыбу, вел хозяйственные дела артели, мирил ссорившихся рыбалок, но и, когда того требовали обстоятельства, лечил их. А поскольку в ряде случаев ему удавалось исцелить даже тех, кого считали безнадежными [18], о нем пошла слава как о лекаре, которому подвластны любые хвори.

Примечательная деталь. Когда впоследствии атаман поселился в Тульче и вернулся к своей первой профессии, местные врачи, явно опасаясь конкуренции, потребовали от властей запретить чужеземцу заниматься медицинской практикой на том основании, что у него нет диплома.

(Диплом, разумеется, был, но на имя Ивановского, а не Александрова, и потому русскому доктору было предложено заново сдать экзамены в бухарестской университетской клинике, что он и сделал, с блеском выдержав все положенные испытания).

Впрочем, тульчинские эскулапы беспокоились напрасно: русский доктор не зарился на их гонорары, ибо почти не появлялся в богатых домах, а лечил преимущественно мужиков и городскую бедноту.

«В этой среде, – пишет Короленко (в статье-некрологе «Памяти замечательного русского человека»), – он был необыкновенно, можно сказать, исключительно, популярен, и каждое утро в узком переулочке Тульчи можно было видеть оригинальную толпу его пациентов: липова-

не из Сарыкиоя или «Русской славы», болгаре из Бадабага и окрестных сел, малороссы в смушковых шапках, румыны в расшитых «чабичках», старики, женщины, дети... С большинства этих пациентов доктор совсем не брал денег, многим помогал сам. Но главное – умел говорить с ними на языке удивительно простом, непосредственном и задушевном <...> Всем говорил «ты» без различия звания и состояния, всем умел высказать в глаза порой очень резкую правду, но за этим чувствовалась такая обезоруживающая простота, столько искренности и столько непосредственной, стихийной любви <...>, что все принимали чудака-доктора, как он есть, целиком и таким его любили» [19].

В Тульче Ивановский прожил около трех десятилетий и, следовательно, стал известен нескольким поколениям жителей Добруджи. А поскольку к русскому доктору, как это показано в рассказе Короленко, обращались не за одной медицинской помощью, то и видели в нем больше, чем врача. «Нашему Петру, любимому отцу нашему» – венок с такой надписью добруджане прислали на могилу Ивановского, умершего 11 августа 1911 года в Бухаресте [20].

Из некрологов, которыми проводила его столичная печать, видно также, что передовая часть румынского общества связывала с нравственным обликом доктора-нигилиста представление о наиболее достойных сыновьях его родины, о героях-народолюбцах под стать Инсарову и Рахметову. «Глядя на этого человека, до такой степени снисходительного и полного любви к грешному и страдающему люду и в то же время так фанатически верного своим идеям, – писал румынский публицист Иосиф Надэйдэ, – казалось, что видишь лучшее воплощение русского движения...» [21].

Автор и его герой

Короленко впервые услышал об Ивановском еще в середине 70-х годов в студенческих кружках Москвы и Петербурга. То, что он узнал тогда и позднее от соратников Василия Великого [22], от жены и ее сестер, должно быть, позволило ему еще до личного знакомства увидеть в нем человека незаурядного, родственного и по духу.

Если так, то это знакомство, состоявшееся в 1893 году, когда Короленко впервые посетил Румынию (на обратном пути из США), не обмануло его ожиданий. «Мы крепко сдружились, – писал он по возвращении зимой 1894 года свояченице, П.С. Ивановской, отбывавшей в то время каторгу на Каре, – и я крепко и навсегда полюбил его...» [23].

То же самое мог бы, наверное, сказать и Ивановский. «Дядя Петро, – вспоминала младшая дочь писателя, – отвечал отцу такой же беззаветной любовью. Он был одиноким человеком и привязался ко всей нашей семье, но в отношении отца его любовь имела еще какой-то другой оттенок – глубокого восхищения и уважения...» [24].

С тех пор они уже не теряли друг друга из виду, переписывались [25]. Вслед за первой поездкой писателя в Румынию последовали еще пять: в 1897, 1903, 1904, 1907 и 1911 году [26]. Последняя была вызвана телеграммой о тяжелой и, как оказалось, предсмертной болезни В.С. Ивановского. Короленко тогда немедленно выехал в Бухарест, где тот находился, и провел рядом с больным около двух месяцев.

А что же предыдущие? Не берусь утверждать, что и они предпринимались исключительно ради свиданий с шурином, ведь с течением времени у Короленко появлялись и другие мотивы: стойкий интерес к России за границей – основной теме его произведений, созданных на зарубежном материале; к самой Румынии, ее истории, культуре и литературе; наконец, потребность в отдыхе, в общении с румынскими друзьями (писателями и общественными деятелями К. Доброджану-Геря, К. Стере, Н. Дунэряну, С. Кужбэ, В. Красеску) [27]. Однако основной, изначальный мотив был, думается, все же этот – колоритная фигура родственника и друга привлекала его прежде всего.

О том, чем привлекала, Короленко написал в уже упомянутом письме к П.С. Ивановской («Эта удивительная, цельная натура...») [28]. В нем, правда, речь шла о первом впечатлении, но и в дальнейшем у писателя не было нужды в переоценке, в чем убеждает хотя бы вот эта дневниковая запись, сделанная десятилетие спустя, 4 сентября 1904 года:

«Он (Ивановский – *Е.М.*) не мастер на обобщения, редко принимает участие в отвлеч[енных] спорах, но живет цельно, т.е. согласно со своим характером. Он врач бедных, философ, живет изо дня в день без денег, всюду любим, со всеми обращается просто» [29].

Именно таким «русский доктор» и изображен в румынских очерках. Да, здесь он легко узнаваем – как и рисунок, художественный образ создан практически с натуры. Даже имя и отчество своего героя автор образовал из имени и фамилии прототипа. К слову, последний одно время и в самом деле так называл себя. Не избежав и в Румынии назойливого внимания русской охранки, Ивановский-Александров, действуя среди потемкинцев, предпочел «замаскироваться»: они знали его как Александра Петровича Петрова.

Загадки, загадки...

По-видимому, и рисунок, и первые наброски «румынских» очерков появились почти одновременно. Правда, рисунок не датирован, но архивисты относят его к 90-м годам, что, судя по сохранившимся фотографиям В.С. Ивановского [30], скорее всего соответствует действительности.

Зная, что в этот период Короленко приезжал в Румынию только дважды, в 1893 и 1897 годах, нужно и выбирать между двумя этими датами. Предпочтительнее, на мой взгляд, вторая. Известно, что поездка 1893 года была кратковременной (всего десять дней) и к тому же омрачена семейным горем: по дороге, в Париже, Короленко узнал о смерти своей малолетней дочери Елены, оставленной у родственников в Саратовской губернии. Иное дело четыре года спустя, когда писатель, приехав в Румынию для отдыха и лечения, пробыл здесь почти три с половиной месяца, с 10 мая по 22 августа [31].

За это время Короленко не только поправил здоровье, но и, объездив страну, собрал «натуральный материал» почти для всех своих произведений о Румынии. Первые из них – очерки «Искатели» и «Некрасовский корень», объединенные затем общим названием «Над лиманом», – были и написаны непосредственно на месте (в Тульче). В том же 1897 году они появились в одиннадцатом номере «Русского богатства» с подзаголовком «Из записной книжки путешественника».

Выше уже отмечалось, что «русскому доктору» в этих очерках отведено весьма незначительное место, что создается впечатление будто автор намеренно не рассказал о нем то, что знал.

Собственно, так оно и было. Когда после смерти Короленко разбирали его архив, то в одной из «румынских» тетрадей, содержащих среди прочего черновую рукопись очерка «Искатели», был обнаружен не вошедший в печатный текст отрывок, целиком посвященный В.С. Ивановскому (несколько страниц заключают в себе описание того, как, очутившись на берегах Дуная, герой очерка сделался сначала атаманом рыбалок, а затем известным всей Добрудже врачом) [32].

Почему же писатель счел нужным изъять эти страницы из уже законченного произведения? По мнению первых публикаторов, потому что «нашел неудобным печатать их при жизни своего шурина» [33].

Теми же причинами можно было бы объяснить и почему Короленко прибег к фигуре умолчания, рисуя образ доктора Александра Петровича в очерках «Наши на Дунае», которые увидели свет снова-таки на страницах «Русского богатства» в декабре 1909 года, лишь спустя двенадцать лет после того, как были сделаны первые наброски. Можно было бы... Но

что в таком случае помешало ему дополнить текст «румынских» очерков уже после смерти В.С. Ивановского в своем собрании сочинений 1914 года, вышедшем в приложении к журналу «Нива»? Известно ведь, что, готовя его, Короленко тщательно пересматривал все свои произведения, а иные – коренным образом перерабатывал [34].

Загадки, загадки...

Правда, свою работу над циклом «Наши на Дунае» писатель не считал завершенной и высказывал (в письме к П.С. Ивановской от 9 января 1910 года) намерение, увы, неосуществленное, дополнить его еще несколькими очерками [35]. Как знать, быть может, в них читатель снова встретился бы с «русским доктором»?!

Не исключено, во всяком случае, что Короленко связывал с В.С. Ивановским еще какие-то нереализованные творческие замыслы. На мысль об этом наводят материалы архива писателя и, в частности, сохранившиеся записи устных рассказов Ивановского [36], а также копия дела из канцелярии С.-Петербургского губернатора о слежке за ним, сделанная для Короленко в 1918 году [37].

Заключая эти комментарии (конечно же, не исчерпывающие!) к двум портретам В.С. Ивановского, не могу не упомянуть и о третьем, принадлежащем перу румынско-молдавского писателя Виктора Крассеску (1850–1917). Выходец из Бессарабии, в прошлом участник российского освободительного движения и тоже врач по профессии, он хорошо знал В.С. Ивановского и вывел его в качестве главного героя повести «Спирька» (1887), пользовавшейся в свое время успехом у читателей и признанной одним из наиболее талантливых произведений о судьбе русского человека в румынской и молдавской литературе второй половины XIX века [38].

1. См., например: *Вересаев В.* Невыдуманные рассказы о прошлом. Литературные воспоминания. Записки для себя / Вступ. ст. Ю.У. Фохт-Бабушкина. – М., 1984. – С. 412–413.
2. Ниже приводятся основные публикации цикла: Хто ви, мосье Гюгенет..? //Комсомол. зірка. – Житомир, 1976.– № 146. – 9 грудня; Доля Авдієва (слідами героїв Короленка) //Червоний прапор. – Рівне,– 1979. – № 97. – 20 травня. – С. 3; Такая яркая жизнь... //Полярная звезда. – Якутск, 1981.– № 3.– С. 117–123; «Посвящено Е.Л.У...» (История одного образа и одной дружбы) //Сибирь. – Иркутск, 1982. – № 4.– С. 102–125; «Адъютант его превосходительства...» //Лит. учеба.– 1982.– № 4.– С. 182–187; По следам профессора-идеалиста //Лит. учеба.– 1984.– № 4. – С. 224–226; Об одном сюжете В. Г. Короленко //Вопр. лит.– 1987.– № 5.–С. 271–277; Прототипы

«героев» В.Г. Короленко (опыт биобиблиографического словаря) //Russian Studies. – СПб, 1995. – № 1 (3). – С. 408–421.

3. За исключением небольшого фрагмента из первого очерка, который уже был опубликован в газетном варианте (и в переводе на украинский язык). См.: *Меламед Ю.* «Один з кращих моїх товаришів» (Із циклу «Слідами героїв В.Г. Короленка») //Червоний прапор. – Рівне.– 1988. – 31 січня. Еще один – «Недорисованный портрет» – в настоящее время готовится к печати во втором выпуске ежегодника «Відкритий архів», издаваемого киевским издательством «Критика».

I. На фоне Петровского-Разумовского

1. *Морозова Т.Г.* Предисловие //В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 7.
2. *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. – М., 1954. – Т. 4. – С. 286.
3. Он же. История моего современника /Подг. текста и примеч. В.Храбровицкого. – М., 1965. – С. 395, 965–966 (примеч.); см. также: *Полосатова Е.В.* К.А.Тимирязев и В.Г. Короленко //Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР.– М., 1955. – Т. IV. – С. 369–375.
4. *Короленко В.Г.* История моего современника. – С. 442.
5. Он же. Собр. соч. – Т .4. – С. 311.
6. В мемуарах одного из бывших петровцев читаем о нем: «Личность отца-протоиерея, независимо от его лекций, очень популярна не только у нас в Академии, но и в Москве...» (*Тихонов В.А.* Двадцать пять лет на казенной службе: Воспоминания отставного чиновника. В 2-х ч. – СПб, 1912. – Ч. 1. – С. 143). Подробнее о Я.Д. Головине см.: *Онуфриева С. А.* Петровское-Разумовское в 1860–1870-е годы. Новые материалы к биографии Александра Яковлевича Головина //Панорама искусств. – 4. – М., 1981. – С. 279–281.
7. *Короленко В.Г.* История моего современника. – С. 962–963 (примеч.).
8. Там же. – С. 385.
9. Он же. Собр. соч. – Т.4. – С. 370.
10. Там же. – С. 332-333.
11. Он же. История моего современника. – С. 265.
12. Там же. – С. 951 (примеч.).
13. Русское богатство. – 1908. – № 10. – С. 215.
14. Государственный архив Ровенской области (далее ГАРО), ф.570, оп.1, ед. хр. 18, л. 40 об., 55 об.
15. *Короленко В.Г.* История моего современника. – С. 367.
16. ГАРО, ф.570, оп.1, ед. хр. 16–21.
17. Русская мысль.– 1888. – № 11. – С. 224.

18. *Шене Э.Б., Собичевский В.Т.* Материалы для истории Петровской академии //Изв. Петровской земледельческой и лесной акад. – М., 1879. – Вып.1. – С. 53.
19. *Гольденберг В.* Д. И. Мочальский //Известия. – 1928. – 25 мая. – № 120.
20. См.: *Кругликов В.* Измайлово. – М., 1959. – С. 171.
21. *Храбровицкий А.* В.Г. Короленко в Измайлове //Веч. Москва. – 1958. – № 195. – 19 августа. – С. 2.
22. *Короленко В.Г.* Собр. соч. – Т.4. – С. 291.
23. Там же. – С. 296.
24. О нем см.: *Чаянов А.* Алексей Федорович Фортунатов (1856–1925) // Вестн. статистики. – 1925. – Кн. XXI. – № 4–6. – С. V–VIII.
25. См., например, *Фортунатов А.Ф.* Справки по библиографии Петровки. – М., 1916; *Он же.* «Три вирши». – М., 1914.
26. Он же. Короленко (Из мотивов речи, читанной на собрании в память Короленко в Петровской Академии //Вестн. сел. хоз. – 1922. – № 1. – С. 15–16.
27. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ), ф.357, к.25, ед. хр. 2, л.255.
28. Ежегодник по сахарной промышленности Российской империи за 1914–1915 г. – К., 1916. – Вып.1. – С. 20, 70.
29. *Шене Э.* Материалы по истории Петровской земледельческой и лесной академии //Изв. Петровской земледельческой и лесной акад. – М., 1887. – Вып.2. – Прил. – С. 74.
30. Центральный государственный исторический архив г. Москвы (далее ЦГИА г. Москвы), ф. 288, оп. 3, д. 6591.
31. Архивная справка ЦГИА г. Москвы № 5 от 6 февраля 1987 г.
32. *Короленко В.Г.* Собр. соч. – Т.4. – С. 340.
33. Там же.
34. *Короленко В.Г.* Сибирские очерки и рассказы /Составл., послеслов. и коммент. Е.И.Меламеда. – Иркутск, 1983. – С. 399.
35. Подробнее о нем см.: *Богданов-Катьков Н.И.* Несколько страниц из истории прикладной энтомологии. Памяти Карла Эдуардовича Линдемана. – Л., 1930; Биограф. словарь деятелей естествознания и техники: В 2-х т. – М., 1958. – Т.1. – С. 519.
36. *Короленко В.Г.* История моего современника. – С. 960 (примеч.).
37. Он же. Собр. соч. – Т.4. – С. 341.
38. Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева. К столетию со дня основания: 1865–1965. – М., 1969. – С. 49.
39. Там же. – С. 55.
40. Там же. – С. 55.
41. ОР РГБ, ф. 135.р.II, к.35, №38, л.19 об.

42. *Фортунатов А.* О восьми наставниках //Вестн. воспитания. 1917. – № 8–9. – С. 165.
43. Там же. – С. 166.
44. *Линдеман К.Э.* Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. Указы 2 февраля 13 декабря 1915 года и 10, 15 июля и 19 августа 1916 года и их влияние на экономическое состояние Южной России. – М., 1917.
45. ОР РГБ, ф.135, р.II, к.35, №38, л.17.
46. Там же, ф.135.р.II, к.28, №44.
47. Эти столкновения не были тогда секретом. Уже цитированный мемуарист писал о Линдемане: «В некоторых, далеко не во всех отношениях он составляет противоположность профессору ботаники, с которым он находится в постоянной вражде» (*Тихонов В.А.* Указ. соч. – С. 145); ср.: Москов. с.-хоз. акад. им. К.А. Тимирязева. – С. 49.
48. ОР РГБ, ф. 357, к.25, №2, л.296. и об. (копия).
49. Там же, ф.135, р.II, к.35, №38, л. 17–20.
50. См.: *Линдеман К.Э.* Указ. соч. – С. 2, 16.
51. Она не была окончена; наброски сохранились в архиве писателя (ОР РГБ, ф.135, № 951).
52. См. письма В.Г. Короленко к А.В.Пешехонову от 18 ноября 1916 г., 16 января и 24 февраля 1917 г. (ОР РГБ, ф. 225, п.4, ед. хр. 11 и 12). Статья В.А.Мякотина «Ликвидация немецкого землевладения» была опубликована в «Русских записках» в 1917 г. (№ 2-3. – С. 296-317).
53. ОР РГБ, ф.225, п.4, ед. хр.11, л.13.

II. Из жизни Романыча

1. Храбровицкий А. Издание сочинений В.Г. Короленко //Вопр. лит. – 1957. – № 4. – С. 208.
2. Один из исследователей относит его к числу лучших и наиболее характерных произведений зрелого Короленко. См.: Руднева Е.Г. К вопросу о романтизме зрелого Короленко (рассказ «Художник Алымов») // Вестн. Моск. ун-та. – 1964. – № 4. – С. 21.
3. *Короленко В.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Б.м.: ГИЗ Украины, 1923. – Т. XV. – С. 16–64
4. Там же. – С. II.
5. *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. – М., 1956. – Т. 10. – С. 273.
6. Его же. Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Т. XV. – С. 225.
7. *Короленко В.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Т. XV. – С. II.
8. *Короленко В.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Т. XV. – С. 185.
9. Его же. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 3. – С. 311–312.

10. *Фонякова Н.* Друг Горького и Короленко //Вітчизна. 1883. – № 8. – С. 171.
11. Попов М.Р. Записки землевольца. – М., 1933. – С. 235.
12. Цит. по: Вітчизна, 1983. – № 8. – С. 171.
13. *Короленко В.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Т. XV. – С. 193.
14. Биографическая канва жизни и деятельности В.Г. Короленко // Короленко В. Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Б.м.: ГИЗ Украины, 1929. – Т. V. – С. 211.
15. Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1931. – Т. II. – Вып. III. – Стб. 1352.
16. См.: *Рощевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. – Л., 1983. – С. 73.
17. Подробнее см.: *Малютина А.* Из жизни М.А. Ромася в Сибири // Сибирь. – Иркутск, 1977. – № 3. – С. 117–119.
18. *Короленко В.Г.* Собр.соч. в 10 т. – Т. 3. – С. 313.
19. В.Г. Короленко в Амгинской ссылке. Якутск, 1947. – С. 45.
20. *Короленко В.Г.* Собр.соч.: В 10 т. – Т. 3. – С. 313.
21. *Березин М.Е., Бородин Ю.О., Печоркин Е.Ф., Гауэнштейн Э.И., Гауэнштейн М.В.* Воспоминания из жизни народнических кружков в Казани (1875–1892) //Каторга и ссылка. – 1930. – № 10. – С. 126.
22. *Короленко В.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Т. XV. – С. 191.
23. Это выражение принадлежит «художнику-адвокату», полагавшему, что «лучшего заглавия для современного рассказа не придумать». Того же мнения, как видно, придерживался и автор: «В ссоре с меньшим братом» назван один из первоначальных набросков произведения; кроме того, Короленко намеревался написать цикл очерков, объединенных этой темой (там же, С. 12).
24. *Груздев И.* Горький и его время. – 2-е изд. – Л., 1948. – Т.1. – С. 508.
25. *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. – Т.3. – С. 324.
26. *Груздев И.* Указ. соч. – С. 501.
27. ОР РГБ, ф. 135, р. II, к. 32, №79.
28. *Короленко В.* Записные книжки (1880–1890). М., 1935. – С. 431, 442. Там же, между стр. 128–129, помещен рисунок писателя «На Волге, перед Красновидовым».
29. Подробнее см.: *Широкова В.В.* Партия «Народного права». Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. – Саратов, 1972.
30. ГА РФ, ф. 102 (ДП-3), 1894 г., д. 240, л. 266–267.
31. *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. – М., 1953. – Т. 24. – С. 437.
32. *Фонякова Н.Н.* Краткая биография М.А. и Н.П. Ромасей (неопубликованная рукопись). С. 3. Автор этой работы любезно познакомила меня и с некоторыми другими материалами о М.А. Ромасе.

33. Цит. по: Н[иколаев]ский Бор. Первое преступление М. Горького (из очерков по архивным материалам) //Былое, 1921. – № 16. – С. 185.
34. ОР РГБ , ф. 135, р.II, к. 32, №79, л. 39.
35. Цит. по: *Груздев И.* Указ. соч. – С. 504.
36. ОР РГБ, ф. 135, р.II, к. 32, №79, л. 51.
37. *Груздев И.* Указ. соч. – С. 505.
38. Былое. – 1921. – № 16. – С. 185.
39. Вітчизна. – 1983 – № 8. – С. 178.

III. «Я крепко и навсегда полюбил его...»

1. ОР РГБ, ф. 135, р.I, к. 47, № 28.
2. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 280.
3. Подробнее о роли рисунка в писательской практике Короленко см.: *Манаев Н.С.* От рисунка к слову (по страницам записных книжек и дорожных альбомов В.Г. Короленко) //Из истории рус. лит. XIX в. – Калуга, 1966. – С. 64–84.
4. Историческая область в Европе между нижним течением Дуная и побережьем Черного моря, северная часть которой, включающая города Тульча (или Тулча) и Констанца, входит в состав Румынии.
5. *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 6 т.– М., 1971. – Т. 4. – С. 266.
6. *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т.– М., 1954. – Т. 4. – С. 244.
7. *Трофимов Н.Г.* Народник Василий Ивановский. – Тула, 1980. – С. 9 (Далее основные биографические сведения об Ивановском, кроме тех, что оговорены особо, излагаются по этому источнику.)
8. В биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (Т.II.– М., 1930. – Стб. 495-499) помещены статьи об Александре, Евдокии, Василии, Иване и Петре Ивановских. Еще одна статья – о Прасковье Ивановской – находится в неизданной части этого ценного справочника.
9. *Антекман О.В.* Флеровский-Берви и чайковцы. По личным воспоминаниям, свидетельствам современников, литературным и архивным данным //Былое, 1922. – № 19. – С. 121.
10. *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. – Т. 4. – С. 227.
11. *Антекман О В.* Флеровский-Берви и чайковцы. – С. 121.
12. Известен, скажем, такой эпизод. В бытность в Берлине Ивановский поступил в артель русских рабочих, завербованных хозяином местной канатной фабрики в Арзамасском уезде Нижегородской губернии, и некоторое время вел здесь революционную агитацию. Ее цель состояла в том, чтобы, распропагандировав арзамасцев, использовать их в дальнейшем для работы среди крестьян Поволжья.

13. Цит. по копии агентурного донесения, поступившего в департамент полиции в 1884 г. (Российский государственный архив литературы и искусства [далее РГАЛИ], ф. 234, оп. 5, ед.хр. 22, л. 6 об.). О революционной деятельности В.С. Ивановского в эмиграции см.: *Полянская Т.Г.* В.С. Ивановский – врач-революционер //Сов. здравоохранение. – 1964. – № 1. – С. 38–43; *Кожевников Ю.А.* Короленко и Румыния // Румын.-рус. лит. связи. – М., 1964. – С. 231–232.
14. *Короленко В.Г.* Избранные письма. – М., 1932. – Т. I. – С. 156.
15. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – С. 368–369.
16. Цит. по: *Кожевников Ю.А.* Короленко и Румыния. – С. 231.
17. *Аксельрод П.Б.* Пережитое и передуманное. – Берлин, 1923. – Кн. I. – С. 31.
18. Об одном таком случае, правда, происшедшем позднее, говорится в письме Н.В. Короленко, младшей дочери писателя. «Дядя Петр сказал,– сообщала она родителям из Румынии летом 1903 года, – что он вылечил нескольких чахоточных (один уже совсем был плох, харкал кровью) тем, что послал их в города, где качают нефть, и они там должны были сидеть около места [нрзб.] нефти и дышать тем воздухом...» (ОР РГБ, ф. 135, р.II, к.26, № 19, л. 25).
19. *Короленко В.Г.* Собр. соч. в 10 т. – М., 1955. – Т.8. – С. 250–251
20. *Кожевников Ю.А.* В.Г. Короленко и Румыния. – С. 232.
21. *Короленко В.Г.* Собр. соч. в 10 т. – Т. 8. – С. 252–253.
22. Например, от упоминавшегося выше О.В. Аптекмана, с которым Короленко вместе жил в ссылке в Якутской области. В его воспоминаниях, посвященных писателю, имеется прямое указание на то, что имя Ивановского фигурировало в их беседах. См.: В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – С. 65.
23. *Короленко В.Г.* Письма к П.С. Ивановской. – М., 1930. – С. 59.
24. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – С. 216.
25. См.: ОР РГБ, ф. 135, р. II, к. 24, № 24–25 и к. 26, № 7,19,20 (письма В.С. Ивановского), а также к. I, № 6 и к. 14, л. 410–411 (копии писем В.Г. Короленко).
26. После этого, правда, Короленко побывал в Румынии еще раз, в июне 1915 года, но не специально, а проездом из Франции, где его застигла Первая мировая война.
27. Теме «Короленко и Румыния» посвящен целый ряд специальных работ. См., например: *Кожевников Ю.А.* Указ. соч. С. 228–266; *Спиваковский Е.* В.Г. Короленко и Румыния //Днестр. – 1957 – № 1. – С. 146–153; *Чиботару С.* В.Г. Короленко и румынская литература //Днестр. –

1958. – № 9. – С. 142–148; *Рубинштейн А.* В.Г. Короленко в Румынии // Иностр. лит. – 1958. – № 3. – С. 262–266.
28. *Короленко В.Г.* Письма к П.С. Ивановской. – С. 58.
29. Цит. по: *Короленко С. В.* Книга об отце. – Ижевск, 1968. – С. 127.
30. См.: ОР РГБ, ф. 135, р.III, к.57 № 24.
31. Биографическая канва жизни и деятельности В.Г. Короленко. В кн.: *Короленко В.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Б.м.: ГИЗ Украины, 1929. – T.V. – С. 223–224.
32. *Короленко В.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Б.м.: ГИЗ Украины, 1923. – Т. XIX. – С. 210–211.
33. Там же. – С. 9.
34. См. об этом в моей заметке в ежегоднике «Памятные книжные даты» (М., 1984. – С. 119–120)
35. *Короленко В.Г.* Письма к П.С. Ивановской. – С. 105.
36. ОР РГБ, ф. 135, № 1297, л. 36–39 об. (Указано А.В.Храбровицким).
37. Там же, ф. 135, р. III, к. 53, № 53.
38. См.: *Кидель А.* Певец народной жизни (к 110-летию со дня рождения Виктора Красеску) //Днестр. – 1960. – № 10. – С. 148.

О.В. Кудря

РЕДАКТОРСКИЕ ПРИЕМЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРИНЦИПЫ В.Г. КОРОЛЕНКО

В течение почти всей своей долгой литературной деятельности Владимир Галактионович Короленко нес большую, трудную и ответственную работу – работу редактора. Начавшаяся в 1887 г., когда Короленко принял участие в редактировании беллетристического отдела журнала «Северный вестник», и в дальнейшем, когда Короленко стал редактором журнала «Русское богатство» – эта работа не прекращалась до последних месяцев его жизни. Литературовед А.Дерман, сотрудничавший в журнале, вспоминал, что в «России никогда не было редактора, равного Короленко по глубине и широте внимания, которое он отдавал обращавшимся к нему авторам» [5, с. 46]. Глубокой заботой о судьбе простых людей, решивших посвятить себя литературному труду, были проникнуты все редакторские советы писателя.

Однако отзывчивость эта не мешала ему быть требовательным редактором, строго державшимся того принципа, что литература не может признавать другого критерия, кроме своего, художественного, и никогда не поощрявшего из условной любезности ничьих явно безнадежных попыток. «Рукопись должна говорить сама за себя», – постоянно заявлял он. [5, с. 50]. Никакие сторонние соображения, никакие ссылки на тяжкие обстоятельства не в состоянии были заставить его покривить душой при оценке произведения. Нередкими бывали случаи, когда автору, указывавшему, что он находится в безвыходном положении и что все его надежды связаны с судьбой рукописи, Короленко посылал денежную помощь и тут же возвращал рукопись, указывая при этом, что, решая судьбу рукописи, он не может выступать из-за рамок чисто литературной ее оценки. Достаточно вспомнить печальный пример писателя-неудачника И.Горячева, всю свою жизнь гнавшегося за «обманчивыми» литературными огнями. По профессии Горячев был столяром-краснодеревщиком, но большую часть своего времени отдавал литературе. За 25 лет упорного труда ему удалось добиться лишь того, что были напечатаны его два-три рассказа. Переписываться с Горячевым Короленко начал с 1902 года. Характер редакторских отзывов остается неизменным в течение ряда лет. По поводу одного из ранних рассказов Горячева Коро-

ленко записал в редакторской книге: «Есть искорки, но, в общем, слабо, малолитературно...» [2, с. 556]. Однако тот не оставлял своих настойчивых, но бесплодных попыток. Полузаброшенная мастерская приходила в упадок. Пришлось обратиться за помощью к Короленко. Писатель выслал ему денег на восстановление мастерской, прочитал очередную рукопись и признал непригодной. Короленко обратился к Горячеву с очередным предостережением: «Несомненно, что Ваше решение во что бы то ни стало стать беллетристом было рискованно и ошибочно... в Ваши годы и при Ваших условиях литературе можно отдавать разве досуги, твердо стоя на каком-нибудь другом заработке» [2, с. 560]. Бывали даже случаи, когда авторы, посылая рукопись, заявляли, что они ставят на карту свою жизнь: если вещь будет отвергнута, это равносильно смертному приговору ее автору. В одном подобном случае получилась сложная ситуация: рукопись, которая пришла без сопроводительного письма, Короленко прочел и послал положительный о ней отзыв. А когда письмо его было уже отослано, пришло письмо от автора, где тот сообщал, что в случае отклонения рукописи он покончит с собой. Тотчас же Короленко написал автору вторично, где указывал, что, получи он письмо с угрозой самоубийства вместе с рукописью, вернул бы ее автору, не читая, потому что давать отзыв под давлением подобного рода угрозы невозможно.

В тех случаях, когда среди массы беспомощных рукописей появлялись литературно несовершенные, но отмеченные несомненной одаренностью автора произведения, Короленко не жалел труда для их улучшения. В редакторских книгах писателя часто появлялись пометки: «Не вполне грамотная, но местами очень интересная вещь», «порой недурно», «не лишено относительного таланта» и другие, подобные им. Он считал своей большой редакторской удачей, если обнаруживал способного автора или достойные для опубликования произведения.

Какой же смысл вкладывал Короленко в литературно-художественный критерий, так последовательно защищаемый им на протяжении лет? Какие требования предъявлял начинающим авторам при написании художественных произведений? Ответы попробуем обосновать в данной статье.

Методы редакторской работы В.Г. Короленко, принципы, которыми он руководствовался при оценке рукописей, могут быть в достаточной мере точно охарактеризованы лишь в свете его общих эстетических представлений. «Искусство – орган умственного движения и борьбы, – писал он, – значит, цель его – не просто отражать, а отражать отрицая или благословляя» [4, с. 128]. Цель творчества – «проповедь, поучение, отрицание», – отмечает писатель. Объктивное отражение жизни худож-

ником «не есть цель проповеди, а лишь ее свойство», продолжает он. [4, с. 128]. Литература, кроме «отражения» – еще разлагает старое, из его обломков созидает новое.

При оценке рукописей Короленко исходил из мысли, что художественные достоинства литературного произведения прежде всего зависят от удачного воспроизведения автором жизненных явлений в свете передовых идей современности. Отражение действительности в сознании писателя Короленко никогда не считал прямолинейным процессом. В литературном произведении, доказывал он, «мы имеем мир, отраженный, преломленный, воспринятый человеческой душой» [2, с. 498]. Объективный жизненный материал дает писателю сама действительность. Однако этот материал воспроизводится на страницах литературного произведения не в своем первоначальном виде, а творчески преобразованный автором. «Художник запечатлевает это свое отражение и сообщает его другим, – пишет он. – Вы видели явление, то же явление увидел художник и увидел его так и так вам нарисовал это свое видение, что и вы уже различаете в нем и другие стороны, относитесь к нему иначе» [2, с. 498]. Следовательно, субъективный момент в подлинно реалистическом произведении служит познавательным целям и не обособляет, а усиливает воздействие объективной основы текста на читателей. «Мы не просто отражаем явления как они есть, – писал Короленко, – и не творим по капризу иллюзию несуществующего мира. Мы создаем или проявляем рождающееся в нас новое отношение человеческого духа к окружающему миру» [2, с. 498].

Короленко подчеркивал, что масштабы повествовательного полотна зависят не только от широты темы и жанровых особенностей произведения, но и от объема и выразительности жизненного материала, которым располагает автор. Тема большого масштаба может быть реализована автором бегло и поверхностно, если он слабо знает быт и среду, которую берется описывать. В свою очередь, когда у автора нет недостатка в материале, он не всегда в состоянии отобрать характерное и типичное. Своеобразие личности героя становится ощутимым для читателей лишь при условии, когда характер его в достаточной мере полно выявлен автором и образ обладает необходимой художественной убедительностью. В статье «О сборниках товарищества «Знание» за 1903 г. «Короленко писал: «...нам нужна жизненность и простота образов, такая жизненность, при которой не приходилось бы делать предположения – так ли это действительно и есть ли такие люди? – а оставалось бы только смотреть: вот они живые, достоверные в художественно-правдивом изображении» [2, с. 376]. В этом плане Короленко

в пример ставил Чехова: «Я думаю, что достоинство Чехова главное в том, что он вообще умеет изображать правдиво, а не в выборе тем» [2, с. 465].

Короленко пытался выявить причины столь частых неудач начинающих авторов. Основное препятствие он видел в мнимой доступности литературного труда. Если в музыке, живописи, ваянии для всякого неискушенного человека ясны технические трудности мастерства, то в литературе таких зримых препятствий нет. Литературная техника не менее сложна, чем в других областях искусств, но она скрыта от дилетантов – «менее бросается в глаза», – как говорил в свое время И.С. Тургенев, и вызывает обманчивое представление о простоте и доступности.

В марте 1913 года крестьянин И.Ф. Чепурин, человек, много путешествующий и лично знавший Л.Н. Толстого, прислал рукопись, в которой рассказал о своих встречах с великим писателем. Короленко устранил в рукописи многословие, исправил стиль, изложение и подготовил ее к набору. Однако автор отверг даже самые необходимые поправки писателя. Короленко пришлось вернуть рукопись как непригодную в первоначальном ее виде к изданию. В письме к Чепурину Владимир Галактионович говорит о недопустимом пренебрежении автора к профессиональным навыкам и требованиям: «Не могу никак согласиться с Вашим взглядом на литературу. Если бы я, например, явился в мастерскую, где готовят мебель, то у меня спросили бы, умею ли я обращаться с рубанком, топором... Почему же Вы думаете, что в литературе может быть мастером всякий желающий, независимо от того, владеет ли он литературным изложением как орудием мысли? Литература – работа особенно тонкая; в ней и природные способности именно к этой работе, и подготовка играют еще бóльшую роль» [2, с. 583].

Путь к достижению художественной выразительности писатель видел в наибольшей смысловой и эмоциональной концентрированности авторской речи и речи героев. «Основной закон искусства – всегда будет простота. Нужно видеть то, что хочется описать, и нужно описывать с возможной полнотой при возможно меньшей затрате слов», – доказывал он начинающим авторам [2, с. 554]. Такими свойствами, по его словам, характеризовалась стилистическая манера Чехова, отличавшаяся «необыкновенной сжатостью и силой изображения» [2, с. 104]. Короленко называл превосходным правило, когда автор в своем произведении дает слов меньше, чем мыслей и картин.

Рассмотрим, какие же требования выдвигал Короленко авторам.

На первом месте следует поставить указание В.Г. Короленко на невозможность добиться каких-либо серьезных результатов в

литературном труде без любви и глубокого уважения к этому делу. Он часто повторял, что если без любви ни в каком деле нельзя добиться успеха, то в литературном труде – особенно. Жалуясь на неразборчивость почерка у некоторых авторов, Владимир Галактионович как-то рассказал известному литературоведу о случае, когда он признал плохим произведение... не читая его!

«Я взял из ее рук листок, – рассказывал писатель – посмотрел и тут же, не читая, вернул со словами: «Возьмите вашу рукопись, стихотворение не будет напечатано».

«Но почему же? – поразилась она, – ведь вы даже не прочитали!»

«И не стану читать: оно не может быть хорошим, вы его писали без любви, неряшливо. Нет, нет, я не стану его печатать. Литературное произведение, сделанное без любви, хорошим быть не может. Посмотрите на исчерканные черновики Пушкина и на его последние редакции, – как он старательно переписывал свои стихи. Он их любил, а вы своих не любите. Нет, не стану читать», – ответил писатель [1, с. 353].

Он осуждал небрежный, неразборчивый почерк у авторов, видя в этом неуважение к труду наборщика и к своему произведению. В его письмах к начинающим писателям не редкость встретить жалобу на этот грех и указание, что такой почерк мешает воспринять художественную вещь, рассеивает впечатление, притупляет чувство непосредственности при чтении.

Вторым основным условием успешности литературной работы Короленко всегда выставлял упорный и систематический труд. Литературовед А. Дерман вспоминал выражение В. Короленко: «Слово, что дикий конь: его надо обуздать!» [1, с. 354]. Сам Короленко работал с поразительным упорством. Пять, шесть, семь вариантов какого-либо произведения или отдельной его главы – обычное явление в его творческой практике, причем в иных случаях в двух смежных вариантах отличия весьма малочисленны, на первый взгляд, несущественны, и это свидетельствует о том, что достигнутый результат в целом уже удовлетворял писателя и что он кропотливо, упорно шлифовал детали, обуздывал «дикого коня». Указания автора на то, что писание ему дается с большой легкостью и быстротой, неизменно вызывало у Владимира Галактионовича подозрительное отношение к результатам его творчества. В своих письмах к авторам он не уставал повторять, что даже несомненного литературного дарования недостаточно еще, что ценных результатов можно добиться лишь упорным трудом. Сам по многу раз переделывая, перерабатывая свои произведения, он требовал того же от других. Он, конечно, знал, что творческие индивидуальности различны, что иные писатели порой сразу достигают художественной формы, что

у писателей противоположного склада, типа Гоголя (отделывавшего свои произведения изо дня в день в течение ряда лет, так что между первым наброском и последней редакцией находилось сравнительно мало общего), тоже бывают примеры быстрого создания законченной художественной вещи (один из лучших рассказов Короленко, которым – редкое исключение – сам он был доволен, «Река играет», был написан им сразу). Он эти примеры считал исключением, а не правилом, и эти индивидуальности («сразу пишущих художников») – исключительными.

Мысль, что чем художник крупнее, тем быстрее он достигает полноты и законченности в художественном произведении, он считал неправильной и поверхностной. В одной из записей ранних своих дневников Владимир Галактионович, цитируя Пушкина: «Что в час написано, то в час и позабыто», говорит далее: «Если бывает, что объект внимания сразу находит себе форму, сразу отливается в звучные строфы, в которых нельзя исправить ни одного слова, то это ведь только бывает, а не необходимо» [4, с. 176].

Упорному труду он придавал в деятельности писателя не меньшее значение, чем природному его таланту. Подобно многим крупным художникам, Владимир Галактионович способность к напряженному и упорному труду вводил в состав самого понятия «талант» как одно из необходимых его элементов.

Наконец, третьем основным условием значительности литературного творчества Короленко считал образованность писателя. Короленко считал для писателя широкое образование важным и необходимым далеко не для одного лишь усвоения приемов художественного письма, сведений о работе над стилем и т.п., но гораздо глубже: для умения наблюдать и смотреть на мир открытыми глазами. Он считал, что человек, знакомый с астрономией, и человек, с этой наукой незнакомый, не только по-разному знают, что такое небо, но по-разному видят его. Для одного это – органический «хрустальный колпак» (пример самого писателя), к которому прикреплены горящие лампады, для другого это – бесконечность миров. И это различие восприятий непременно отразиться и в различии изображения небесного свода у того и у другого, ибо самый строй их эмоций различен. Еще более это различие восприятий образованного и необразованного писателя обнаружится на явлениях, не столь «наглядных» как небесный свод, в частности на восприятии явлений отвлеченного порядка, в улавливании и передаче психологии и вообще внутреннего мира человека и т.д. и т.п.

Эти три основных условия: любовь к делу, упорный труд и образованность – для Короленко, в свою очередь, были не изоли-

рованными условиями успеха в данной профессии, но частным приложением принципов его общего мировоззрения.

Задушевной мыслью писателя, обусловившей очень многое и в его литературной деятельности, и во всем его духовном творчестве, была идея о бесконечной сложности жизни и о каком-то высшем обобщении всей этой громадной сложности. Главная задача искусства – познать эту сложность и внутренний ее закон в их конкретном воплощении. Отсюда и требования, предъявляемые художнику: надо наблюдать жизнь возможно шире и глубже, ибо наблюдение поверхностное, узкое, не заметит ни этой сложности жизни, ни внутреннего ее смысла. Необходим неутомимый труд и способность к анализу и обобщению явлений, что доступно уму, вооруженному знанием. Но на подобного рода труд дает силы только любовь к нему, к самому процессу анализа, обобщения и воспроизведения жизни.

Такова общая схема связи мировоззрения Короленко с его принципами правильной работы художника.

Безусловно, работа художника необычайно сложна. В одной из ранних своих записей в дневнике он прибегает к помощи оригинального сравнения для уяснения себе самому значения сложности работы художника. «Представьте себе, – пишет он, – статую человека, но не из мрамора, а сплетенную из разнообразнейших и разного цвета нитей. Когда вы сплетаете простой шнурок, – вы берете одну нитку, покрываете ее другой, она на время исчезает, чтобы появиться уже в другом месте. Но вы без особенного труда можете себе представить ее изгибы и весь ее путь. И вместе вам нетрудно также держать в уме представление о шнурке в связи с представлениями об отдельных нитях. Понятие о целом и о составных частях покрывает друг друга. Не то с нашим вязанием: количество нитей громадно, их изгибы бесчисленны. Вы видите, как появляется в данном месте нить такого-то цвета: пусть эти концы даются нам тем или другим движением, звуком, поступком. Вы можете наметить несколько таких точек, где появляется эта нить данного цвета, если воображение ваше сильно, – вы восстановляете по намеченным точкам изгибы... Так вы изучаете данное чувство, данную страсть. И вот вы дергаете данную нитку и по движениям целого заключаете о правильности или неправильности вашего заключения.

Наши чувства, наши страсти, инстинкты, взгляды, побуждения – такие бесчисленные разноцветные нити. Человек весь соткан из них... Его движения будут зависеть от того, какая в данное время напрягается. Помните это. Честолюбец не всегда честолюбив, – иногда он скромен, хоть и редко. Злой не всегда злодействует, но иногда сожалеет, а порой

у Брет Гарта или Достоевского – он проявляет героизм великодушия. И это не ложь, – читая их, вы видите, что их живые люди действуют так, как действовали бы вы в таких условиях, в вашей душе дрожат и напрягаются ответным звуком те же самые нити.

В этом секрет того, что мы называем художественной правдой в познании человека...» [4, с.177].

Читатель видит, как тесно переплетаются в этом рассуждении этическая сторона мировоззрения Короленко с его идеей сложности жизни и, далее, с принципами художественного творчества. И потому, когда Короленко обращал внимание писателей на необходимость умения «наблюдать», то это означало у него, что необходимо познавать жизнь во всей ее сложности, что исключает поверхностное фотографирование ее разрозненных страниц.

Отсюда, между прочим, столь частое «недоразумение» между ним и обращавшимися к нему писателями из народа. Поскольку они были знакомы с его художественным творчеством, они имели внешнее основание предполагать, что их рукописи будут одобрены его вкусом. В самом деле: он изображал среду обыкновенных простых людей – они по большей части также. Он писал очень просто – они также. Он, изображая народную тьму, подчас даже мрачную «злодейскую душу», искал и скрывал в ней «нить» иного, светлого цвета. Они также не скупились на изображение добродетели. У него все было «как в жизни», они шли далее: точно и добровестно описывали факты из действительности и т.д.

И вот ему приходилось указывать им, что это – не то, что добродетель в их изображении чересчур добродетельна, а порок сплошь порочен, что нет ничего труднее, как художественно изобразить самый простой факт, ибо нужно поставить его в перспективу всей сложности жизни (бесчисленное количество нитей), что их отображения – только первый и самый легкий шаг на труднейшем пути углубления в жизнь, широкого ее охвата и стройного изображения.

Владимир Галактионовия писал: «Мне надо, чтобы каждое слово, каждая фраза попадала в тон, к месту, чтобы в каждой отдельной фразе, по возможности даже взятой отдельно от других – слышалось отражение главного мотива, центральное, так сказать, настроение... Иногда какая-нибудь одна глава может в моих глазах уронить весь рассказ и я тогда не могу спокойно подойти к столу, в котором этот рассказ лежит» [2, с. 464].

Короленко, как и каждый крупный художник, сам выковал форму, удовлетворяющую художнические запросы его творческой индивидуальности. Но форма эта обманчиво проста. А между прочим, достаточно бегло взглянуть на общий характер его художственного творчества,

особенно же последней его половины, о чем и о ком он писал, и сопоставить это с достигнутыми им результатами, чтобы почувствовать сразу и одновременно и основной признак подлинного художественного мастерства этого творчества, и его большую объективную трудность, и его удивительную оригинальность. Еще Тургенев формировал признак мастерства художника словами: важно не что, а как, т.е. как справляется художник со своей темой, независимо от рода самой темы. И если с этой точки зрения мы взглянем на творчество Короленко последних 20–25 лет, мы увидим, что брался он, в сущности, за самый труднейший род литературы: за художественное изображение фактов. Вся «История моего современника» – ведь это громадная цепь фактов, безупречных в своей точности. Но таково и громадное большинство его очерков последнего времени. Что же, ограничивается их объективно-художественное значение нашим интересом к этим фактам как к фактам? Короленко так их подает, что мы читаем о них с захватывающим интересом, с наслаждением, огорчением, восторгом и печалью, как о живом, о реальном.

Это значит, что художник поднял простое, будничное, мелькающее у всех перед глазами на высоту громадного обобщения, – благодаря мастерству писателя. Это – редкое умение найти сложное в простом и просто изобразить сложное, умение добраться до скрытого ядра явления.

Короленко и отмечал, какая эта трудная вещь художественно изображать действительность в ее сложности и многообразии. Да и жанр, который стал господствующим в творческом наследии Короленко и который обязан ему огромным обогащением и глубокой разработкой, явился своего рода равнодействующей двух сил: творческой потребности взыскательного и строгого художника и исключительной отзывчивости публициста. Этот жанр можно определить как художественное изображение фактической действительности. Итак, принципы, которыми должен руководствоваться писатель: требование простоты, ясности в изложении, требование суровой критики от художника, и все это с очевидностью вытекает из основных принципов Владимира Галактионовича: требование любви к творческой работе, упорный труд и широта знаний.

1. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962.
2. В.Г. Короленко о литературе.– М., 1957.
3. *Дерман А. Б.* Писатели из народа и Короленко. – Х.; К., 1924.
4. *Короленко В.Г.* Полное посмертное собрание сочинений. Дневник (1881–1893 гг.). – Т.1. – Б.м.: ГИЗ Украины, 1925.
5. *Летов Б.Д.* В.Г. Короленко – редактор. – Л., 1961.

И.Я.Лосиевский

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА В.Г. КОРОЛЕНКО К НАЧИНАЮЩИМ ЛИТЕРАТОРАМ (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ХГНБК)

I
«...НИКАКИХ ДРУГИХ СООБРАЖЕНИЙ, КРОМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ...» ПИСЬМА В.Г. КОРОЛЕНКО А.Е. ДОБРОВОЛЬСКОМУ НАЧАЛА 1910-х гг.

В «Описании писем В.Г. Короленко» (М., 1961) имеются сведения о двух письмах Владимира Галактионовича некоему Андрею Добровольскому из Елисаветграда (ныне – г. Кировоград, Украина). Письмо, датированное 28 марта 1913 г., начинается так: «Многоуважаемый Г<осподи>н Добровольский. Сейчас получил Вашу посылку. Рукопись еще не читал...» Второе письмо, посланное из Полтавы 5 апреля 1913 г., звучит как приговор: «М.<илостивый> Г.<осударь> Г<осподи>н Добровольский. К сожалению, то, что я предвидел, оправдалось: [Ваш] рассказ «Болен» не может быть напечатан в «Р.<усском> богатстве»» [1]. Эти сведения и цитаты из писем попали в «Описание...» благодаря тому, что в личном архивном фонде В.Г. Короленко (ф. 135) в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) сохранились их копии – оттиски автографов (в пятой из шести копировальных книг, которые поступили в составе архива писателя). По этим копиям еще в 1936 г. была осуществлена первая публикация этих писем в полном объеме [2]. Однако сведений о самом Андрее Добровольском в указанных выше изданиях нет, почти без пояснений оставлено и замечание писателя: «...то, что я предвидел, оправдалось...» Это замечание позволяет предположить, что к моменту получения рассказа А. Добровольского «Болен» у Короленко уже сложилось представление о твор-

ческих возможностях его автора. Сообщается только (в примечании к публикации), что рукопись А. Добровольского впервые была отражена в так называемой редакторской книге В.Г. Короленко в 1908 г. Следовательно, и до 1913 г. они могли состоять в переписке.

Материалы рукописного собрания ХГНБК свидетельствуют, что все было именно так. Ответить на интересующие нас вопросы помог личный архивный фонд Андрея Елевферьевича Добровольского (1879–1944), созданный в ХГНБК на основе документов, переданных его родным братом В.Е. Добровольским в 1948 г. В этом фонде находятся автографы трех писем В.Г. Короленко начала 1910-х гг., переписка А.Е. Добровольского с А.М. Горьким (1905 г., в машинописных копиях. Оригинал горьковского письма, также поступивший в ХГНБК, позднее был передан в архивный фонд писателя в ИМЛИ, г. Москва), письмо Л.О. Кармена А.Е. Добровольскому (1904 г., автограф), рукопись одного из литературных произведений А.Е. Добровольского, биографические материалы.

Из «Биографии Добровольского Андрея Елевферьевича, рабочего, токарного мастера», написанной его братом Владимиром в 1948 г. [3], узнаем, что Андрей Елевферьевич родился в 1879 г. в одном из сел Каменец-Подольской губернии (правильное название – Подольская губерния), в семье мелкого служащего. Отец был образованным человеком, ранее находился на военной службе и был уволен в запас полковым старшим писарем.

Андрей закончил в 1894 г. земскую школу в Новоукраинке, и вскоре семья переехала в Елисаветград. Поскольку средств для продолжения его образования у родителей не было, отец отдал Андрея в обучение токарному делу на чугунолитейный и машиностроительный завод Краузе. Однако все свое свободное время Андрей посвящал самообразованию, «жадно набрасываясь на книги» [4]. По словам брата, он обладал замечательной памятью и своей начитанностью явно выделялся из рабочей среды. На заводе Краузе Добровольский получил специальность, став токарным мастером, работал он в конце 1890-х – начале 1900-х гг. и на других заводах Елисаветграда и Таганрога. Рано пробудившаяся в нем страсть к сочинительству все чаще заставляла Андрея задумываться над тем, правильным ли был его жизненный выбор: может быть, ему суждено стать писателем? Постоянный литературный труд требовал много времени, и Добровольский уходит с большого завода. В 1904–1915 гг. он работает «с промежутками в мелких кустарных предприятиях» Елисаветграда (цитата взята нами из его собственноручной «Памятки») [5]. Будучи сторонником левых взглядов, Добровольский даже стал членом РСДРП, оставался в партии до ее раскола, но всегда был настроен оппо-

зиционно к царскому режиму. В 1905 г. он участвовал в революционных выступлениях елисаветградских рабочих, вследствие чего был арестован и на непродолжительный срок заключен в местную тюрьму. В его биографии была и вторая тюрьма – николаевская, в 1916 г.

В те годы Добровольский активно занимается литературной деятельностью, пишет свои первые рассказы, сотрудничает в газетах «Голос Юга» и «Елисаветградские новости», в нелегальной большевистской газете «Голос рабочих» (Елисаветград, 1905).

Один из своих первых рассказов Добровольский послал в 1904 г. известному в те годы прозаику и журналисту Л.О. Кармену, рассказы, фельетоны и очерки которого могли быть ему известны и по публикациям в периодических изданиях, и по вышедшим в Одессе авторским сборникам «Дикари. Из жизни обитателей Одесского порта» (1901), «Жизнь одесских приказчиков» (1903), «Дети-глухари» (1904), «На дне Одессы» (1904) и др.

Мы не располагаем точными сведениями о рукописи А.Е. Добровольского, которую прочитал Л.О. Кармен, но, судя по реакции последнего в ответном письме, это произведение отвечало его представлениям о том, что должно быть темой и содержанием современной литературы. Добровольский не случайно обратился к писателю-демократу, считая себя его единомышленником.

В ответном письме Кармен щедр на похвалы, сразу же называет А.Е. Добровольского «чутким, глубоким и талантливым» и походя обругивает... Л.Н. Толстого. Далее, однако, Кармен указал на необходимость доработки присланной рукописи с помощью «честного, понимающего Вас и болеющего одинаково с Вами душой редактора», иначе рукопись «света так скоро не увидит» (письмо из Одессы 20 октября 1904 г.) [6]. А в случае, если Добровольский захотел бы напечатать свое произведение поскорее, Кармен советовал обратиться к М.К. Первухину, редактору ялтинского «Крымского курьера». Однако Добровольский мечтал о публикациях в «толстых журналах», в горьковских сборниках товарищества «Знание», он стремился превратить свое сочинительство в профессиональное занятие, которое могло бы спасти его и его близких от надвигавшейся нищеты. Весной 1905 г. он посылает один из своих рассказов А.М. Горькому, к тому времени уже всемирно известному писателю. Конечно, Добровольский считает себя и его единомышленником в политике и в литературе.

В начале июня приходит ответ: «...Знаете что? Бросьте-ка писать. Это не Ваше дело, как видно. Вы совершенно лишены способности изображать людей живыми, а это главное. И у Вас нет материала, если Вы считаете нужным выдумывать. Жизнь богаче и трагичнее всяких выдумок»

[7]. Далее в этом письме А.М. Горький несколько смягчает свой приговор и уже обнадеживает начинающего автора: «По крайней мере не пишите года два-три и все время изучайте классиков, смотрите, как писали Тургенев, Чехов, как пишет повести и рассказы Толстой. Читайте Пушкина, Лермонтова, Некрасова, новых поэтов, напр., Бальмонта, он – декадент, но великолепно знает язык. <...> В голове у Вас, видимо, много есть, но все это спутано, скомкано и во всем Вам нужно разобраться. Из писем Ваших видно, что Вы совсем не плохо думаете о себе, – это вредно. <...> Нужно уметь оценить свои силы точно. Вы их преувеличиваете, это несомненно <...>. Не сердитесь за резкий отзыв, правда всегда неприятна на вкус» [8].

Горький выслал А.Е. Добровольскому свои книги, а также оказал ему материальную помощь. 2 июля 1905 г. он в ответном письме благодарил знаменитого писателя за прямоту, потому что «именно и хотел правды, такой строгой правды». Характерны последовавшие затем признания Андрея Елевферьевича: «Я исходил не из страсти быть писателем, но из того, что я упрям и если взялся за какое дело, то должен делать бесповоротно»; «...в последнее время я страдал от мысли, что, может, не гожусь для дела, за которое берусь» [9].

Текст рассказа, посланного им Горькому, нам неизвестен, но и это письмо А.Е. Добровольского указывает если не на отсутствие у него литературного дарования, то на очевидный непрофессионализм, прежде всего проявляющийся в обилии стилистических погрешностей. Однако Добровольский не теряет надежды овладеть «литературным языком хорошо», обещает Горькому «трудиться над собою не год и не два, но десять лет», «может и всю жизнь», и делится с писателем своими планами «поскорее избавиться от кагала и скученности отцовской семьи» (у Добровольских было девять детей), уехать из Елисаветграда в «большой город», снова пойти на «большой завод», «потому что огромная мастерская, с черными стенами и бесчисленным множеством ремней и валов, полная всевозможных – и добрых, и злых людей, <...> благоприятно подействует на мой ум и фантазию, на театр в моей голове...» [10].

Судя по письму, его автор – самолюбивый и в то же время сомневающийся в себе человек, очень эмоциональный, с неуравновешенным характером, с частыми перепадами настроений, что связано с переоценкой им своих возможностей или, наоборот, с «приступами» самоуничижения. Вряд ли он был способен к последовательному самоанализу и, как нам представляется, очень ошибался или не хотел верить в то, что обуреваем «страстью быть писателем». Возможно, не случайно героями его произведений часто становились люди с нездоровой психикой (рассказ «Болен» начала 1910-х гг., повесть «Петя Буряков», 1918) [11].

На «большой завод» А.Е. Добровольский вернулся не сразу, а только через десять лет (поступил в 1915 г. на судостроительный завод в Николаеве). Это был не очень «большой» город, т.к. проживало в нем меньше 100 тыс. человек (в Елисаветграде в те годы было около 75 тыс. жителей, в Харькове – около 190 тыс.). На вопрос, что помешало Добровольскому уехать из Елисаветграда раньше, документы его архива не дают ответа, но, вне всякого сомнения, поддержка и советы Горького вдохновили Добровольского-сочинителя. К 1908–1913 гг. относятся очередные его попытки стать одним из авторов «большой» литературы. Свои рукописи теперь он присылает В.Г. Короленко – выдающемуся русскому писателю, редактору петербургского журнала «Русское богатство».

Добровольскому кажется, что годы, прошедшие после получения им горьковского «резкого отзыва», не прошли даром: он продолжил самообразование, прочитал десятки книг признанных мастеров слова, присматриваясь к творческой манере каждого из них, стремясь извлечь пользу для себя. Но, видимо, так он и не понял, что научиться писать «на уровне» перечисленных Горьким классиков невозможно, если автор не обладает мощным словесно-изобразительным даром, который еще необходимо в себе развить, творчески реализовать. У Добровольского – и в письме Горькому, и в сохранившейся повести «Петя Буряков» – проявляется природная предрасположенность к образному мышлению, но это был скорее «слабый дар», Добровольскому не удавалось развить в себе подлинно художническое чувство языка и стиля, умение создавать действительно живые, психологически убедительные образы.

Первые его контакты с В.Г. Короленко относятся к 1908 г. Письма этого периода нам неизвестны, но именно в 1908-м в так называемой редакторской книге писателя впервые появляются сведения о рукописи А.Е. Добровольского и заметка об авторе: «самоучка» [12].

Ниже приводятся письма В.Г. Короленко А.Е. Добровольскому 1911 и 1913 г. по автографам, хранящимся в ХГНБК [13].

1

«1 сент.<ября> 1911

Милостивый Государь

Я пока в деревне и точно срока выезда обозначить не могу. Рукопись можно послать по адресу: Мест.<ечко> Сорочинцы. Полт.<авской> губ.<ернии>, дер.<евня> Хатки [14].

Если бы я и выехал, мне дошлют, но думаю, что еще застанет. А если пошлете числа около 15-го окт.<ября>, то лучше: Полтава, М.<алая> Садовая, 1.

На рукописи [15] прошу обозначить точный адрес для ответа. В случае непригодности для «Р.<усского> Богатства» она будет отослана Вам зак.<азной> бандеролью (или посылкой?). По многим причинам посредничества с другими редакциями взять на себя не могу.

С уважением Вл. Короленко» [16].

2

«18 окт.<ября> 1911

Милостивый Государь

Очень жалею, что не могу сообщить ничего утешительного о Вашей рукописи «Сын и отец». Отрывок слаб и для печати не годится. Нет художественного содержания, а только общие места и избитые фразы об альтруизме с одной стороны и о житейской мудрости – с другой. Печатать же слабые вещи в надежде (как Вы пишете), что автор даст и лучшие, – ни один журнал не в состоянии.

Не могу, конечно, ничего определенного сказать о будущем, но мне кажется, что продолжать такие попытки – напрасно. Может быть всего лучше найти самую скромную посильную работу, не гоняясь за миражем литерат.<урного> успеха. Тогда изменится и отношение к Вам окружающих, и сами Вы станете спокойнее, делая то, что можете, чтобы не быть в тягость близким. А уже на досуге – пытаться писать проще, без этих приподнятых и искусственно напряженных нот. В том, что Вы теперь прислали, нет ничего стоящего печати, и в этом направлении Вы ничего не добьетесь.

Рукопись будет выслана вскоре.

С уважением Вл. Короленко» [17].

3

«28 марта 1913 [18]

Многоуважаемый Г<осподи>н Добровольский

Сейчас получил Вашу посылку. Рукопись еще не читал, а прочел только письмо (на бланке), в котором Вы пишете, что, в случае отказа

«Бог знает что над собой сделаете». По этому поводу должен сказать, что никаких других соображений, кроме литературных, редакция [«Русского богатства»] применять не вправе. Если рукопись годится, она принимается, если нет – возвращается. Ни о каких «снисхождениях» не может быть и речи. Вы присылали уже 3 рукописи (а может быть и больше) [19]. Все они были далеки от среднего литерат.<урного> уровня, и возможно, даже вероятно, что четвертая не многим отличается от прежних. Все, что я могу сделать, – это прочесть ее и дать отзыв. Остальное уже зависит не от меня, а от рукописи.

С уважением Вл. Короленко

P.S. Конечно, я могу и ошибаться. Тогда отзыв можно проверить посылкой в другие редакции» [20].

Короленковские письма, казалось, не оставляли А.Е. Добровольскому как автору никакой надежды, если бы не постскриптум в третьем письме... Упорствующий сочинитель последовал только одному совету Короленко, тому самому, который содержится в P.S. Несмотря на то, что вскоре получил и четвертое, последнее письмо Владимира Галактионовича, посланное им из Полтавы 5 апреля (местонахождение оригинала нам неизвестно), в котором писатель с сожалением сообщал: «...то, что я предвидел, оправдалось...». По поводу рассказа А.Е. Добровольского «Болен» Короленко писал автору: «Психиатрические этюды – самый трудный род литературы, требующий большого таланта и силы воображения. У Вас нет главного: выдержанной картины больной души» [21].

Итак, в отличие от Л.О. Кармена, Короленко считал невозможным какое-либо «улучшение» рукописей А.Е. Добровольского, их редактирование, сокращение и пр., хотя подобными пожеланиями наполнены письма Владимира Галактионовича к авторам, подающим определенные надежды. Последних, однако, он предостерегал: «...не строить еще никаких планов на литературном заработке» [22].

В одном из писем такому же литературному неудачнику, как А.Е. Добровольский, Короленко писал в 1901 г.: «Нет ничего печальнее, когда человек забрасывает *доступное* ему дело ...» (выделено нами. – *И.Л.*) [23].

По-видимому, это была одна из последних попыток А.Е. Добровольского «войти» в литературу. Он бережно хранил короленковские письма и, надо полагать, не раз их перечитывал. И быть может, со временем признал-таки правоту выдающегося писателя, с чем вполне согласуется такой факт, как отсутствие в архиве Добровольского рукописей художественных произведений, датированных периодом после 1910-х гг. Он возвращается на «большой завод». Сначала это судостроительный в

Николаеве, а с конца 1916-го и по август 1927 г. Добровольский работает токарным мастером на Торецком сталелитейном заводе в Дружковке (Донбасс). Позднее живет в Харькове, где также работает на разных предприятиях токарем и инструктором токарного дела. На протяжении многих лет он занимается изобретательством и рационализаторством. Сохранилось и авторское свидетельство, которое выдало А.Е. Добровольскому Бюро новизны Комитета по изобретательству при СТО (Совете труда и обороны) СССР. 31 января 1935 г. Андреем Елевферьевичем была изобретена «машина для сверления круглых щеточных колодок».

В Харькове А.Е. Добровольский жил на Нетеченской улице, дом 43, квартира 33. Умер 23 сентября 1944 г. [24].

***

Сбылось предсказание В.Г. Короленко: литературные занятия не стали главным делом жизни этого человека. Пусть не сразу, но А.Е. Добровольский осознал, что его призвание не в писательстве. В 1920-е гг. он больше, чем прежде, интересовался вопросами техники, увлекся также этнографией, но это – на досуге, а вот в мире техники Добровольскому удалось по-настоящему творчески реализовать себя. Возможно, признав, что сочинительство для него – сизифов труд, он нашел в себе мужество отступить.

В письмах В.Г. Короленко А.Е. Добровольскому отчетливо проявилось то принципиальное отношение писателя к литературной работе и ее оценке, которое было характерным для Владимира Галактионовича всегда: и одаренным, и малоодаренным, и определенно бездарным сочинителям он всегда говорил правду и только правду, не щадя авторского самолюбия, не допуская «никаких других соображений, кроме литературных...» Между тем, в идеологизированном и поляризованном российском обществе начала XX в. уже прозвучали призывы к внелитературному, «классовому» подходу к художественным произведениям (например, в известных статьях В.И. Ленина о Льве Толстом). Это были зародыши будущей политики «управления» литературой в советскую эпоху, когда, исходя из того же «классового» принципа, рабочих, обладающих небольшим опытом сотрудничества в заводских многотиражках, пытались превратить в «писателей», а настоящих художников слова в целях их «классового» воспитания и обогащения новыми впечатлениями посылали на заводы, в колхозы, на «великие стройки» пятилеток.

Сохранилось немало писем В.Г. Короленко, адресованных бесперспективным, по его мнению, сочинителям [25]. История каждого

такого литературного неудачника и история контактов с ним Короленко неповторимы и по-своему поучительны. Потому что этот удивительный редактор «Русского богатства» в общении с авторами не позволял себе отвечать на их запросы и просьбы дежурными редакционными отписками. За текстом каждого из приходивших к нему писем Короленко умел увидеть и понять ч е л о в е к а, которому он искренне пытался помочь, даже в тех случаях, когда было очевидно, что как литератор этот человек не имеет большого будущего. Погружаясь в жизненные проблемы незнакомых и далеко не всегда духовно близких ему людей, писатель помогал им найти свой путь в жизни, преодолеть возникшие тупики, и в каждой такой попытке Короленко понять и помочь неизменно проявляются его доброжелательная заинтересованность в конкретном человеке, непоколебимая вера в силу человеческого духа и разума. Как точно отметил хорошо знавший Короленко литератор, критик и историк русской культуры А.Б. Дерман, «в самом составе его доброты присутствовал громадный ингредиент живого ощущения человечества как реальности...», при этом и «противник не переставал быть для него человеком» [26].

1. Описание писем В.Г. Короленко / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей; Сост. В.М.Федорова. – М., 1961. – С. 125.
2. *Короленко В.Г.* Избранные письма в 3 т. – Т. 3. – М., 1936.– С. 218–219.
3. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБ им. В.Г. Короленко. – Ф. 5 / А.Е. Добровольского /. – Шифр Р-86-9. – Прил. – Л. 1–2. Рукопись с дополнениями рукой М.О. Габель, в 1948 г. – заведующей отделом редких изданий и рукописей ХГНБК. По-видимому, этот биографический очерк был написан по ее просьбе.
4. Там же. – Л. 1.
5. Там же. – Шифр Р-86-9. – Л. 1.
6. Там же. – Шифр 819569. – Л. 1. Письмо датировано нами по одесскому почтовому штемпелю на конверте.
7. Цит. по: *Горький М.* Собрание сочинений.: В 30 т. – Т. 28. – М., 1954. – С. 371. В ХГНБК – машинописная копия этого письма (Ф. 5. – Шифр Р-86-8. – Прил. – Л. 1 – 1 об.).
8. Там же. – С. 371, 372.
9. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБ им.В.Г. Короленко. – Ф. 5. – Шифр Р-86-8. – Прил. – Л. 2.
10. Там же. – Л. 2 – 2 об.
11. Там же. – Шифр Р-86-8. – Л. 1-37.
12. См.: *Короленко В.Г.* Избранные письма – С. 218.

13. Письмо, обозначенное нами цифрой 3, уже публиковалось по копии в т. 3 «Избранных писем» В.Г. Короленко (М., 1936. – С.218).
14. Хатки – село в Миргородском уезде Полтавской губернии. «В это время [начало 1910-х гг. – *И.Л.*] В.Г. жил в Полтаве, а на лето выезжал отдыхать на дачу, в деревню Хатки, недалеко от села Сорочинцы Миргородского уезда. Дача Короленко была расположена на одной из террас степной возвышенности, круто обрывавшейся в долину реки Псел. <...> Вдали на горизонте виднелось большое село – родина Н.В. Гоголя» (*Селихов В.В.* В Хатках: (Из воспоминаний о В.Г. Короленко) // В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 482.).
15. Подчеркнуто В.Г. Короленко.
16. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБ им. В.Г. Короленко. – Ф. 5. – Шифр 819567. – Л. 1. Здесь и далее сохранена пунктуация оригинала. На конверте, возможно, относящемся к другому, несохранившемуся письму В.Г. Короленко, рукой писателя: «Елисаветград, Знаменская ул., 25, Андрею Добровольскому» (подчеркнуто В.Г. Короленко); почтовые штемпели: «Сорочинцы Полтав.<ской> г.<убернии> 3 10 <19>11», «Елисаветград 4 10 <19>11» (л. 3).
17. Там же. – Шифр 819566. – Л. 1. Письмо на бланке: «»Русское богатство». С.-Петербург. Баскова ул., 9. Телеф.<он> 20-83». Адрес на конверте рукой В.Г. Короленко: «Елисаветград, Знаменская, 25, Андрею Добровольскому» (подчеркнуто В.Г. Короленко); штемпели: «Полтава 18 10 <19>11», «Полтава 19 10 <19>11»; «Елисаветград 19 10 <19>11».
18. В оригинале – описка: «1911» (первые три цифры отпечатаны, последняя поставлена рукой писателя). В авторской копии правильная дата; см.: *Короленко В.Г.* Избранные письма. В 3 т. – Т. 3 – М., 1936. – С.218; Описание писем В.Г. Короленко. – С. 125.
19. В редакторских книгах В.Г. Короленко имеются сведения о трех рукописях А.Е.Добровольского, рассмотренных писателем в 1908 и 1911 гг. (*Короленко В.Г.* Избранные письма. – С.218).
20. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБ им.В.Г. Короленко. – Ф. 5. – Шифр 819565. – Л. 1. Письмо на бланке: «»Русское богатство». С.-Петербург. Баскова ул., 9. Телеф.<он> 20-83»; выделенный нами текст рукой В.Г. Короленко зачеркнут и заменен словом «Полтава». Адрес на конверте рукой В.Г. Короленко: «Елисаветград, Знаменская 25, Г<осподи>ну А. Добровольскому» (подчеркнуто В.Г. Короленко); почтовые штемпели: «Полтава 29 3 <19>13», «Елисаветград 30 3 <19>13».
21. Короленко В.Г. Избранные письма. В 3 т. – Т. 3. – М., 1936. – С. 218-219.
22. Там же. – С. 159.
23. Там же. – С. 143.

24. См.: Отдел редких изданий и рукописей ХГНБ им.В.Г. Короленко. – Ф. 5. – Шифры 819928, Р-86-9.
25. См., напр.: *Короленко В.Г.* Избранные письма. В 3 т. – Т. 3. – М., 1936. – С.134, 142–143, 171–172, 231–232 и др.
26. Цит. по: В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – С. 356, 357.

II

«ЭТО ЛИШЬ СТАРАЯ, ДАВНО ИЗВЕСТНАЯ ИСТИНА ...» ПИСЬМА В.Г. КОРОЛЕНКО И.А. ДУБОВИК 1914–1915 гг.

В 1992 г. в библиотеку поступили автографы двух неизвестных писем Владимира Галактионовича Короленко 1914–1915 гг., переданные в дар харьковчанином П.К. Корховым, ветераном войны и пенсионером, бывшим директором харьковского проектного института Гипроэлектро.

Адресат короленковских писем – Ирина Андреевна Дубовик, дочь агронома Кулибинской экономии на Сумщине, личного почетного гражданина Андрея Логвиновича Дубовика и Марии Петровны Дубовик, урожденной Корховой; двоюродная сестра дарителя.

Известно, что Владимир Галактионович сохранял копий-оттиски своих писем, и эти копии, составившие шесть больших томов, т.н. копировальных книг, сохранились в архиве писателя, ныне – ф. 135 в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ, г.Москва) [1]. У нас не было возможности ознакомиться с последней, шестой копировальной книгой (велась с апреля 1913 г.), куда включены копии писем В.Г. Короленко 1914–1915 гг., однако в справочном издании РГБ «Описание писем В.Г. Короленко» (М., 1961) [2], содержащем сведения о 5251 его письме к 1186 адресатам, имя И.А. Дубовик как адресата писем В.Г. Короленко не упомянуто, нет сведений о ныне публикуемых нами документах [3].

В комплексе с автографами писем В.Г. Короленко поступили в ХГНБК – и другие документальные материалы, касающиеся И.А. Дубовик, а также пояснительная записка П.К. Корхова; переданные материалы содержат достаточно подробные сведения об этом неизвестном короленковском адресате [4].

Ирина Андреевна Дубовик родилась 18 марта 1895 г. Рано потеряла мать. У отца, Андрея Логвиновича, был нелегкий характер, он «плохо уживался с родственниками и подчиненными» (свидетельство П.К. Корхова) [5]. Андрей Логвинович тяжело переживал смерть горячо любимой жены, а с дочерью у него не было взаимопонимания: отец пытался подчинить ее своей воле, воспитать в соответствии со своими представлениями о том, какой должна быть ее будущая жизнь, но стол-

кнулся с решительным сопротивлением со стороны девочки: оказалось, у нее тоже был непростой характер, независимый и свободолюбивый. Из дома отца Ира все чаще уезжала к своим харьковским родственникам: в семье бабушки Зинаиды Петровны Корховой она всегда находила приют и ласку. Согласно семейному преданию, Зинаида Петровна была незаконнорожденной дочерью родного брата знаменитого адмирала П.С. Нахимова [6].

В середине 1910-х гг. Ирина, любознательная девушка с острым аналитическим умом, уже проявляла серьезный интерес к науке, особенно к зоологии. К этому времени она прочитала множество книг о животных – художественных и научно-популярных сочинений, уже была знакома с классическими научными трудами Ж. Бюффона и К. Бэра, братьев А.О. и В.О. Ковалевских, И.И. Мечникова.

Другой ее страстью стало сочинительство. Ирина хорошо знала мировую литературу и поражала близких умением красочно, художественно пересказывать прочитанное, свободно владела пером, что подтверждает и сохранившееся ее письмо к бабушке в Гуты, январь 1914 г. [7].

И.А. Дубовик остро ощущала необходимость найти свое место в жизни, предстояло сделать выбор между наукой и литературой. Ей нужен был совет профессионального литератора, который смог бы объективно оценить ее возможности как автора. Потому она и обратилась к В.Г. Короленко – выдающемуся писателю и наставнику молодых литераторов, редактору петербургского журнала «Русское богатство».

Впервые И.А. Дубовик написала Короленко в марте 1914 г., из Киева, где тогда училась, отправив в Полтаву и рукопись своего произведения «Забытый дневник». Надо полагать, в этом письме Ирина просила писателя дать оценку посылаемого произведения, которое она предлагала для публикации в «Русском богатстве». (Это, а также другие письма И.А. Дубовик к В.Г. Короленко не сохранились, но их содержание частично восстанавливается нами по ответным письмам писателя.) Не получив ответа в течение нескольких месяцев, она снова написала Владимиру Галактионовичу, и это письмо было переслано ему за границу: с начала 1914 и до конца мая 1915 г. писатель находился на лечении в Европе, живя в основном в Лардене (Франция). В.Г. Короленко ответил И.А. Дубовик из Бад-Наухайма (Германия), где в июле 1914 г. принимал лечебные ванны. Сюда В.Г. Короленко приехал 7 июля (24 июня ст. ст.) [8], а его первое письмо И.А. Дубовик датировано 1 июля; следовательно, писателем указана дата по старому стилю, что характерно для писем В.Г. Короленко, посланных в Россию; эта дата соответствует 14 июля 1914 г. В этот же день Владимир Галактионович

написал письмо родным во Францию, а 2/15/ июля – письмо дочери Софье в Одессу [9]. Приводим текст письма В.Г. Короленко И.А. Дубовик 1(14) июля 1914 г. [10].

«М.<илостивая> Г-<осудары>ня Ира Андреевна.

Я в настоящее время нахожусь за границей; по требованию врачей – никаких рукописей не читаю, и мне их сюда не пересылают. Таким образом, без сомнения, и Ваша рукопись, посланная в марте в Полтаву, находится на почте за отсутствием адресата. Я уже сделал распоряжение, чтобы все посылки, полученные на мое имя, были возвращены отправителям, и т.<аким> образом наверное и Вы уже получили или скоро получите Вашу рукопись. Для ускорения, если рукопись еще не получена, – быть может Вы напишете с своей стороны в Полтавскую Почтово-тел.<еграфную> Контору.

С уважением
Вл. Короленко

1 Июля 1914.
Villa «Esplanade»
Bad-Nauhéim».

Через несколько дней, уже вернувшись в Ларден, В.Г. Короленко ответил отказом и на аналогичную просьбу молодого прозаика Пантелеймона Романова, находившегося с ним в переписке с 1909 г.: «Я все еще за границей и товарищи (сотрудники редакции «Русского богатства». – И.Л.) пока освобождают меня от чтения рукописей» (из письма 6/19/ июля 1914 г.) [11].

А еще через несколько дней началась Первая мировая война. Другое публикуемое ныне письмо В.Г. Короленко к И.А. Дубовик относится к военному времени, датировано 2(15) июля следующего, 1915 г. Короленко уже вернулся на родину, а рукопись «Забытого дневника», как следует из этого письма, более года ожидала его в Полтаве, к автору не возвращалась. Писатель прочитал это произведение и послал свой отзыв по киевскому адресу И.А. Дубовик, который был указан ею еще в марте 1914-го, при посылке бандероли с этой рукописью. По-видимому, адрес у Ирины Андреевны сменился, письмо В.Г.Короленко не нашло адресата и, к сожалению, затерялось. Ниже приводится текст сохранившегося – третьего короленковского письма к И.А. Дубовик [12], которое является ответом на неизвестное нам письмо Ирины Андреевны 1915 г. В ее жизни тогда произошло большое несчастье – умер близкий ей, любимый человек. Девушке казалось, что жизнь кончилась (Ирине едва исполнилось

тогда 20 лет), никому она не нужна, не осталось даже лучика надежды. Об этом написала она В.Г. Короленко.

«2 июля 1915

Многоуважаемая Ирина Андреевна.

Я совершенно понимаю побуждение, заставившее Вас обратиться ко мне, и я часто получаю такие письма. Так много горя всегда, а теперь в особенности. Но что же я скажу Вам в Вашем огромном горе? Одна моя молодая знакомая, дочь одного из моих друзей, постигнутая личным горем, которое ей казалось совершенно непереносимым, нашла некоторое успокоение в работе для других, страдающих, которых теперь так много. Она пошла сестрой милосердия. Не примите этого за прямой совет и указание. Я лично Вас не знаю и советов давать не могу. Это есть лишь старая, давно известная истина, что сто́ит переместить хоть часть внимания от своего горя к чужому, в какой бы то ни было форме, – и оно становится легче.

Ваше письмо пришло в то время, когда я не знал, что делать с «Забытым дневником». Адрес (очень старый) был киевский, и я послал туда письмо с ответом и с запросом об адресе, по которому [можно было бы] отослать рукопись. В ответе этом я писал, что дневник интересный, б.<ыть> м.<ожет>, для лиц близких к писавшему, общего интереса не имеет. Теперь отсылаю рукопись по Вашему адресу. Вы теперь об нем, б.<ыть> может, и забыли?

Желаю Вам силы, чтобы найти хоть некоторое успокоение. А там – молодость великая сила. Забывать – не надо, но успокоиться для дальнейшей жизни нужно и может быть в самой памяти дорогих людей можно найти источник этой силы.

Вл. Короленко.

Полтава, М.<алая> Садовая, № 1.

Может отсылать «Дневник» и не надо. Пока оставляю и, если в теч.<ение> дней 10 не получу ответа, то сочту, что отсылать не надо. Напечатать нигде нельзя. В письме своем, адресованном в Киев, я писал, что отчасти литературно только вступление».

В тот же день – 2(15) июля 1915 г. Короленко написал еще одно письмо – начинающему литератору К.Н. Бельскому, приславшему писателю свою повесть или рассказ «Сны юности», по мнению Короленко, – лишь «первый набросок» [13] художественного произведения.

Рукописи, становящиеся настоящей литературой, – для В.Г. Короленко это произведения ума и таланта, когда в тексте сразу видна

литературная одаренность автора, несомненный природный дар, позволяющий видеть и перспективу его профессионального служения литературе. «Пишите Вы литературно, кое-где красиво...» (из письма начинающему крестьянскому автору С.С. Кондурушкину 23 октября 1899 г. [14]) – отнюдь не хула в устах писателя. Писать «литературно» – значит, уже обладать тем необходимым запасом авторских качеств и навыков, которые дают основание помышлять об успешном писательском труде. «Единственное средство узнать, есть ли литературные способности, – это написать литературную вещь...» (из письма другому начинающему автору – А.П. Сыромятникову, 21 февраля 1913 г. [15]). Учеба необходима, каждодневный труд неизбежен, но профессионалом становится только тот, кто обладает природной «изобразительной способностью» [16], когда образы оживают и как живые люди запоминаются читателю. Откроется ли перед ним, автором, «широкая литературная дорога» [17] или нет, – теперь уже в наибольшей мере зависит от его трудолюбия и, главное, от масштаба творческой личности, духовной и исторической значимости его художественных обобщений.

В «Забытом дневнике» Ирины Дубовик «литературным», т.е. художественно полноценным, оказалось только вступление. Этого, по убеждению Короленко, слишком мало, чтобы каким-либо образом обнадеживать автора, давать советы по доработке рукописи и т.п. «Напечатать нигде нельзя», «...общего интереса не имеет» – приговор суровый, но, по-видимому, справедливый. За свою жизнь писатель вынес сотни таких приговоров и был убежден: «лучше суровая правда, чем иллюзии, которым не суждено сбыться» (из письма малоодаренному автору 27 октября 1916 г. [18]). Обнадежить такого сочинителя, пощадить его авторское самолюбие – значит, поддержать в неверном деле, которое в конце концов обернулось бы для него жизненным тупиком.

Однако не литературные проблемы стали главной темой короленковского письма И.А. Дубовик 2(15)июля 1915 г. Из этого письма видно, что сама Ирина Андреевна даже не упоминала – в своем новом письме к В.Г. Короленко – о давно отосланной рукописи «Забытого дневника», не случайно писатель замечает: «Вы теперь об нем («Забытом дневнике». – *И.Л.*), б.<ыть> может, и забыли?» По иронии судьбы, эта рукопись не сохранилась. Возможно, И.А. Дубовик уже не придавала ей прежнего значения и решила не беспокоить В.Г. Короленко просьбой об обратной пересылке. Их эпистолярный диалог 1915 г. – совсем о другом. Оставшаяся наедине со своим горем, она не была уверена, что выдержит это страшное испытание, а потому обратилась за помощью к человеку, в духовную силу которого верила. Думается, приведенное выше ответ-

ное письмо В.Г. Короленко – из числа тех посланий к человеку, которые приобщают его к человечеству; в нем в кратчайшей форме изложены общечеловеческие идеалы, осветившие весь жизненный путь великого мыслителя-вольнодумца, гуманиста, просветителя. Это письмо спасало от трагического одиночества, и это был самый точный и верный удар по тем старым, но ложным «истинам», которые Ирина с детства могла слышать из уст своего отца: «...как скоро забывают живых людей, а про умерших и говорить нечего, каждый живет только для себя...» и т.п. (из письма А.Л. Дубовика матери 2 декабря 1909 г. [19]).

Ирина Андреевна ничего не забыла. Вскоре умер отец, она оплакала и эту смерть. Недолгую свою жизнь И.А. Дубовик прожила без семьи, без детей, но всегда – с людьми и ради людей. Выпускница Харьковского университета, в 1920-е гг. она получила здесь степень магистра зоологии, научное звание доцента, была одним из лучших университетских преподавателей тех лет. Позднее работала и в других вузах, в том числе во Львовском ветеринарном институте, получила известность в научном мире как крупный ученый, автор фундаментальных научных трудов. 24 июня 1944 г. решением Высшей Аттестационной комиссии при СНК СССР И.А. Дубовик была утверждена в ученом звании профессора по кафедре анатомии и физиологии животных [20].

Последние годы, уйдя на пенсию, И.А. Дубовик жила в Харькове. Она умерла 2 марта 1953 г. после тяжелой болезни [21]. За три дня до ухода в мир иной «вождя всех времен и народов» И.В. Сталина, которого она ненавидела и не скрывала этого чувства от своих харьковских родственников и друзей. Факт важнейший для понимания личности одного из адресатов Короленко, об этом сообщил нам при передаче в ХГНБК документов из личного архива И.А. Дубовик ее двоюродный брат Петр Константинович Корхов. И теперь мы знаем, что до последних своих дней Ирина Андреевна Дубовик оставалась духовной ученицей Владимира Галактионовича Короленко – непримиримого борца с тоталитарными режимами – и царским, и большевистским. Нет, она не боролась, но и не смирилась со сталинизмом – этим страшным социальным злом.

1. Ранее – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. О фонде 135 см.: ***Маторина Р.П.*** Архив В.Г. Короленко //Зап. Отд. рукописей / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. – М., 1950. – С. 5–38; Описание рукописей В.Г.Короленко /Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей; Сост. Р.П. Маторина. – М., 1950; Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указ.: В 3 т. – Т. 1. А-М. – М., 1962. – С. 352.
2. Описание писем В.Г. Короленко / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей; Сост. В.М. Федорова. – М., 1961.
3. Следует отметить, что в «Описание...» включены сведения обо всех письмах В.Г. Короленко – беловых и черновых автографах, копиях автографов (оттисках в копировальных книгах В.Г. Короленко и фотокопиях), хранящихся в РГБ.
4. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБК. Коллекция архивных документов. Шифр Р-411. Прил. Л. 1–26.
5. Там же. – Прил. Л. 26.
6. Сообщено нам П.К. Корховым. См. об этом подробнее: там же. Л. 26 об.
7. Там же. – Л. 24 об. – 25.
8. Описание писем В.Г. Короленко. – С. 273.
9. Там же. – С. 273, 364.
10. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБК. Коллекция архивных документов. Шифр Р-411. Л. 1. Сохранена пунктуация подлинника. Почтовый конверт не сохранился.
11. Описание писем В.Г. Короленко. – С. 540.
12. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБК. Коллекция архивных документов. Шифр Р-411. Л. 3 об. – 4 об. Сохранена пунктуация подлинника. Почтовый конверт не сохранился.
13. Описание писем В.Г. Короленко. – С. 28.
14. *Короленко В.Г.* Избранные письма: В 3 т. – Т. 3. – М., 1936. – С. 129.
15. *Короленко Вл.* «Жизни, жизни и жизни ...» (Письма к начинающим литераторам) //Вопр. лит. – 1963. – № 7. – С. 114.
16. *Короленко В.Г.* Избранные письма. – С. 132.
17. *Короленко Вл.* «Жизни, жизни и жизни ...». – С. 108.
18. *Короленко В.Г.* В напутствие молодым / Публ. подгот. Е. Гибет //Москва. – 1974. – № 6. – С. 199.
19. Отдел редких изданий и рукописей ХГНБК. Коллекция архивных документов. Шифр Р-411. Прил. Л. 22.
20. Там же. – Л. 13.
21. Там же. – Л. 18.

М.А. Горовенко

КОРОЛЕНКО И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Полная драматических событий жизнь Чернышевского не могла не привлечь внимание мемуаристов и критиков. Долгое время существовавшие запреты на упоминание о Чернышевском служили сильным сдерживающим фактором для современников, и к воспоминаниям о нем многие из них приступили лишь спустя много лет после его смерти.

Первые мемуары о Чернышевском появились на страницах «Колокола». Они вышли в свет 15 октября 1864 г., то есть всего через пять месяцев после отправки Чернышевского из Петербурга в Сибирь, когда его имя было еще у всех на устах, как только что изъятое из литературы одно из самых любимых и авторитетных имен. В течение долгого времени эти воспоминания являлись и единственной его биографией. В основе первых мемуаров о Чернышевском лежали рассказы его двоюродного брата – А.Н. Пыпина.

Воспоминания о Чернышевском отражают почти все важнейшие периоды биографии писателя. Особенно детально (у Ф.В. Духовникова, А.Н. Пыпина, А.И. Розанова) представлены детские и отроческие годы его жизни. Значительно меньше (у А.Ф. Раева, А.П. Милюкова, Н.Д. Новицкого) освещен в мемуарах студенческий период. Мемуаристика дает немало материалов о сибирском периоде жизни Чернышевского. Обширные записи П.Ф. Николаева, В.Н. Шаганова, С.Г. Стахевича и других сотоварищей Чернышевского по каторге содержат ценные сведения о жизни писателя в эти годы.

В последние годы жизни у Чернышевского появилась возможность общения с людьми, близкими ему по взглядам и убеждениям, что не могло не отразиться на мемуарах. Современники (В.Г. Короленко, А.А. Токарский, К.М. Федоров) увидели в возвратившемся из Сибири Чернышевском полного жизни и творческих планов человека. Приветливый, простой и искренний, внимательный к окружающим, проницательный, ироничный, он как будто мало отличался от прежнего Чернышевского, известного по воспоминаниям шестидесятников и сибиряков. По-прежнему поражала его сильная память, мастерство рассказчика. Из мемуаров о Чернышевском возникает образ мужественного борца, стойкого революционера.

Первая развернутая характеристика Чернышевского как литературно-политического деятеля создана В.Г. Короленко. Воспоминания

Короленко написаны в 1890 г. под впечатлением знакомства с Чернышевским и последовавшей вскоре затем его смерти. В 1904 г. была написана статья «Гражданская казнь Чернышевского», впервые напечатанная в сборнике статей Короленко «Отошедшие» (СПб., 1908).

По цензурным условиям короленковские «Воспоминания» не могли быть в то время напечатаны в русских журналах , но рукописи ходили по рукам и попали за границу. В 1894 г. «Воспоминания о Чернышевском» были изданы без ведома автора, но за его подписью, в Лондоне «Фондом вольной русской прессы». По поводу этой публикации писателю пришлось давать объяснения в департаменте полиции в Петербурге в декабре 1894 г. В дневнике за 1895 г. он записал: «...Я сказал, что беру на себя, разумеется, полную ответственность за содержание, но не за способ, каким рукопись появилась на свет. В этом последнем – виноваты уже условия нашей печати, в которой не могут появляться столь скромные вещи...» [7, с. 23].

В 1895 г. очерк Короленко о Чернышевском появился отдельным изданием в Софии на болгарском языке, через год был напечатан на польском. А в 1904 г. «Воспоминания» вышли за границей на русском языке. Они были изданы в Берлине в серии «Собрание лучших русских произведений». Таким образом, за десять лет (1894–1904) «Воспоминания о Чернышевском» были опубликованы за границей четыре раза и имели сравнительно широкое распространение.

До недавнего времени считалось, что в России «Воспоминания о Чернышевском» впервые были изданы только в 1904 г. в журнале «Русское богатство». Но в 1960 г. в «Литературной газете» появилось свидетельство о том, что в Центральном историческом архиве УССР было найдено бесцензурное издание брошюры Короленко «Воспоминания о Чернышевском», датированное 1899 г. Эта небольшая книжечка была напечатана в Петербурге к десятилетию со дня смерти Чернышевского. В предисловии «От редакции» говорится, что поскольку легальная пресса по понятным причинам ни единым словом не обмолвилась об этой годовщине, было решено хотя бы таким образом напомнить читателю о Чернышевском.

Кроме этого, в 1900 г. журналист В.П. Батуринский попробовал опубликовать статью «Н.Г. Чернышевский» (материалы для биографии) с использованием материалов «Воспоминаний» Короленко в журнале «Вестник всемирной истории». Сам Батуринский очень высоко оценивал «Воспоминания» Короленко: «Написанные с обычной для высокоталантливого мастера вдумчивостью, они представляют собой ценнейший материал для биографии Н.Г. Чернышевского...» [10, с. 52]. Однако эта статья Батуринского даже после вмешательства цензора так и не появилась в печати.

В 1908 г. «Воспоминания о Чернышевском» публикуются в мемуарном сборнике Короленко, вместе с его воспоминаниями об Успенском и Чехове («Отошедшие»). В дальнейшем этот очерк вышел отдельным изданием в 1918 г. и вошел во все посмертные собрания сочинений писателя. «Воспоминания о Чернышевском» еще недостаточно изучены. О них говорится в монографии В. Бартенева «Короленко – литературный критик», Е. Балабановича «В.Г. Короленко», во втором томе сборника «Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников».

Большой интерес представляет и очерк Короленко «Гражданская казнь Чернышевского» (1904). На основе опубликованных и рукописных воспоминаний трех очевидцев – М. Сажина, И. Захарьина-Якунина и А. Венского, здесь изображается впечатляющая картина позорной расправы над вождем революционной демократии в 1864 г.

«Воспоминания о Чернышевском» и «Гражданская казнь Чернышевского» легально впервые появились в журнале «Русское богатство», в редакции которого Владимир Галактионович, по его словам, был представителем группы писателей, которые продолжали традиции «Современника» и «Отечественных записок». Воспоминания Короленко о Чернышевском исполнены глубоким уважением и любовью к вождю революционной демократии.

Чернышевский как автор романа «Что делать?» был известен Короленко еще в ранней молодости. Уже в первой книге «Истории моего современника» упоминаются герои романа Чернышевского «Что делать?» – Вера Павловна и Рахметов. Находясь в якутской ссылке, Короленко встречался с людьми, отбывавшими ссылку вместе с Чернышевским, с огромным вниманием слушал их рассказы, собирал воспоминания о нем, легенды, возникавшие вокруг его имени, отмечая отдельные черточки, характеризующие личность Чернышевского. Эти материалы были частично использованы Короленко в «Воспоминаниях о Чернышевском». Поэтому Короленко и удалось с такой силой и выразительностью показать в своих воспоминаниях не больного и оторванного от жизни писателя, каким он застал Чернышевского в Саратове в 1889 г., а человека большой души, огромных знаний и несгибаемой воли.

В целом «Воспоминания о Чернышевском» представляют собой художественный очерк, насыщенный легендами, возникшими в связи с долголетним пребыванием Чернышевского в Сибири, выразительными зарисовками его портрета, живым воссозданием тех бесед, которые состоялись у Короленко с Чернышевским.

Задачей своего очерка, посвященного Чернышевскому, Короленко видел в сообщении тех сведений о писателе после его ссылки, которые

ему удалось собрать. Его целью было не только точное описание всего, чему он был свидетелем, Короленко стремился охарактеризовать облик Чернышевского, дать его психологический портрет, передать читателю свое общее впечатление от встреч с ним.

Личное знакомство писателей, переживших почти одновременно тяжелую сибирскую ссылку, состоялось 18 августа 1889 г. в Саратове. Здесь Чернышевский провел последний год своей жизни. Заочно Короленко и Чернышевский были давно знакомы через младшего брата Короленко, который часто навещал Чернышевского. Года за два до знакомства с Чернышевским Короленко просил брата представить его писателю, трагическая судьба которого вызывала интерес Короленко. Но Чернышевский не захотел знакомиться с Короленко: «Нет, уж это не надо. Мы с Владимиром Галактионовичем как два гнилых яблока. Положи вместе – хуже загниют» [4, с. 60]. Короленко понял намек: у обоих была плохая репутация в глазах начальства. Осторожность Чернышевского была обоснованной. Известно, какой мелочной и упорной полицейской слежке подвергался Чернышевский в Астрахани.

Чернышевский давно интересовался личностью Короленко, еще с 1885 года, прочитав рассказ «Сон Макара», который произвел на него большое впечатление. В 1911 г. один из астраханских знакомых Чернышевского, вспоминая давние годы, писал Короленко: «Вскоре после выхода книжки журнала «Русская мысль», в котором был напечатан Ваш рассказ «Сон Макара», под свежим впечатлением прочитанного, мы оба (т.е. автор и Чернышевский. – *М.Г.*) заговорили о нем, и при этом Николай Гаврилович высказал удивление той верности, с которой так мастерски нарисован Вами якут, что написать так мог только талантливый человек, хорошо изучивший быт и душу якутов. Он очень интересовался автором рассказа, но узнал о Вас от Вашего брата только в 1886 г.» [1, с. 62].

В мае 1889 г. Ольга Сократовна, жена Чернышевского, ездила на пароходе из Саратова в Нижний, и, очевидно, именно тогда состоялось знакомство с ней Короленко. На имя Иллариона Галактионовича и Владимира Галактионовича Чернышевский посылал телеграммы для передачи жене и в письмах к ней просил кланяться И.Г. Короленко и его брату, «если брат понравится тебе» [13, с. 859]. Благоприятное впечатление, произведенное Короленко на жену Чернышевского, по всей вероятности, и явилось предпосылкой приглашения Короленко в Саратов для личного знакомства с Чернышевским. «Он звал меня повидаться, – пишет в своих воспоминаниях Короленко, – и, что еще важнее в данном отношении, такое же приглашение получил я от Ольги Сократовны, его жены» [4, с. 60].

В августе 1889 г. Короленко вместе с женой по приглашению Чернышевского приехал в Саратов, где пробыл приблизительно неделю. За это время он виделся с Чернышевским трижды. Свидания протекали в атмосфере искреннего расположения и дружественного доверия. Первая встреча, описанная Короленко в «Воспоминаниях», была необыкновенно сердечной. «Чернышевский протягивал мне руку, точно мы с ним старые знакомые и виделись лишь несколько дней назад» [4, с. 61]. О встрече с Чернышевским в Саратове Короленко пишет: «Я видел портреты Чернышевского. Один из них был снят в Астрахани, кажется, за год до отъезда в Саратов. На нем Чернышевский совсем не похож на того, несколько мечтательного, молодого человека с сильно выдавшимися скулами и резко суженной нижней частью лица, с почти прямым носом и очень тонкими губами, каким он изображен на портрете, который мы все знали с семидесятых годов. Но теперь я по первому взгляду тоже не узнал бы Чернышевского. Последний его портрет, находящийся в обращении, изображает мужественного человека, с крупными чертами лица, очень мало напоминающими литератора. Густые длинные волосы по-русски, как у Гоголя, обрамляют это лицо и свешиваются на лоб. Выражение серьезное, и в нем совсем не заметно оттенка добродушной улыбки и отчасти стариковского чудачества, которое оживляло лицо вошедшего к нам человека. Голос, который мы услышали еще из-за перегородки, был старческий, слегка приглушенный, но фигура сначала показалась мне совсем молодой. Эту иллюзию производили в особенности его каштановые волосы, длинные, кудрявившиеся внизу, без малейших признаков седины. Но, когда я взглянул ему в лицо, – у меня как-то сжалось сердце: таким это лицо показалось мне исстрадавшимся и изможденным под этой прекрасной молодой шевелюрой» [4, с. 62]. Однако Чернышевский держался непринужденно и был очень сердечен, говорил оживленно и весело, всем своим поведением располагая к себе. Но от внимательного глаза Короленко не ускользнули первые признаки недуга Чернышевского. Он обратил внимание на землистый цвет лица писателя, который, по словам Короленко, уже вел Чернышевского к могиле. Владимир Галактионович признается, что ему было больно смотреть на это «исстрадавшееся лицо». «Это чувство внезапного и какого-то острого сожаления возвращалось ко мне несколько раз в течение разговора...» [4, с. 62].

Сам испытавший якутскую ссылку, Короленко смог в полной мере оценить огромную волю и светлый ум Чернышевского, который не смогли сломить 20 лет каторги: «Он до конца сохранил силу своего могучего мозга...» – так резюмировал Короленко впечатление от встречи с Чернышевским. Перед отъездом из Саратова Короленко зашел проститься с Чернышевс-

ким. «Поздним вечером Чернышевский проводил меня до ворот, – пишет Короленко, – мы обнялись на прощанье, и я не подозревал, что обнимаю его в последний раз...» [4, с. 70] При свидании Короленко подарил Чернышевскому недавно вышедшую первым отдельным изданием свою повесть «Слепой музыкант» со следующей надписью: «Николаю Гавриловичу Чернышевскому от глубоко уважающего В.Г. Короленко» [11, с. 270].

Эти впечатления от трех встреч с Чернышевским, впечатления, в известной степени подготовленные уже ранее сложившимся представлением о Чернышевском, вошли в основу воспоминаний Короленко. В своем очерке о Чернышевском Короленко большое внимание уделяет характеристике личности писателя, выявляя особенности его характера, манеры общения, взглядов. Так, Короленко подчеркивает как одну из главных особенностей характера Чернышевского его силу духа. Короленко утверждает, что Чернышевский очень хорошо владел собой, не пуская других в свой внутренний мир, «и если страдал, – а мог ли он не страдать очень жестоко, – то всегда страдал гордо, один, ни с кем не делясь своей горечью» [4, с. 62]. В подтверждение этого Короленко приводит следующий эпизод из встречи с ним. Среди разговоров Чернышевский взял руку жены Короленко, и, глядя на нее, сказал: «Ну вот, очень рад... Нет, не надо... Сожаление?.. не надо этого! Я ведь, знаете, как поцеловал у вас руку – из галантности! А, а вы не знали: я ведь галантнейший кавалер» [4, с. 63]. На эту особенность обращает в своих воспоминаниях и С.Г. Стахевич, который говорит: «Он (Чернышевский) был из числа тех людей, которые отнюдь не расположены выставлять напоказ свои огорчения...» [15, с. 58] Об этой черте характера Чернышевского говорит и А.А. Токарский: «В свой внутренний мир Н. Г<аврилови>ч никого не пускал и в совершенном одиночестве переживал свои страдания» [15, с. 346].

Другой эпизод, воспроизведенный Короленко в «Воспоминаниях», также передает характер Чернышевского и его своеобразную манеру – сочетать серьезное с шуткой, что определилось у него еще в молодости и сохранилось до старости. «Разговаривая с ним, никогда не мешало держать ухо востро, чтобы не принять всерьез какую-нибудь шутку» [4, с. 52]. На эту особую манеру разговора Чернышевского указывает в своих воспоминаниях и Н. Я. Николадзе: «Большей частью все его разговоры, по крайней мере при мне, носили иронический характер; он отделывался шутками или аллегориями или давал такие ответы, которые можно понять и так, и эдак, а иной раз и вовсе понять нельзя» [16, с. 251]. Манера иронизировать была для Чернышевского средством вуалировки его настоящих воззрений и настроений.

Чернышевский, одним из первых высоко оценивший огромный талант Льва Толстого, его умение раскрыть «диалектику души» своих героев, в то же время с особой резкостью говорил о тенденциозных рассказах Толстого, пропагандировавших философию непротивления злу насилием. И когда жена Короленко спросила мнение Чернышевского о последних произведениях Толстого, то «Чернышевский вынул платок и высморкался. – Что, хорошо? – спросил он, к великому нашему удивлению.– Хорошо я сморкаюсь? Так себе, не правда ли? Если бы у вас кто спросил: хорошо ли Чернышевский сморкается, вы бы ответили: без всяких манер, да и где же какому-то бурсаку иметь хорошие манеры. А что, если бы я вдруг представил неопровержимые доказательства, что я не бурсак, а герцог, и получил самое настоящее герцогское воспитание. Вот тогда бы тотчас же подумали: А, нет-с, это он не плохо высморкался, – это и есть настоящая герцогская манера… Ну, вот то же и с Толстым. Если бы другой написал сказку об Иване-дураке, – ни в одной редакции, пожалуй, и не напечатали бы. А вот, подпишет граф Толстой – все и ахают. Ах, Толстой, великий романист! Не может быть, чтоб была глупость. Это только необычно и гениально! По-графски сморкается!..» [4, с. 67]. Передавая этот эпизод, Короленко подчеркивает, что Чернышевский относился к «движению, обозначенному Толстым» очень насмешливо. О манере Чернышевского говорить полусерьезно, полушутя вспоминает и А.А. Токарский: «Мне всегда казалось, что это не только способ изучить собеседника, определить, насколько этот собеседник понимает и улавливает основную мысль разговора, но способ самому, не вдаваясь в противоречия, изменить направление разговора» [16, с. 436].

Разговаривая с Чернышевским, Короленко подметил также и другую особенность манеры общения писателя: развивая какую-нибудь мысль, Чернышевский не трудился логически связывать отдельные части повествования, позволявшие слушателю без труда следовать за ходом его мысли. Собеседнику приходилось самому «делать самые неожиданные скачки, чтобы не отстать и не потерять из виду общей связи. Но зато, если вы понимали его шутку и не теряли нити, в его добродушно-лукавых глазах вспыхивало выражение удовольствия, почти наслаждения» [4, с. 52].

Как одну из необычных особенностей личности Чернышевского Короленко выделяет его способность к импровизации, которая «чрезвычайно походила на чтение хорошо написанного и в совершенстве отделанного литературного рассказа» [4, с. 52]. На эту особенность указывает и С.Г. Стахевич в своих воспоминаниях о Чернышевском: «Иногда написанного ничего не было, он рассказывал то, что предполагал написать; рассказывание шло так гладко, что слушающий, закрывши глаза,

мог бы подумать, что Николай Гаврилович читает по тетради» [16, с. 299]. Об этой особенности личности Чернышевского говорит и В.Н. Шаганов: «...Когда он говорил, он имел привычку держать перед собою или книгу, или лист бумаги, – иллюзия была полная: вы были уверены, что он читает, а не говорит от себя» [15, с. 126].

Среди основных особенностей характера Чернышевского Короленко выделяет «редкую деликатность» писателя. К такому выводу он пришел, выслушав рассказ одного писаря, служившего в Вилюйске в то время, когда там жил Чернышевский. Оказалось, что условия ссылки позволяли Чернышевскому выходить из своей комнаты тогда, когда ему было угодно. Но выходил он редко и в гостях долго не засиживался. «Его стесняло то обстоятельство, – считает Короленко, – что жандарм должен был издали следить за ним и дожидаться, пока он выйдет, что при редкой деликатности Чернышевского совершенно отравляло для него всякое удовольствие этих посещений» [4, с. 57]. О деликатности Чернышевского говорит и А.А. Токарский: «Эта тонкая деликатность и мягкая нежность были так присущи Н. Г-чу, что окружающие их почти не замечали» [16, с. 427].

Неоспоримой заслугой Короленко является то, что своей статьей он разбивает ходившую в буржуазно-дворянских кругах версию о том, что будто бы Чернышевский, находясь в тяжелых условиях ссылки, утратил силу своего могучего ума. Короленко утверждает, что этот замечательный человек удивительно владел собою, держал себя в руках и не давал тяжелой жизни далекого захолустья победить свой могучий ум и здравый смысл. «Нужно было обладать могучим умом Чернышевского, чтобы не поддаться одиночеству долгой сибирской ссылки, без товарищей и друзей» [4, с. 58]. Короленко убежден, что Чернышевский до конца сохранил «силу своего могучего мозга», доказательством чего является его «невероятно энергическая работа по переводам». О работоспособности Чернышевского говорит и Токарский: «Ни единой минуты он не мог сидеть без дела, и дело у него кипело в руках» [16, с. 424]. М.П. Краснов в своих воспоминаниях пишет: «...трудоспособность Николая Гавриловича была необычайна...» [15, с. 286]. Короленко опровергает также версию о том, что у Чернышевского «не все дома», аргументируя тем, что Чернышевский вообще «немножечко чудак», а также тем, что писатель остался прежним, в то время как окружающее его общество изменилось. «Чернышевский явился к нам, как архаическая фигура... Нас он не знал вовсе, а его мы успели забыть, и его облик – прежний облик – казался нам уже странным» [4, с. 49].

Примечательно отметить, что Короленко одним из первых проливает ясный свет на жизнь Чернышевского в сибирской ссылке, причем

приводимые им факты подтверждаются другими трудами о пребывании великого революционера-демократа в Забайкалье. Факты сибирской жизни Чернышевского, которые, как пишет Короленко, ему «удалось собрать во время странствий в соседних с ним местах, частью от лиц, живущих вместе с ним, частью же от самого Чернышевского», составляют значительную часть очерка Короленко. Эта часть «Воспоминаний о Чернышевском» (1890) перекликается с воспоминаниями В.Н. Шаганова (1890), П.Ф. Николаева (1906), С.Г. Стахевича (1909), и является во многом их подтверждением.

Чернышевский, находясь в ссылке, не только не поддался, по мнению Короленко, тлетворному влиянию окружающей среды, но «насколько среда была к этому способна, подымал ее до себя» [4, с. 58]. От сотоварищей Чернышевского Короленко узнал, что его все любили и уважали. «Его добродушие, постоянная серьезность и умение при случае говорить просто с простыми людьми приобрели ему общую симпатию, и они привыкли обращаться к нему за разрешением своих споров и недоразумений...» [4, с. 50]. Таким образом, Короленко выделяет очень важную черту личности Чернышевского – его внимание к окружающим, «тонкое понимание чужого настроения» [4, 70]. Несмотря на разобщенность с широкими массами, которая наблюдалась у деятелей русского освободительного движения на первых его порах, Чернышевский, отмечает Короленко, был широко известен населению тех мест, где он отбывал ссылку, как большой человек, решительно выступавший на стороне народа.

Вилюйчане рассказывали, пишет Короленко, что Чернышевский успел обучить нескольких стражников письму и счету. С одним из таких стражников, прожившем с Чернышевским целый год, довелось встретиться в Сибири Короленко, и он был удивлен его начитанностью.

Через весь очерк Короленко о Чернышевском красной нитью проходит утверждение Короленко о том, что Чернышевский не изменился после ссылки. Он остался при прежних взглядах.

От любого произведения или статьи он требовал, пишет Короленко, по-прежнему ясных и простых выводов. Так, упрекая Успенского в его сложных выводах, Чернышевский привел пример, иллюстрирующий, как выводы Успенского в двух следующих один за другим рассказах могут быть кардинально противоположными. Как известно, Короленко высоко ценил и любил Успенского и его творчество. Именно Успенский был литературным учителем Короленко. Соглашаясь с Чернышевским, Короленко тоже отмечает в произведениях Успенского много противоречивых фактов, объясняя их сложностью жизни. «Мы, сами давно уже бьющиеся среди сложности и противоречий жизни, ускользающей от

нашего «устроения», любим и ценим в писателе эту чуткую нервность и тонкую правдивую восприимчивость к таким фактам» [4, с. 66]. Чернышевский, в отличие от Короленко, который в основе этих противоречий видит особую чувствительность писателя к окружающей его действительности, не хотел и не мог с ними мириться, оставаясь при прежних взглядах.

Впечатление о Чернышевском определилось, как утверждает Короленко, уже в первое свидание. «Тот самый, тот самый, – думалось с грустью. Какая это, в сущности, страшная трагедия остаться тем же, когда жизнь так изменилась» [4, с. 63]. Короленко вспоминает рассказ о поляке, просидевшим в подземелье несколько столетий, в то время как жизнь над ним далеко ушла вперед, и он сравнивает Чернышевского с этим поляком. Созвучны со словами Короленко о поляке и слова Н. Ф. Хованского, который в своих воспоминаниях о Чернышевском пишет: «Казалось, мы посетили человека, лишь недавно выпущенного из подвала, в котором он находился замурованным много, много лет» [15, с. 282].

Любой человек, утверждает Короленко, может остаться при прежних взглядах, с теми же убеждениями, но он обязательно переместится куда бы то ни было вместе с жизнью. Но Чернышевский был изолирован царизмом от «непосредственного общения с живыми фактами интеллектуальной жизни», она (жизнь), по словам Короленко, даже не задела его. «Она вся прошла вдали от него, промчалась мимо, не увлекая его за собой, не оставляя на его душе тех черт и рубцов, которые река оставляет хотя бы на неподвижном берегу и которые свидетельствуют о столкновениях и борьбе» [4, с. 64]. Ссылка лишила, по мнению Короленко, могучий ум Чернышевского естественной пищи, жизненно необходимой для того, чтобы идти в ногу со временем. «Могучим усилием он удержался на высоте прежних способностей, но только удержался и именно на той ступени, на которой его застигла ссылка» [4, с. 58]. Таким образом, основным лейтмотивом воспоминаний является утверждение Короленко, что Чернышевский остался прежним, каким он был до ссылки. Единственное, по мнению Короленко, что изменилось в Чернышевском, так это его юмор. «Столкновение опьяняющих надежд и каземата» отразилось на писателе оттенком «скептического юмора и некоторым недоверием к прежним «путям прогресса» [4, с. 58]. В остальном, говорит Короленко, он не изменился.

А.А. Токарский, полемизируя с Короленко в отношении его утверждения, что впечатление о Чернышевском у него определилось уже в первое свидание, говорит, что такую сложную натуру, как Чернышевский, очень трудно узнать и понять с первого раза. Таким образом, это

положение Короленко ему представляется рискованным. На наш взгляд, Токарский не учел того, что Короленко – очень проницательный, чуткий и внимательный человек, способный с первого взгляда уловить и подчеркнуть основные черты личности. Несомненно, большое значение приобретает и его заочное знакомство с Чернышевским через брата, И.Г. Короленко. Поэтому вполне возможно, что Короленко уже в первое знакомство отметил основные особенности личности Чернышевского и сделал для себя определенные выводы.

Второе положение, подвергнутое сомнению А.А. Токарским, заключается в утверждении Короленко, что Чернышевский остался тем же, «когда жизнь так изменилась». Токарский представляет доказательства ошибочности вывода Короленко, что жизнь ушла, обошла Чернышевского: «Современникам всегда кажется, что они куда-то умчались, что их время – не чета прошедшему. То в унынии они утверждают: «Бывали хуже времена, но не было подлей», то шагают по пути прогресса в семимильных сапогах. «А как посмотришь с холодным вниманьем вокруг – просто топчутся на месте» [16, с. 442].

Неверны, по мнению А.А. Токарского, и слова Короленко, что у Чернышевского не было ничего кроме литературы. «Не значит ли это, что жизнь трогала его, била и теребила постольку, поскольку она отражалась в литературе. Если так, то для того, чтобы доказать, что она не трогала его, нужно доказать, что он ушел от отражения жизни в литературе. Это же предположение вполне исключается тем, что знакомство Н.Г. с литературой было полное... Здесь действительно была трагедия, но она заключалась в том, что у Чернышевского, следившего за литературой, были связаны руки... Но не только литературная жизнь, а и политическая жизнь очень даже сильно задевала Чернышевского. Каждое усиление реакции отражалось на нем, на условиях его подневольной жизни и слишком много «черт и рубцов» оставило на его душе. Доказательства Короленко, по моему мнению, не выдерживают критики» [16, с. 442].

На наш взгляд, А.А. Токарский, несомненно, прав, утверждая, что ссылка не могла помешать Чернышевскому быть в курсе литературных и общественных событий, происходивших в стране. Следует заметить, что не один Токарский утверждал это. Н. В. Рейнгард тоже говорит о том, что Чернышевский внимательно следил за русской литературой, «не пропуская самых ничтожных явлений» [15, с. 269]. А.А. Токарский справедливо говорит о том, что изменения в политической жизни страны не могли не отразиться на пребывающем в ссылке Чернышевском. Но нельзя не согласиться и с Короленко, который верно говорит о том, что длительное пребывание в ссылке, вдали от общественной жизни, спо-

собствовало тому, что взгляды и принципы Чернышевского не менялись, в то время как многое в современной действительности поменялось.

Придя к выводу, что общественно-политическая жизнь страны Чернышевского обошла стороной, Короленко все же интересовался, будет ли вернувшийся из ссылки писатель заниматься публицистикой. «Публицистика! – сказал однажды Чернышевский на вопрос моего брата, отчего он опять не возьмется за нее. – Как вы хотите, чтобы я занялся публицистикой. Вот у вас теперь на очереди вопрос о нападении на земство, на новые суды... Что я напишу об них: во всю мою жизнь я не был ни разу в заседании гласного суда, ни разу в земском собрании. Ни разу! Конечно: ведь его увезли до открытия новых учреждений, а привезли обратно, когда их собирались уничтожить» [4, с. 64].

А.А. Токарский в своей статье «Н.Г. Чернышевский» утверждает, что Короленко неверно истолковал ответ Чернышевского. «И точно живым мне представляется Н. Г<аврилови>ч. И я вижу его улыбающиеся глаза, я слышу его тон. Он пробует собеседника. Он знает о земстве достаточно, знает и о новых судах; но он знает гораздо больше...Он пробует, собеседник удовлетворяется, и он умолкает. И еще умолкает потому, что у него нет точки опоры. Куда он, в самом деле, поместит статью? Он и «Гимн Деве неба» помещает под именем неизвестного англичанина. Он и Вебера переводит под псевдонимом «Андреев». А В.Г. Короленко поверил ему на слово...» [16, с. 440].

Короленко поверил, что писатель действительно не в состоянии разобраться в тех проблемах, волновавших общество в то время в силу того, что он просто был изолирован от этих проблем. Однако причина была в том, по мнению Токарского, что у Чернышевского были просто связаны руки. Действительно, Чернышевский не видел смысла в возобновлении публицистической деятельности только для того, чтобы писать о земстве или о новых судах. И вовсе не потому, что он, как решил Короленко, не был знаком ни с земством, ни с пореформенным судоустройством. Чернышевский, трезвый и проницательный политик, не верил в идею мирного преобразования русской жизни путем постепенных и частичных исправлений. Но об этом он не захотел говорить, а Короленко удовлетворился его уклончивым ответом. Короленко сам стал «жертвой» иронии Чернышевского, о которой говорил как об основной особенности характера писателя.

В своем очерке Короленко отводит отдельную главу, в которой говорит об отношении Чернышевского к своему прошлому. Проанализировав одну легенду-аллегорию, рассказанную братом, в которой Чернышевский говорит о себе как о теоретике и мыслителе, который вообразил

себя практическим деятелем, Короленко сделал вывод, что над своим прошлым Чернышевский не смеялся и остался при прежних взглядах и прежних приемах. «Он смеялся только над своими попытками практической деятельности и, пожалуй, не верил в близость и плодотворности общественного катаклизма» [4, с. 73]. П.Ф. Николаев, который был вместе с Чернышевским в ссылке, в своих воспоминаниях совсем по-другому характеризует политическое кредо Чернышевского 70–80 годов: «Всякому сильному и здоровому уму присущ здоровый скептицизм. Николай Гаврилович не верил в близость катастрофы, хотя и желал ее… Я взял бы на себя смелость характеризовать политические взгляды Чернышевского в таких немногих словах: катастрофа вскоре немыслима, но долг мыслящего и последовательного человека – стремиться к ней и делать все возможное для ее приближения. Поменьше фраз и теорий и побольше действия» [15, с. 164]. Таким образом, Короленко ошибался, говоря о якобы ироничном отношении Чернышевского к практической революционной деятельности.

В своей статье о Чернышевском Короленко большое внимание уделяет анализу философских взглядов писателя. Не разделяя «крайнего рационализма» Чернышевского, Короленко высоко оценивает его моральный облик, отмечая, что у него «все помыслы сердца, все стремления, вся жизнь – были жизнью, помыслами, стремлениями русского писателя – гражданина, и ничем более» [4, с. 64]. Необходимо отметить двойственное отношение Короленко к системе взглядов Чернышевского. Дело в том, что в период написания Короленко статьи о Чернышевском многие представители русской интеллигенции, разделявшие в прошлом взгляды вождя революционной демократии 1860-х годов, в дальнейшем отошли от этих взглядов, последовательно революционных, находившихся на уровне цельного философского материализма. Это в известной степени относится и к Короленко. Чернышевский же, по словам Короленко, и после ссылки остался «при прежних взглядах». Действительно, Чернышевский был и остался последовательным революционным демократом и материалистом.

Поставив перед собой задачу – определить главные черты умственного склада Чернышевского, оставшегося неизменным до последних дней своей жизни, Короленко представляет их следующим образом: «Вера в силу устроительного разума, по Конту. Вся история – есть не что иное, как смена разных силлогизмов, смена, происходящая по схеме Гегеля. Далее: главный материал, над которым оперирует разум, творящий социальные формы, – эгоистические и прежде всего материальные интересы. Сделать подсчет этих интересов, поставить наибольшее благо

наибольшего числа людей в качестве цели, показать эту таблицу с ее противоположными итогами громадным массам, которые теперь, по неумению рассчитать, допускают существование неправильной социальной арифметики, – остальное уже можно легко предсказать и предвидеть. Таковы были, по-моему, взгляды, такова, по-моему, вера» [4, с. 65].

В. Бартенев в этом определении мировоззрения Чернышевского справедливо видит схематичность, сужавшую широту взглядов русского писателя и философа. Бартенев утверждает, что Короленко не понимает, что, оставшись неизменными, «взгляды Чернышевского были более прогрессивными и более отвечали движению жизни вперед, чем мировоззрение тех, кто на новом этапе нашей истории порвал с традициями трезвого и реалистического наследства, как, например, Михайловский» [2, с. 112]. Чернышевский не мог принять социологию Михайловского, которого Короленко считал сделавшим шаг вперед по сравнению с Чернышевским.

Однако, несмотря на некоторые разногласия в системе взглядов и оценок этих двух писателей, Короленко можно с уверенностью назвать подлинным преемником и продолжателем революционно-демократических традиций Чернышевского, горячим сторонником общественного назначения литературы, убежденным противником буржуазного объективизма в искусстве. С самого начала своего литературного пути выступая против «чистого искусства», Короленко защищал традиции русской классической литературы и принципы революционно-демократической критики: «Я держусь мнения, что идея есть душа художественного произведения» [5, с. 217], – заявляет Короленко, перекликаясь с Белинским, утверждавшим, что подлинно поэтическое произведение есть плод могучей мысли, овладевшей поэтом. Известно, что Чернышевский – ученик и последователь Белинского, в своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» разгромил теорию «чистого искусства». В отличие от эстетов-идеалистов, которые отрицали наличие прекрасного в реальной жизни, Чернышевский считал, что «прекрасное есть жизнь: прекрасно то существо, в котором мы видим жизнь такою, какова она должна быть по нашим понятиям» [14, с. 10]. Короленко подходит к вопросу об отношении искусства к действительности, используя художественный опыт Белинского и Чернышевского, рассматривавших искусство как форму познания самой жизни. Хотя Короленко в целом принимает основной тезис эстетики Чернышевского о том, что искусство есть отображение действительности, однако в письме к В.Гольцеву от 11 марта 1894 г. он пишет: «Покойный Чернышевский говорил: красота присуща явлениям природы, мы только слабые кописты, подражатели, и потому явления всегда выше изобра-

жения. Отсюда – стремление к реальной правде, как к пределу. ...Мне казалось всегда, что Чернышевский не совсем прав: художественное произведение, то есть изображение, – само есть явление природы, и как таковое – оно всегда равно всем остальным явлениям» [5, с. 218]. Несогласие вызывает положение Чернышевского об искусстве как «бледной копии» и «суррогате» действительности и его утверждение, что «явления всегда выше изображения».

В этом письме Короленко сопоставляет эстетику Чернышевского с субъективно-идеалистической системой Мопассана: «Гюи де Мопассан находил, что художник творит свою иллюзию мира, то, чего нет в действительности, но что он создает взамен того, что есть» [5, с. 217]. Короленко, в отличие от Мопассана, отрицает возможность существования «иллюзии мира» без отношения к реальному миру. Короленко приходит к выводу, что в своем генезисе искусство обусловлено действительностью, а в своем результате – творческим процессом художника. Художник подчинен законам природы и законам творчества. «...Мы не просто отражаем явления, как они есть и не творим по капризу иллюзию несуществующего мира. Мы создаем или проявляем рождающееся в нас новое отношение человеческого духа к окружающему миру» [5, с. 218].

Влияние традиций революционно-демократической эстетики, и эстетики Чернышевского в частности, во взглядах Короленко на искусство отразилось и в том, что Короленко более решительно, по сравнению с Михайловским, подчеркивает активизирующую роль искусства, необходимость гармоничного сочетания формы и содержания, высокой идейности художественного произведения.

В дневнике 1887 г. Короленко делает запись, которая является своего рода ключом для раскрытия смысла его творчества. «Значение масс несомненно и установлено. То, что мы называем героизмом – свойство не одних героев... Романтизм лишает этого героизма массу и всю его сумму, все результаты приписывает исключительно своему излюбленному герою. Но реализм, отрицающий его, тоже не прав... Таким образом – открыть значение личности на почве значения масс – вот задача нового искусства...» [6, с. 98–99].

Совершенно очевидно, что Короленко идет здесь не за идеологом народничества Михайловским, а за революционными демократами – Чернышевским и Добролюбовым, которые всегда отстаивали творческую роль масс в истории.

Творчество Короленко, писателя нового поколения, не могло не привлечь внимание Чернышевского. О том, что к середине 80-х годов у Чернышевского уже сложилось положительное отношение к творче-

ству Короленко, свидетельствует Н.В. Рейнгард, видевшийся с Чернышевским в 1886 г. В своих воспоминаниях он сообщает, что великий критик «как писателю очень симпатизировал» [1, с. 64] Короленко.

В 80-е годы некоторое время жил в Астрахани младший брат Короленко – Илларион Галактионович. Здесь он познакомился с Чернышевским и его женой и быстро завоевал их доверие. «Наш Короленко», – так называла его Ольга Сократовна Чернышевская. Очевидно, именно в это время и состоялось заочное знакомство В.Г. Короленко с Чернышевским.

К сожалению, никаких писем И.Г. Короленко к брату из Астрахани, как и писем В.Г. Короленко к Иллариону Галактионовичу не сохранилось. Судя по тому, что переписка Короленко с братом представлена в архиве с большой полнотой, можно думать, что письма с упоминаниями о Чернышевском были уничтожены из осторожности. Так, из той же осторожности в письме к П.С. Ивановской (сестре жены) уже в 1890 г., упоминая о смерти Чернышевского, Короленко называет его дядей Колей («О смерти дяди Коли ты, наверное, знаешь» [8, с. 26].

Об отношении Чернышевского к творчеству Короленко свидетельствует небольшая запись, сделанная женой Короленко Евдокией Семеновной. Сделана эта запись, скорее всего, под впечатлением «Воспоминаний» Короленко. Об этом говорит последняя фраза: В.Г. «по скромности не написал про себя». «Когда мы виделись с Н.Г. у нас в номере, – пишет Е.С. Короленко, – то много и оживленно разговаривали о литературе. Н.Г. так был прост и обращался с нами, точно знал нас хорошо, и я чувствовала себя очень непринужденно. В.Г. зачем-то вышел из номера, и я спросила Н.Г., какие ему больше нравятся произведения В.Г. Мы стали вспоминать, и я сказала, что мне нравится «Сказание о Флоре». Он на это мне ответил что у Некрасова есть одно стихотворение: сидит на улице каменщик и бьет камни, из которых при битье искры сверкают. Так и у В.Г., что бы он ни писал, всюду искры, надо, чтобы он работал и не отходил в сторону. Это большой талант, это тургеневский талант. Я только не примирюсь с ним, пока он не напишет больное что-нибудь из общественной жизни. Это он говорил и В. Гал., но тот по скромности своей не написал про себя» [11, с. 271]. В этой записи содержится очень высокая оценка творчества Короленко.

Обращаясь в отзыве о Короленко к произведению Некрасова, Чернышевский имел в виду то знаменитое его стихотворение, в котором поэтически утверждается программа боевого, общественного, демократического искусства, – к стихотворению «Поэт и гражданин» (1855-1856). Сопоставляя имя Короленко с именем Тургенева, Чернышевский

не только давал очень высокую оценку таланта Короленко, но и определил одну из характерных особенностей его творческой манеры: реалистическое изображение действительности. Таким образом, обращение Чернышевского к именам Тургенева и Некрасова показывает, что он воспринимал творчество Короленко в плане лучших, передовых традиций русской литературы.

О положительном отношении Чернышевского к творчеству Короленко мы имеем еще два свидетельства. Одно содержится в воспоминаниях И.П. Горизонтова: «С большой похвалой и глубоким сочувствием говорил Чернышевский о г. Короленко и предрекал ему блестящую будущность» [3, с. 116].

Другое свидетельство принадлежит Л.Ф. Пантелееву. Передавая общий взгляд Чернышевского на современную литературу, Пантелеев упоминает, что Чернышевский отдавал предпочтение беллетристике своего времени. «Теперь кто беллетрист?» – спрашивал он и отвечал: «Хорошо пишет Владимир Галактионович» [12, с. 545]. Все эти свидетельства говорят о большом интересе Чернышевского к творчеству Короленко, а также об очень высокой оценке великим критиком художественного дарования младшего писателя.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что в целом «Воспоминания» Короленко раскрывают неповторимые живые черты Чернышевского-человека. Они проникнуты горячей симпатией к нравственному облику великого критика, глубокой болью за судьбу человека, «все помыслы сердца которого, все стремления, вся жизнь – были жизнью, помыслами, стремлениями русского писателя-гражданина, и ничем более» [4, с. 64].

Однако эта статья далась Короленко нелегко. Об этом он говорил в своем дополнительном очерке о Чернышевском, напечатанном в 1905 г. «Написать воспоминания о том или другом замечательном человеке не так легко, как кажется с первого взгляда. В сущности, во всякой попытке восстановить чужой облик по материалам собственной памяти – есть некоторые элементы работы портретиста» [9, с. 95].

Статья Короленко не свободна от ошибочных истолкований отдельных историко-литературных проблем и некоторых сторон творчества писателя. Так, в воспоминаниях о Чернышевском, исполненных глубокого уважения и неподдельной любви к вождю русской революционной демократии, сказалось известное влияние либерально-народнических взглядов Михайловского. Короленко явно недооценил громадного значения философских взглядов Чернышевского.

В своей статье Короленко очень тонко и проницательно оценил в Чернышевском его умение «владеть собой», его выдержанность. Он

выделил его яркую черту – манеру иронизировать, с помощью которой Чернышевский скрывал от собеседника свои настоящие воззрения. Но, отметив эту черту, Короленко сам стал «жертвой» иронии Чернышевского. Он не понял, что, несмотря на то, что Чернышевский был очень приветлив и радушен, он все-таки оставался ему чужим. Чернышевский не мог в полной мере раскрыть перед ним свои мысли и взгляды. Это обстоятельство и явилось причиной, что мастерски и любовно сделанная большим художником-гуманистом характеристика великого революционного демократа не всегда отражает его действительное лицо в последний период его жизни.

Короленко, проницательный художник, мастер мемуарного портрета и великий критик, по-своему оценил и проанализировал в своей статье основные взгляды и принципы Чернышевского. И в этом его неоспоримая заслуга.

1. *Балабанович Е.* В.Г. Короленко. 1853–1921. – М.,1947.
2. *Бафтенев В.* Короленко – литературный критик. – Иваново, 1953.
3. *Горизонтов И.* Чернышевский в Саратове. Воспоминания современников. – М., 1939.
4. *Короленко В.Г.* Собр. соч. – М., 1955. – Т. 8.
5. *Короленко В.Г.* Собр. соч. – М., 1956. – Т. 10.
6. *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. –Б.м.: ГИЗ Украины, 1925. – Т. 1. Дневник.
7. *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. –Б.м.: ГИЗ Украины, 1927. – Т. 3. Дневник.
8. *Короленко В.Г.* Письма к П.С. Ивановской. – М., 1930.
9. *Короленко В.Г.* Из воспоминаний о Чернышевском //Русское богатство. – 1905. – № 6.
10. *Левандовский Л.* Короленко про Чернышевского //Рад. літературознавство. – 1978. – № 10.
11. *Морозова Т.* Чернышевский о Короленко. //Изв. Акад. Наук СССР. – 1953. – Т. 12. – Вып. 3.
12. *Пантелеев Л.* Из воспоминаний прошлого. – М., 1934.
13. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. – М., 1950. – Т. 15.
14. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. – М., 1949. – Т. 2.
15. Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. – Саратов, 1959. – Т. 2.
16. Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. – М., 1982.

Н.Г.Ничипорук

«ДРУГ ДРУГУ НЕ ЧУЖДЫ...» (А.П. ЧЕХОВ И В.Г. КОРОЛЕНКО)

В 1903 г. по случаю 50-летия В.Г. Короленко А.П. Чехов писал в приветственной телеграмме: «Дорогой, любимый товарищ, превосходный человек, сегодня с особенным чувством вспоминаю вас. Я обязан вам многим. Большое спасибо. Чехов».

А.П. Чехов и В.Г. Короленко познакомились в феврале 1887 г., когда Короленко был в Москве проездом из Нижнего Новгорода в Петербург. О первом появлении Короленко в чеховской семье рассказал Михаил Павлович Чехов, младший брат писателя: «Однажды вся наша семья сидела наверху (мы кончали обедать), когда вдруг внизу послышался звонок. Сестра кого-то ожидала, вышла из-за стола и стала спускаться вниз. Я ее опередил и, так как пришедшему никто не отворял, сам отпер парадную дверь и впустил гостя. Это был невысокого роста человек с окладистой широкой бородой.

– Я Короленко...– сказал он.

Боже мой! Короленко! Вот неожиданность!

Мы все уже давно были знакомы с его произведениями, увлекались ими, а «Сон Макара» я знал чуть не наизусть.

...Короленко очаровал нас своей простотой, искренностью, скромностью и умом. Разговорились. Я жадно слушал, как он рассказывал о своей ссылке в Сибирь, куда не только Макар не гонял своих телят, но даже и ворон не залетал. А когда после долгих лет изгнания он наконец получил право возвратиться в Россию, добравшись до Тюмени, сел на поезд железной дороги, то так обрадовался вагону, что стал громко при всех рыдать.

– Сижу и плачу, – рассказывал он. – Пассажиры думают, что это я с горя, а я, наоборот, от радости.

Он засиделся до вечера. Антон Павлович пригласил его наверх, где наши мать и сестра уже хлопотали около самовара, и мы и там продолжали его слушать» [4, с. 220–221].

Когда Чехов и Короленко встретились, первому было 27 лет, второму – 34. Короленко уже был автором таких произведений как «В дурном обществе», «Сон Макара», «Слепой музыкант», вышла в свет его первая книга «Очерков и рассказов». Это была уже крупная фигура, имеющая

уважение в обществе, литературную известность, любовь читателей. Чехов же только входил в известность. Но и у него уже вышли первые сборники – «Сказки Мельпомены» (1884) и «Пестрые рассказы» (1886), а в год знакомства с Короленко будут опубликованы еще два – «В сумерках» и «Невинные речи».

«До первой встречи, – вспоминал Короленко, – я уже прочитал рассказы Чехова, и мне захотелось <...> познакомиться с их автором. <...> В это первое свидание Чехов произвел на меня впечатление человека глубоко жизнерадостного. Казалось, из глаз его струится неисчерпаемый источник остроумия и непосредственного веселья, которым были переполнены его рассказы. И вместе угадывалось что-то более глубокое, чему еще предстоит развернуться, и развернуться в хорошую сторону. Общее впечатление было цельное и обаятельное» [1, с. 137].

Чехов не оставил специальных записок о Короленко, но в письмах нередко упоминал о нем. А самому Владимиру Галактионовичу писал 17 октября 1887 г.: «... Я чрезвычайно рад, что познакомился с Вами. Говорю я это искренно и от чистого сердца. Во-первых, я глубоко ценю и люблю Ваш талант; он дорог для меня по многим причинам. Во-вторых, мне кажется, что если я и Вы проживем на этом свете еще лет 10–20, то нам с Вами в будущем не обойтись без точек общего схода. Из всех ныне благополучно пишущих россиян я самый легкомысленный и несерьезный. <...> Вы же серьезны, крепки и верны. Разница между нами, как видите, большая, но тем не менее, читая Вас и теперь познакомившись с Вами, я думаю, что мы друг другу не чужды. Прав я или нет, я не знаю, но мне приятно так думать».

Поскольку Чехов жил в Москве, а Короленко в Нижнем Новгороде, дальнейшие встречи писателей не могли быть частыми. Сам Владимир Галактионович из скромности скрыл одну подробность первых бесед, очень важную. Как и Д.В. Григорович, убеждавший Чехова переходить от коротких юмористических рассказов к большим повестям, Короленко влиял на молодого Чехова в том же направлении. Это видно из второго письма Чехова к Короленко от 9 января 1888 г. Посылая для Короленко копию известного письма Д.В. Григоровича, полученного в 1886 г., Чехов приписывает: «Из письма Вам станет также известно, что не Вы один от чистого сердца наставляли меня на путь истинный, и поймете, как мне стыдно». В том же письме он сообщает: «С вашего дружеского совета я начал маленькую повестушку для «Северного Вестника». И дальше излагает сюжет будущей повести «Степь».

В течение 1887–1888 гг. мысль Чехова постоянно занята новым знакомым и другом. 5 февраля 1888 г. он пишет поэту А.Н. Плещееву: «Жаж-

ду прочесть повесть Короленко («По пути»). Это мой любимый из современных писателей. Краски его колоритны и густы, язык безупречен, хотя местами и изыскан, образы благородны». Через четыре дня ему же: «Завтра у меня будет Короленко. Это хорошая душа». Когда Короленко побывал у него, Чехов сообщает 15 февраля 1888 г. А.С. Киселеву: «Вчера был у меня Короленко. Слезно просит жить это лето на Волге». Значит, дружеская связь быстро укреплялась. А в письме к Плещееву от 9 апреля 1888 г. Чехов писал: «Я готов поклясться, что Короленко очень хороший человек. Идти не только рядом, но даже за этим парнем весело».

Короленко одаривал Чехова такой же симпатией. Писатели обмениваются письмами, книгами.

Посодействовав переходу Чехова к большой повести, Короленко устраивает «Степь» в «Северный вестник». А Чехов, узнав от А.Н. Плещеева о возможном уходе Короленко из «Северного вестника», пишет 15 сентября 1888 г.: «Если Ваша догадка относительно Короленко справедлива, то очень жаль. Короленко незаменим. Его любят и читают, да и человек он очень хороший». Чехов настойчиво размышлял над творчеством своего старшего товарища. 2 мая 1888 г. он пишет Короленко: «Дорогой буду читать Вашего «Слепого музыканта» и изучать Вашу манеру». В те годы Чехов быстро созревал как художник и заметно уходил вперед, в то время как Короленко уже определился и работал в найденном направлении. Сохранилось интересное письмо Чехова к А.Н. Плещееву, написанное летом уже следующего, 1889 г.: «Поздравляю «Северный Вестник» с возвращением Протопопова и Короленко. От критики Протопопова никому не будет ни тепло, ни холодно, потому что все нынешние господа критики не стоят и гроша медного – в высшей степени бесполезный народ, возвращение же Короленко факт отрадный, ибо сей человек сделает еще много хорошего. Короленко немножко консервативен; он придерживается отживших форм (в исполнении) и мыслит, как 45-летний журналист; в нем не хватает молодости и свежести; но все эти недостатки не так важны и кажутся мне наносными извне; под влиянием времени он может отрешиться от них». Свое оригинальное, необычное в годы популярности Короленко, суждение о его творчестве Чехов, как видим, обставляет оговорками, смягчениями. Это было в характере А.П. Чехова, терпимого и деликатного в отношении к другим. Но было здесь и скрытое размышление о самом себе. В 1888–1889 гг., в пору перехода от маленького рассказа к большой повести, Чехов сильно стремился овладеть новой, более глубокой, совершенной формой. Процесс этот оказался мучительным. В мае 1888 г. он писал Короленко: «Замечаю, что мой характер начинает изменяться, и к худшему. Меняет-

ся и моя манера письма – тоже к худшему. Мне сдается, что я утомился, а впрочем черт его знает». Через год, в сентябре 1889 г., он жалуется Плещееву на то, с каким трудом дается ему новая повесть «Скучная история». И далее пишет: «Что касается Короленко, то делать какие-либо заключения о его будущем – преждевременно. Я и он находимся теперь именно в том фазисе, когда фортуна решает, куда пускать нас: вверх или вниз по наклону. Колебания вполне естественны. В порядке вещей был бы даже временный застой.

Мне хочется верить, что Короленко выйдет победителем и найдет точку опоры. На его стороне крепкое здоровье, трезвость, устойчивость взглядов и ясный, хороший ум, хотя и не чуждый предубеждений, но зато свободный от предрассудков. Я тоже не дамся фортуне живой в руки. Хотя у меня и нет того, что есть у Короленко, зато у меня есть кое-что другое. У меня в прошлом масса ошибок, каких не знал Короленко, а где ошибки, там и опыт. У меня, кроме того, шире поле брани и богаче выбор; кроме романа, стихов и доносов, я все перепробовал. Писал и повести, и рассказы, и водевили, и передовые, и юмористику, и всякую ерунду, включая сюда комаров и мух для «Стрекозы». Оборвавшись на повести, я могу приняться за рассказы; если последние плохи, могу ухватиться за водевили, и этак без конца, до самой дохлой смерти. Так что при всем моем желании взглянуть на себя и на Короленко оком пессимиста и повесить нос на квинту я все-таки не унываю ни одной минуты, ибо еще не вижу данных, говорящих за или против. Погодим еще лет пять, тогда видно будет».

Так творческий инстинкт и самосознание художника превозмогали тревогу и отчаяние и возвращали к творческой работе.

С 1888 г. духовное и личное общение двух писателей начинает ослабевать. Редеют и письма: за 1889–1891 гг. ни одного, за 1892 г. – всего одна коротенькая записка Короленко, затем в течение четырех лет, до 1896, ни одного письма. К 1896 г. относятся шесть писем, все – деловые, затем вновь пауза, прерываемая письмецом Чехова из Ялты в 1899 г.

Так было до 1902 г., до знаменитого «академического инцидента», показавшего истинную глубину их отношений и в очередной раз выявившего близость взглядов.

В конце апреля 1899 г. в ознаменование столетия со дня рождения Пушкина высочайшим указом при Академии Наук был учрежден разряд изящной словесности, в который могли избираться почетные академики из числа выдающихся русских литераторов. В январе 1900 г. были избраны 10 человек: великий князь Константин Романов, А.А. Голенищев-Кутузов, А.М. Жемчужников, А.Ф. Кони, В.Г. Короленко, С.В. Максимов, А.А. Потехин, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов.

И Чехов, и Короленко свое избрание в почетные академики приняли с некоторой долей юмора, понимая, что оно мало к чему их обязывает. Сообщая об этом событии матери, Короленко подписался: «Почтительный сын и российской де сьянс академии почетный член». В письмах Чехова появились титулы: «потомственный почетный академик», «Antonio academicus».

В декабре 1900 г. состоялись вторые выборы, а на третьи, в конце февраля 1902 г., Короленко выдвинул кандидатом в почетные академики М. Горького. Выдвижение поддержали почетные академики К.К. Арсеньев и В.В. Стасов. В результате 1 марта 1902 г. «Правительственный вестник» сообщил об избрании в число почетных академиков драматурга А.В. Сухово-Кобылина и М. Горького (А.М. Пешкова).

В правительственных кругах избрание Горького, писателя из «низов», близкого идее социал-демократии, было расценено как вызов, брошенный Академией «всей верноподданной России». По распоряжению министра внутренних дел Сипягина Николаю II были представлены два наклеенных на бумагу документа: вырезка из «Правительственного вестника» от 1 марта об избрании Горького и справка департамента полиции о политической неблагонадежности писателя.

Царь лично наложил на этот документ резолюцию: «Более чем оригинально». В письме на имя министра народного просвещения генерала Ванновского он выразил «глубокое возмущение» происходящим и повелел выборы Горького отменить. Великий князь К.К. Романов, президент Академии, сам почетный академик и поэт, поспешил выполнить высочайшую волю. На следующий день текст присланного генералом Ванновским заявления был воспроизведен в «Правительственном вестнике»: выборы признавались недействительными. Подобное же объявление 12 марта последовало и «от императорской Академии Наук».

Выходило так, будто Академия отменила свой выбор сама в соответствии с полицейскими соображениями. Короленко вступил в переписку с почетными академиками К.К. Арсеньевым, А.А. Шахматовым, А.Н. Веселовским. Из Полтавы, где жил в то время, специально поехал в Петербург. Там стало ясно, что все возмущены, но протестовать не решаются.

Тогда Короленко в знак протеста решил выйти из числа почетных академиков. Он приехал к Веселовскому с просьбой о собрании членов Адемии для выяснения инцидента с Горьким, и заявил, что если просьба его не будет удовлетворена до середины мая, он сложит с себя звание академика. Через 4 дня после подачи письма, 10 апреля, Короленко написал в Ялту Чехову о своем ультиматуме Веселовскому, спрашивал его мнение об инциденте, и приложил три копии письма. Короленко

писал: «Третий экземпляр посылаю на случай: не решаюсь послать прямо Льву Николаевичу, так как ему, конечно, не до того. Но если бы ему стало лучше и, по вашим соображениям, он проявил бы интерес к этому вопросу, то передайте ему один экземпляр».

Чехов навестил Л.Н. Толстого 31 марта 1902 г., а в письме от 19 апреля сообщил Короленко: «...Толстому передавать заявление я не стану. Когда я заговорил с ним о Горьком и об Академии, то он проговорил: «Я не считаю себя академиком» – и уткнулся в книгу. Горькому один экземпляр передал, письмо Ваше прочел ему». Чехов также писал, что очень хочет повидаться, но посетить Полтаву из-за болезни жены не может, звал приехать в Ялту. На следующий день он послал Короленко еще одно письмо: « Мне кажется, что нам удобнее действовать сообща, и надо сговориться...».

10 мая Веселовский дипломатично созвал не собрание, а «частное собеседование». Чехову было послано приглашение на него. Писатель телеграфировал, что приехать не может. Вскоре им было получено письмо от Ф.Д.Батюшкова: «Вчера состоялось в Академии наук соединенное заседание 2-го Отделения и Разряда изящной словесности по интересующему Вас вопросу. Подробности Вам, конечно, сообщит В.Г. Короленко, который отсюда, заехав в Полтаву, проедет в Ялту...».

25 мая 1902 г. газета «Крымский курьер» сообщила: «Вчера прибыл в Ялту В.Г. Короленко». В день приезда, 24-го, он уже был у Чехова.

Ни Короленко, ни Чехов не были удовлетворены результатами так называемого частного собеседования, состоявшегося в Академии. Никаких решений и постановлений сделано не было, новое заседание было отложено до осени. Президент отсутствовал по болезни, мнение его не было сообщено. Чехов и Короленко решили подать в отставку. 28 мая 1902 г. Короленко писал Ф.Д. Батюшкову: «Чехов, вероятно, отложит свое заявление до осени <...> Я «выйду» на днях, это дело, по многим причинам, необходимое».

Позднее в литературе, в частности, в книге Н.Д. Шаховской «В.Г. Короленко» утверждалось, что Короленко склонил Чехова к отказу от звания почетного академика в связи с кассацией выборов Горького [5, с. 125]. Короленко писал Н.Д. Шаховской 10 июля 1913 г.: «Чехова я к отказу от звания академика не склонял, а счел только нужным, как и других академиков, ознакомить с своим заявлением. Он вышел по собственной инициативе» [3, с. 526]. Об этом же Короленко писал 11 марта 1918 г. Г.К. Гегеру-Нелюбину: «Приводимые вами слова Анатолия Федоровича Кони тоже вызывают на возражение. Не понимаю, какие у него основания так решительно утверждать, будто «Короленко увлек Чехова

выйти из Академии, между тем, как Чехов очень гордился академическим званием». Могу утвердить, что Чехов всегда поступал очень самостоятельно, именно так, как сам считал нужным, и «увлекать» его мне не приходило в голову» [3, с. 526].

Короленко послал в Академию свой отказ от звания почетного академика 25 июля, Чехов – 25 августа. Письмо Чехова с отказом от звания почетного академика в знак протеста против аннулирования выборов М. Горького, посланное на имя председателя отделения литературы и языка Академии Наук А.Н. Веселовского, было напечатано в Штутгарте, в русском журнале «Освобождение», 1902, № 10, 2 ноября, под заголовком «Заявление А.П. Чехова». Это же письмо в 1903 г. было опубликовано в Берлине: в берлинском издании Иоанна Рэде появился рассказ В.Г. Короленко «Чудная»; вслед за предисловием к рассказу, подписанным И.М., напечатаны письма об отказе от звания академика В.Г. Короленко и А.П. Чехова. Ниже следуют их тексты.

«А.Н. Веселовскому
25 августа 1902, Ялта.

Милостивый государь Александр Николаевич!

В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А.М.Пешкова в почетные академики. А.М.Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его. Затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что ввиду привлечения Пешкова к дознанию по 1035 ст. выборы признаются недействительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение исходило и от меня. Я поздравлял сердечно и я же признавал выборы недействительными – такое противоречие не укладывалось в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог. Знакомство же с 1035 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжелому и прискорбному, а именно, почтительнейше просить Вас ходатайствовать о сложении с меня звания почетного академика. С чувством глубокого уважения имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою.

Антон Чехов.
25 августа 1902 г. Ялта».

«Вопрос, затронутый «объявлением», не может считаться безразличным. Ст. 1035 есть лишь слабо видоизмененная форма администра-

тивно-полицейского воздействия, игравшего большую роль в истории нашей литературы. В собрании, считающим в своем составе немало лучших историков литературы, я не стану перечислять всех относящихся сюда фактов. Укажу только на Н.И.Новикова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Аксакова. Все они, в свое время, подвергались административному воздействию разных видов, а надзор над А.С.Пушкиным, мировой славой русской литературы, как это видно из последних биографических изысканий, – не только проводил его в могилу, но и длился еще 30 лет после смерти поэта. (Уже в 70-х гг. истекшего века генерал Мезенцев потребовал, по вступлении своем в должность шефа жандармов, списки поднадзорных и вычеркнул из них имя титулярного советника А.С. Пушкина). Таким образом начало, провозглашенное в объявлении от имени Академии, проведенное последовательно, должно было бы закрыть доступ в Академию первому поэту России. Это в прошлом. В настоящем же прямым его следствием является то, что звание почетного академика может быть также и отнимаемо внесудебным порядком, по простому подозрению административного учреждения, постановляющего свои решения без всяких гарантий для заподозренного, без права защиты и апелляции, часто даже без всяких объяснений...

Ввиду всего изложенного, – то есть: что сделанным от имени Академии объявлением затронут вопрос, очень существенный для русской литературы и жизни; что ему придан вид коллективного акта; что моя совесть, как писателя, не может примириться с молчаливым признанием принадлежности мне взгляда, противоположного моему действительному убеждению; что, наконец, я не нахожу выхода из этого положения в пределах деятельности Академии, – я вижу себя вынужденным сложить с себя нравственную ответственность за «объявление», оглашенное от имени Академии, в единственно доступной мне форме, то есть вместе с званием Почетного Академика. Поэтому, принося искреннюю признательность уважаемому учреждению, почтившему меня своим выбором, я прошу вместе с тем исключить меня из списков и более Почетным Академиком не числить.

Вл. Короленко».

В Доме-музее А.П. Чехова в Ялте хранится копия письма Короленко, напечатанная на машинке на двух листах. Она вложена в книгу «Владимир Короленко. Очерки и рассказы. Изд. «Русской мысли», М., 1887» с дарственной надписью: «Антону Павловичу Чехову от В. Короленко».

Самому инциденту суждено было завершиться лишь после Февральской революции, 15 лет спустя. Почетный академик Д.Н. Овсяни-

ко-Куликовский в марте 1917 г. прислал Короленко письмо с просьбой вернуться в состав почетных академиков ввиду аннулирования произведенной царем кассации выборов Горького. Короленко от этого отказался, причем, приводя в письме от 29 мая 1917 г. свои мотивы, назвал и такой: «Вышли мы по обоюдному соглашению с А.П. Чеховым. Войти вместе не можем...» [2, с. 420].

Вскоре после смерти А.П. Чехова, в июльской книжке «Русского богатства» за 1904 г. были напечатаны воспоминания Короленко «Памяти Антона Павловича Чехова». Они вошли в собрание сочинений Короленко и многократно перепечатывались. В первой публикации воспоминания имели следующее окончание, позднее снимаемое редакторами: «Читатель простит мне эти, может быть, бессвязные и беспорядочные строки, лишенные претензии разобраться до конца в характере и размерах понесенной русскою литературою утраты. Разбираться придется еще много и процесс этот большой и сложный. Эти строки продиктованы лишь непосредственным ощущением тяжелой потери...»

17 лет продолжалась ничем не омраченная дружба Чехова и Короленко. Вместе они делали одно общее дело, убежденные, что когда пройдет время, всех их будут звать – «не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а «восьмидесятые годы» или «конец XIX столетия». Некоторым образом артель». Так писал Чехов к одному из своих литературных приятелей в марте 1889 г. Но и имена, и дела Короленко и Чехова вышли далеко за пределы «артели восьмидесятников».

1. *Короленко В.Г.* Антон Павлович Чехов //А.П.Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960.

2. Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер: В 3 т. – Т. 2. – М., 1936.

3. *Храбровицкий А.В.* Из дневника В.Г. Короленко //Лит. наследство. – Т. 68: Чехов. – М., 1960.

4. *Чехов М.П.* Вокруг Чехова. – М., 1964.

5. *Шаховская Н.Д.* В.Г. Короленко. – М., 1912.

Л.К. Гейштор

ЛИРИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА ЖИЗНИ В.Г. КОРОЛЕНКО (ИЗ КНИГИ «ВБЛИЗИ КОРОЛЕНКО»)

Морозным декабрьским днем 1942 года в одной из свердловских больниц умирала от тяжелой болезни (энцефалит) старая женщина, эвакуированная ленинградка. Ее привезли в безнадежном состоянии из Верхней Салды специальным санитарным вагоном. Хлопотал о вагоне и осуществлял транспортировку специально приехавший для этой цели из Казани академик Евгений Викторович Тарле. Он был там в эвакуации вместе с Академией Наук СССР. Его многие знали в ту пору по недавно вышедшей из печати блестящей книге «Наполеон». Такое близкое участие к больной он проявлял по праву многолетней дружбы.

Больная была без сознания. Возле нее попеременно дежурили дочь Софья Ангеловна и дочери писателя Владимира Галактионовича Короленко Софья и Наталья. Их привела в Свердловск война.

Знали, что выздоровление невозможно, но надеялись на чудо: вдруг больная придет в сознание и заговорит – она так хотела видеть Софью Владимировну в последние месяцы, звала приехать в Верхнюю Салду, потому что очень нужно было встретиться, поговорить.

Умирала Татьяна Александровна Богданович, журналистка, писательница, историк. Ее литературная работа началась в Петербурге в 90-х годах XIX века и потом с успехом продолжалась в разных жанрах советской литературы. Литературный Ленинград хорошо знал Татьяну Александровну по работе как председателя секции детской литературы. О ней неоднократно отзывался в печати с большой похвалой С. Я. Маршак.

С семьей Короленко Татьяна Александровна была связана с 1881 года.

Ее отношения с писателем прекратила смерть Владимира Галактионовича в 1921 году, а отношения со вторым поколением семьи Короленко – дочерьми писателя – продолжались еще двадцать лет и теперь подходили к концу. Такое не часто встречается.

Сознание так и не вернулось к больной, желанный разговор не состоялся.

Скоро на свердловском кладбище стало одним холмиком больше. Трудно было хоронить в декабре 1942 года – некому могилу вырыть, грунт промерз и звенел под ударами лопаты. Близких людей на похо-

ронах была совсем маленькая темная группа на белом снегу. Это были люди, преданные долгой дружбе до конца.

Ушел человек, но оставались те, кто его помнил, значит, не совсем ушел, потом и они ушли следом: нет ни Тарле, ни дочерей Короленко. Скорее всего, потерян и след могилы. И все-таки что-то остается. В данном случае осталось нечто очень важное: вещественное, осязаемое и способное жить в новой форме. Это пачка писем двух корреспондентов, в которых скристаллизованы отношения многих лет, на разных стадиях, в разных тональностях. В совокупности они представляют собой человеческий документ, может быть, уникальный и заслуживающий внимания потомков.

С письмами Владимира Галактионовича Короленко Татьяна Александровна не расставалась никогда. После ее смерти они долго находились у старшей дочери в Ленинграде, потом попали к младшей дочери Татьяне в Москву. Обе не читали их. Некоторое время они были в Москве у Натальи Владимировны, хранились в комнате ее старшей сестры Софьи. Дочери Короленко их тоже не читали. Софья Владимировна писала: « ... какой-то инстинкт деликатности в отношении корреспондентов помешал мне прочесть письма».

Татьяна Ангеловна прочла их только перед сдачей в отдел рукописей Библиотеки имени Ленина, где хранится большая часть рукописного фонда В.Г. Короленко. Чтение ее очень взволновало, и она тотчас же обратилась к Софье Владимировне с вопросами: как поступить? передавать ли? если передавать, то все ли? Софья Владимировна ответила просьбой их прислать на предварительное прочтение. Письма были переписаны на машинке племянницей Короленко Марией Лошкаревой, так что их содержание не вышло за пределы семьи, и посланы в копиях Софье Владимировне в Полтаву. Ответное письмо хранится у Т. А. Пащенко (фамилия по мужу), как и предыдущее от 12 мая 1952 года. Ответ Софьи Владимировны решил судьбу писем. Вот он:

«5/11 – 52

Дорогая, милая Танечка.

Пишу тебе, взволнованная письмами моего отца к твоей матери. Как они хороши все. Я прочитала сначала письма 1910–1912 годов, но потом захотелось перечитать все до папиной смерти, потом вернулась к началу, к ранним годам, когда твоя мама только начинала жизнь, была еще робкой девочкой, потом замужество, самостоятельная работа. И во все эти периоды Короленко был таким верным, внимательным другом, что жалко было бы вынуть одно звено из цепи этих отношений. Даю

тебе сейчас телеграмму, что, по-моему, необходимо все письма сдать в Ленинскую библиотеку на хранение. Я думаю, что когда-нибудь их опубликуют, не скоро, конечно, не при нашей жизни.

За копию писем очень благодарю.

Ваша С. Короленко».

В телеграмме было написано: «Письма сдавай все».

Так письма оказались вместе с основным фондом рукописей писателя, но большая часть их не опубликована. Мне удалось там с ними познакомиться, сделать выписки, а потом и написать эту работу, целью которой было привлечь внимание к материалу с перспективой публикации самих писем.

Начиная работу, я не была уверена, что можно и нужно трогать эту тему, очень личную и деликатную. Некоторые короленковеды были против (в том числе Т. Г. Морозова), некоторые сомневались (Г. А. Бялый, главный специалист по Короленко), некоторые одобряли (писатель Г. Миронов, автор книги о Короленко в серии ЖЗЛ).

Когда стало известно мнение С.В. Короленко (из приведенного выше письма), Григорий Абрамович сказал: «Ну что ж, это открывает вам дорогу».

Оставалась еще другая сторона – дочь Татьяны Александровны. Я послала ей свою законченную работу в 1981 году и с волнением ждала ответа. Вот он: «Вашу статью я прочла много раз, и с большой радостью вижу, что она написана в благородном и приятном тоне, а ведь это самое важное. Я волновалась, читая ее, а теперь волнение мое улеглось. Вы нашли нужные слова и приятный тон» (из письма Татьяны Ангеловны Пащенко-Богданович (от 20 февраля 1981года)) [2].

Таким образом, два самых близких человека из оставшегося второго поколения высказали свое мнение. Теперь обеих нет в живых. Надежды на скорую публикацию этих писем мало, особенно теперь, когда так много изменилось в нашей жизни. Потому и хочется хотя бы в таком виде донести до читателей и почитателей В.Г. Короленко эту неизвестную страничку его личной жизни.

* * *

Первоначально эта работа была задумана как небольшое сообщение о лирическом эпизоде в жизни В.Г. Короленко, в котором отразились некоторые особенности его личности, раскрывшиеся в глубоком и нежном чувстве к Татьяне Александровне Богданович в один короткий период из их очень длительных и разнообразных отношений. Это пред-

полагалось сделать на основе писем В.Г. Короленко, ранее мало известных, но письма повлекли за собой другие материалы: воспоминания разных лиц, работы Т.А. Богданович о В.Г. Короленко, статьи В.Г. Короленко о его друзьях, материалы В.Г. Короленко в Полтаве, воспоминания о том, что мне рассказывала Софья Владимировна Короленко.

Для того чтобы яснее представить себе характер взаимоотношений двух главных персонажей, необходимо дать их в окружении близких им людей, тем более, что все они – Николай Федорович Анненский, Александра Никитична Анненская, Ангел Иванович Богданович – люди незаурядные, и общение с ними прошло через большую часть жизни В.Г. Короленко.

Николая Федоровича Анненского (1843–1912), публициста и известного статистика, В.Г. Короленко впервые увидел в Петербурге, еще будучи студентом, во второй половине 70-х годов на собрании кружка так называемых «трезвых философов» и тогда же обратил внимание на его необыкновенное обаяние, живость ума, блеск, умение привлекать к себе симпатии людей. Знакомы они не были, и это воспоминание всплыло в памяти Короленко уже после встречи в 1880 г. в Высшем Волочке, когда оба оказались в общей камере пересыльной тюрьмы. Их отношения очень скоро стали дружескими, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте.

Тогда же Владимир Галактионович познакомился и с женой Анненского Александрой Никитичной (1840–1915), переводчицей и известной в свое время детской писательницей. Она была из семьи Ткачевых. Брат ее – Петр Никитич Ткачев – публицист, литературный критик, революционер, оставил заметный след в истории русского революционого движения 70-х годов.

В Высшем Волочке семьи Короленко и Анненского сблизило посещение тюрьмы. Как вспоминает В.Г. Короленко, его мать или какая-либо из сестер часто приходила вместе с А.Н. Анненской, которую сопровождала маленькая племянница. Семилетняя Таня Криль рано потеряла мать (сестру Александры Никитичны) и воспитывалась в семье бездетных Анненских с полутора лет.

Режим Вышневолоцкой пересыльной тюрмы был суровым, но положение заключенных несколько облегчалось благодаря смотрителю И.П. Лаптеву, которого Короленко в «Истории моего современника» назвал «хорошим человеком на плохом месте».

При свиданиях посетителей отдалял от заключенных особый барьер, чтобы они не общались, но девочка нарушала этот запрет и служила связной между обеими сторонами, перенося заключенным то

карандаш, то записочку, то газету или другую «контрабанду». В семье Короленко сохранился рассказ о том, что именно Таня Криль в кармане своего передничка перенесла на «волю» рукопись рассказа Короленко «Чудная», написаного в камере. В такие посещения и запомнилась Владимиру Галактионовичу, который любил детей, «эта светловолосая и светлоглазая девочка», а Татьяна Александровна позже написала: «Мне кажется, что я ясно помню Владимира Галактионовича, каким он был тогда, – его густые, мягкие волнистые волосы, темно-русую курчавую бороду и мягкий взгляд карих глаз» [3].

Следующая недолгая встреча с семьей Анненских была в Казани в 1884 году, на пути Короленко из сибирской ссылки, а затем Анненские переехали в Нижний Новгород, где с 1885 года уже жила семья Короленко.

На нижегородском горизонте почти одновременно появились две такие яркие индивидуальности, как Н.Ф. Анненский и В.Г. Короленко. Вскоре они оказались в самом центре местной общественной жизни. Единство мыслей и взаимное расположение привело к совместной работе. С 1892 г. они стали писать статьи сначала для журнала «Русская мысль» за подписью «Провинциальный наблюдатель», а потом для журнала «Русское богатство» в отделе «Случайные заметки» под псевдонимом «О.Б.А» т.е. «оба».

Память Татьяны Александровны сохранила для нас живые черты нижегородского быта и отношений в семье Короленко, ей тогда было 15 лет.

Мы узнаем о том, какую атмосферу уюта и тепла создавала Эвелина Осиповна, мать писателя, как добр был Владимир Галактионович к детям, о том, чем и как он увлекался в ту пору, как помогал разным людям.

В 1891 году Татьяна Александровна уехала в Петербург учиться на Высших женских курсах. Поначалу она так тяжело переживала разлуку с родными, что собиралась вернуться в Нижний. К этому времени относится первое письмо Владимира Галактионовича к ней. На правах старшего доброго друга, который «называл Вас еще Таней», – как пишет он, Владимир Галактионович деликатно, но твердо убеждает молодую девушку не поддаваться слабости, а наоборот, проявить волю и выдержку в этом испытании на пути к достижению поставленной цели. Короленко считал такую твердость необходимой для выработки характера человека, начинавшего самостоятельную жизнь. Совет возымел действие, и Татьяна Александровна преодолела себя, – к родным не вернулась, удержалась в Петербурге и на курсах, а потом, как и ожидал Короленко, втянулась в столичную и студенческую жизнь.

Татьяна Александровна позже вспоминала, что и в своей литературной (журналистской) работе она получила первый толчок именно от

Владимира Галактионовича, когда он помог ей оформить в виде корреспондентской заметки впечатления от взволновавшего ее судебного разбирательства.

В.Г. Короленко оказал большое влияние и на такого близкого Татьяне Александровне человека, как ее будущий муж А.И. Богданович. Студент Богданович был выслан под надзор полиции в Нижний Новгород, тосковал, бедствовал, находил утешение только за чтением в библиотеке, где Короленко с ним и познакомился. Владимир Галактионович душевно обогрел и подбодрил молодого человека в тяжелый, можно сказать, кризисный период его жизни, сумел внушить ему веру в свои силы. Он не только разглядел своеобразный склад ума и литературную одаренность Богдановича, но и указал на корреспондентскую работу как на подходящую область применения его литературных способностей. Не исключено, что именно эта поддержка Короленко в нужное время и нужном направлении повлияла на то, что из Богдановича выработался впоследствии своеобразный и талантливый журналист, яркий литературный сотрудник столичного журнала «Мир Божий».

Весной 1895 года Анненские уехали в Петербург. В дневнике Короленко под датой 31 марта 1895 года имеется запись «Вчера проводили из Нижнего [Новгорода] А. Н. Анненскую и Т. А. Криль. Наш кружок в Нижнем [Новгороде] уменьшился и потерял очень много с отъездом семьи Анненских» [4].

Но разлука была недолгой, – в следующем году семья Короленко переехала туда же. Там работа обоих литераторов в журнале «Русское богатство» стала не только авторской, но и редакторской, а общение семей еще ближе.

Семью Анненских отличала культура, передовые убеждения, причастность всех ее членов к литературе. Здесь не признавали сословных предрассудков, критически относились к существующему строю, сочувствовали революционерам. Все это благоприятствовало воспитанию Татьяны Александровны, развивало в определенном направлении ее ум, интересы и вкус.

После окончания исторического факультета Бестужевских курсов Татьяна Александровна некоторое время преподавала историю в одной из петербургских гимназий, где начинала учиться старшая дочь Короленко – Соня. Именно она принесла из гимназии известие, что «Таня женится», то есть выходит замуж за Ангела Ивановича Богдановича.

Будучи курсисткой, Татьяна Александровна пережила сильное увлечение одним студентом-медиком и собиралась за него замуж, но молодые люди поссорились перед самой свадьбой, и брак не состоялся.

Вскоре сделал предложение А.И. Богданович, и оно было принято. Знали они друг друга по Нижнему Новгороду. Трудно сказать, что лежало в основе их отношений, но Татьяна Александровна не раз говорила, что хочет иметь семью и много детей. В союзе с А.И. Богдановичем она достигла этого, хотя ее семейная жизнь не была вполне счастливой, так как муж часто болел, а в 1907 году умер, оставив жену с четырьмя детьми. Было три дочери – Шура, Таня и Соня и один сын – Володя, крестник В.Г. Короленко.

Татьяна Александровна оказалась перед необходимостью стать главой большой семьи и добытчиком средств к ее существованию. Пришлось взяться за постоянную работу в качестве редактора газеты «Неделя», литературного приложения журнала «Современное слово».

Дочерям их мама казалась красавицей: чудные длинные волосы, изящная фигура с тонкой талией. Особенно хороша она бывала в белом. По воспоминаниям людей из ее близкого окружения, ее нельзя было назвать красавицей, но было в ней что-то неуловимо обаятельное, «прелесть интеллигентности». Ощутить это удавалось не всякому. В молодые годы деятельная энергия сочеталась в ней с женственностью и элегантностью.

По словам К.И. Чуковского, друга Татьяны Александровны, она была одной из образованнейших женщин своего времени: превосходно знала языки, русскую литературу и историю, владела пером и была интересной собеседницей. Т.А. Богданович переводила Мопассана, Синклера Льюиса, Карин Михаэли и многих других, писала исторические очерки, статьи, книги. Среди наиболее известных книг Татьяны Александровны Богданович «Любовь людей 60-х годов», исторические романы для юношества. Наиболее продуктивными в ее литературной работе были 30-е годы, но и до того литературная одаренность давала себя знать во всем, что писала Татьяна Александровна. Природный ум, образованность, тонкая наблюдательность, такт, свой стиль ощущаются и в работах Татьяны Александровны Богданович, посвященных В.Г. Короленко. В петербургских (а потом и ленинградских) литературных кругах она была заметной личностью. Ее увлеченность и энергия проявились в общественной работе, чем бы она ни занималась, будь то политический «Красный крест» до революции или председательство в детской секции ленинградского отделения Союза советских писателей до Отечественной войны.

В Петербурге В.Г. Короленко не прижился, но отъезд в Полтаву в 1900 году не прервал петербургских литературных и дружеских связей. Короленко остался членом редакции журнала «Русское богатство», взяв на себя чтение определенной части рукописей для беллетристиче-

ского отдела журнала и переписку с авторами. Он много и часто писал Н.Ф. Анненскому, иногда, приезжая в Петербург, останавливался в его квартире, где была небольшая кушетка, которую остроумный Николай Федорович назвал кушеткой для «коротких приятелей» (Владимир Галактионович был тем и другим, то есть близким другом и человеком невысокого роста). Семьи Анненских и Богдановичей по-прежнему оставались для Владимира Галактионовича самыми близкими. Переписка была постоянной.

В письмах Владимира Галактионовича к Татьяне Александровне начала 90-х годов содержатся разные сообщения: о здоровье и результатах лечения, о литературной работе и семейных новостях. Он сообщал Татьяне Александровне о своем горе после смерти матери в 1903 году в свою очередь беспокоился о здоровье Ангела Ивановича и позже написал отклик на его кончину (опубликован в 1908 году), писал о работе над «Историей моего современника», посылал газетные вырезки.

В 1909 г. Анненские приезжали в Полтаву в гости к Короленко и оба здесь тяжело заболели. На протяжении марта-апреля из Полтавы к Татьяне Александровне летели частые открытки о состоянии здоровья больных. Краткие, но регулярные и правдивые, они снимали с души тревогу и были добрыми вниманием со стороны Владимира Галактионовича.

Первая половина 1910 года была у Короленко заполнена напряженной параллельной работой над автобиографической «Историей моего современника» и циклом статей о смертных казнях в России «Бытовое явление». Затем натупил отдых. С середины июня по 2 августа он жил в Куоккале (под Петербургом) на даче у Татьяны Александровны Богданович.

Судьбе было угодно, чтобы эта пора жизни В.Г. Короленко озарилась «светом зари вечерней».

Тем летом жизнь на даче Коуку сложилась как-то особенно счастливо: Татьяна Александровна могла позволить себе отдых от работы, четверка милых детей была здорова и весела, погода ясна, постоянно навещали близкие друзья. У Владимира Галактионовича было чувство удовлетворенности от сделаной работы.

Об этой поре, как радостной и солнечной, писал в своих воспоминаниях и Корней Иванович Чуковский, и подруга Татьяны Александровны Маргарита Федоровна Николаева, и дочь Татьяны Александровны – Софья Ангеловна. В письмах Владимира Галактионовича следующих лет еще долго были слышны отзвуки «милых куоккальских дней». В воспоминаниях Софии Ангеловны Богданович они «светят из далекого прошлого, как одно из лучших воспоминаний жизни», а перед глазами встают дорогие образы – матери и «дяди Володи».

«Вот они идут по плотному сырому песку, возле самой воды. Их фигуры четко рисуются на прозрачном голубом фоне. Мама в белом платье, стройная, молодая, пышноволосая. Дядя Володя чуть выше ее, широкоплечий, прямой, подтянутый. Его седеющая кудрявая голова слегка откинута назад. Они так ладно шагают в ногу. Оба оживленные, веселые, красивые» [5].

Вспоминается, что когда я спросила как-то у дочери Владимира Галактионовича, Софии Владимировны, какие годы жизни Владимира Галактионовича можно было бы назвать годами подъема, зрелости и полного расцвета, она назвала именно 1910 год. Мне тогда, по молодости, это показалось странным, так как человек в 57 лет представлялся стариком. Но Короленко таким не был. Вот и Софье Ангеловне Богданович он запомнился ощущением молодости, подъема жизненных сил, бодрой энергии.

Мы не знаем, что именно произошло летом 1910 года на даче Коуку, но это была яркая, незабываемая пора. Она разбудила у Владимира Галактионовича «новую душевную ноту», которая сделала его «сильнее и лучше», по его собственным словам.

2 августа он уехал, а 6 августа начал писать Татьяне Александровне большое письмо о впечатлениях от посещения Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Письмо выливалось на бумагу в несколько приемов, по ходу событий. Это была непосредственная реакция на волнующие впечатления и потребность немедленно поделиться чем-то очень важным с близким, все понимающим человеком, как бывало у Короленко и раньше, и позже, когда он писал жене.

Вообще, в жизни и творчестве В.Г. Короленко письма играли особенную роль. За свою жизнь он написал тысячи писем самым разным людям и по самым разным поводам. Его эпистолярное наследие толком еще не изучено, а может быть, и не учтено полностью.

Большое место в этой массе занимают письма близким людям. Ряд из них писался с конкретным литературным прицелом для задуманных работ, и поэтому он просил письма сохранять. Это обычно было с письмами, волновавшими его. Важно было побеседовать в письме с человеком «созвучным». Мысль тогда ложилась на бумагу быстро, непринужденно, подогреваемая внутренним контактом с адресатом. Такими были письма к матери из ссылки, к жене из Америки и Уральска, последние с набросками целых глав из романа о Пугачеве.

Иногда Короленко придавал форму письма статье на общественно-политическую тему, обращаясь к оппоненту в лице конкретного человека или отвлеченного читателя. Такие письма-статьи с лич-

ностной окраской приобретали эмоциональность, иллюзию непосредственного общения и воздействия. Такими были: коллективное письмо студентов Петровской академии, письмо Пермскому губернатору с отказом от присяги, «Открытое письмо статскому советнику Филонову», «Письма к жителю городской окраины», письма к Луначарскому.

Встреча с Толстым потребовала немедленной внутренней реакции, и написать захотелось именно Татьяне Александровне. Письмо от 6–7 августа 1910 года было первым, написанным ей, после отъезда из Куоккалы, хотя оно в основном заполнено впечатлениями от встречи с Толстым, в нем, однако, присутствует и связь с пережитым в доме Богданович. Это придает всему письму особенно теплое звучание. Ожидая ответа от Татьяны Александровны, он пишет: «Мне будет приятно увидеть Ваших несколько строчек, узнать, как Вы все живете и что делаете на даче Коуку и на «Морском» берегу, где еще бродит моя тоскующая тень...». За иронией последних слов, за пушкинской реминисценцией стоит желание хоть через письма соприкоснуться с дорогим человеком. «... Не поленитесь прислать несколько строчек, милая Татьяна Александровна, не очень откладывая. Меня это обрадует» [6].

Короленко называет свое письмо бессвязным и поверхностным, но дорожит им, боится, чтобы не потерялось (посылает заказным), потому что оно вобрало в себя «столько непосредственных ощущений и живых воспоминаний и чувств, к ним примешавшихся». Не случайно поэтому в постскриптуме он пишет: «Мне хочется прибавить, что и за впечатлениями Ясной Поляны, этого пути, близкого приезда – на меня так живо смотрит Куоккала, финляндские поезда, улицы, переулочки, берег, сестрорецкие огни и моя маленькая картонная комнатка. ...Спасибо Вам, милая хозяюшка этой дачки», – и дальше: «Вспоминайте иногда вашего недавнего жильца. Расцелуйте детишек» [6].

В полном объеме текст этого письма был опубликован только в десятитомном юбилейном собрании сочинений В.Г. Короленко.

В предшествующих публикациях опускался личный момент, а с этим исчезла эмоционально-личная окраска только что полученных впечатлений от Ясной поляны. Факты излагались без чувств, не имеющих к ним прямого отношения.

Мотив «незабываемости куоккальских дней» звучит в письме от 6 сентября 1910 года из Хаток (там, на даче, семья Короленко обычно проводила летние месяцы). Он пишет о своей работе, беспокоится о здоровье своих куоккальских друзей, просит писем, неустанно повторяет, как радуется каждому полученному письму.

В письмах Владимира Галактионовича этого года прочно держатся обращения «дорогая моя», а ряд писем заканчивается не совсем обычной подписью «Ваш Владимир Кор.» – полным именем и сокращенной фамилией.

В письме от 24 октября 1910 года он кается, что забыл «Татьянин день» (не поздравил Татьяну Александровну с именинами) и обещает впредь не забывать. Полон нетерпения в ожидании намеченной в ноябре поездки в Петербург. «Жду этой поездки, как, кажется, никогда еще не ждал» [7]. Срок поездки, однако, отодвинулся из-за смерти Л.Н. Толстого. В письме от 8 ноября он писал Татьяне Александровне: «Толстой заполнил все мысли и чувства». В тот же день он выехал в Ясную Поляну на похороны, а в Петербург лишь 16 ноября. С 4 по 24 декабря находился на отдыхе в Сестрорецке. Можно предположить, что в это время была возможность для встреч и общения с Татьяной Александровной.

24 декабря Владимир Галактионович уехал из Петербурга не сразу домой, а в Дубровку, имение Малышевых (родственников жены) в Саратовской губернии, и был там до 1 февраля 1911 года. Предыдущий отдых надо было возместить напряженной работой. Из Дубровки он писал Татьяне Александровне о работе над рассказом «Обычай умер», статьей «В успокоенной деревне» (на местном материале), об окончании статьи «Черты военного правосудья» (24.02.1911). Работа перемежалась с нездоровьем, но все-таки продвигалась, а настроение было грустное. Он постоянно думает о Татьяне Александровне и видит ее лицо печальным, усталым и безучастным. Эти эпитеты не один раз встречаются в его письмах и звучат в описании дней, которые для него были радостью и счастьем. Отчего грустила Татьяна Александровна? Что занимало ее невеселые мысли? Кроме неизбежных в этой ситуации мыслей о третьем лице «треугольника» – Евдокии Семеновны, было еще одно обстоятельство, которое открыла мне дочь Татьяны Александровны и которое, думаю, не было известно Владимиру Галактионовичу.

В 1911 году произошла неожиданость, как будто взятая из романа, но случившаяся в реальной жизни. В Петербург по каким-то делам приехал доктор, бывший студент, тот самый, которого Татьяна Александровна любила до замужества, в студенческие годы. Теперь он был женат, имел четырех детей, работал и жил где-то очень далеко, чуть ли не во Владивостоке. Встретившись через столько лет и в совсем других обстоятельствах, они пережили возрождение давнего чувства. Договорились, что он поедет домой, урегулирует свои семейные отношения и вернется к Татьяне Александровне в Петербург. Он уехал, а Татьяна Александровна стала ждать. Время шло, никакого объяснения не последовало никогда, и он никогда не вернулся.

В письме к Владимиру Галактионовичу от 22 сентября 1911 года есть такие строки: «За последнее время я пережила очень многое и очень для меня важное, такое, что я никак не могла ожидать». Писать об этом не хочет, но обещает рассказать при встрече. Состоялся ли разговор, неизвестно.

В письмах Владимира Галактионовича 1911 года появился новый мотив – желание заняться вместе с Татьяной Александровной какой-нибудь общей литературной работой. «Давайте вместе, дорогая моя, милая. Как бы я был рад» (письмо от 30 января 1911 года). Ему кажется, что общая работа отвлечет Татьяну Александровну от печальных мыслей и безучастия к окружающему. Он считает, что такое настроение у нее сосуществует с другими душевными качествами, потому что каждый человек не является чем-то однородным, а представляет собой как бы «клубок», сплетение разноцветных нитей. Нити, светлые и темные, яркие и тусклые, как и разнообразные свойства характера каждого человека, то скрываются в клубке, то появляются на его поверхности. Так и человеческий характер поворачивается то светлой, то теневой своей стороной. Эта мысль в письме перекликается с давней записью Короленко в дневнике 1888 года: «Представьте себе статую человека, но не мрамора, а сплетенную из разнообразнейших и разного цвета нитей..., количество нитей громадно, их изгибы бесчисленны... Наши чувства, наши страсти, инстинкты, взгляды, побуждения – такие бесчисленные разноцветные нити. Человек весь соткан из них в более или менее сходных, более или менее различных сочетаниях» [8].

Сходство и различие в характерах представляются ему полезными для общей работы над темой. Деловая сторона писем неизменно согрета нежностью. В следующем письме от 13 февраля 1911 года, подписанного также «Ваш Владимир Кор.», есть такие слова: «Дорогая моя. Каждый раз мне хочется закончить одним и тем же, как Вы мне дороги и как я Вас чувствую и не забываю. Ну, да Вы это знаете». Нужно знать, что в семье Короленко не любили громких слов. В отношениях там ценились благородная сдержанность чувств и в проявлениях радости, и в проявлениях горя.

В письме от 3 марта он просил сохранить до его приезда тот номер «Современного слова», где у Татьяны Александровны есть выдержка из его статьи. «Хочу посмотреть, как Вы обработали меня своей милой рукой: все-таки будет хоть немножко наша общая работа. Ваш Владимир Кор.»

26 апреля 1911 года он посылает Татьяне Александровне газетные вырезки о ритуальных убийствах в надежде, что эта тема все же заинтересует ее для общей работы, а в заключение пишет: «Итак, еще раз до свидания, дорогой мой друг, мой милый редактор, моя хорошая... Говорю себе, что Вы иной раз думаете о страннике. А странник о Вас думает часто». (Коро-

ленко называл себя «Странником», потому что в это время отправлялся в Румынию к больному Василию Семеновичу Ивановскому).

В письме к «милому редактору» от 6 мая 1911 года снова стоит: «...поработать с Вами вместе – доставило бы искреннюю радость». Он мечтает, чтобы вместе написать «Книжечку» о ритуальных убийствах. Татьяна Александровна, с его точки зрения, могла бы заняться исторической частью проблемы ритуальных убийств, но тема ей не интересна, и она считает, что Короленко должен заниматься ею сам. Так и не состоялось их соавторство. Думая о своей исторической теме, она пишет, что собирается вернуться «к царям» и «взяться за Николая I». Вообще она очень скромно оценивала свои литературные способности сравнительно с Короленко. В том же письме сообщала, что не подписала его на «Современное слово» в 1911 году, так как не хотела, чтобы он читал там ее очерки, которые ей не нравятся (письмо от 20 февраля 1911 года). Слова об очерках Короленко подчеркнул.

Весь 1911 год проникнут нетерпеливым ожиданием писем в сиреневых конвертах от «нее».

Примерно в годовщину «куоккальских дней», в письме от 21 июня 1911 года. снова звучат воспоминания и мечты «о милой прохладной Куоккале, о комнате на Вашей дачке, о скамеечке над морем в белые ночи с сестрорецкими огнями». А желанная поездка в Петербург откладывается опять до осени. «А как мне хотелось повидаться! Напишите. Я с таким нетерпением и с таким вниманием примусь их (письма – *Л. Г.*) читать» (там же).

Выезд состоялся 22 октября. Но до этого было еще одно письмо, кульминационное в переписке 1911 года, а может быть и вообще самое полное и определенное выражение того взрыва чувств, которое подарила ему Татьяна Александровна.

В начале июля 1911 года, будучи в Москве (он навещал в подмосковном санатории в Крюкове больного брата Иллариона), Владимир Галактионович получил от Татьяны Александровны письмо, адресованное «до востребования». Содержание письма неизвестно. Короленко ответил на него тотчас же, но не послал. Однако письмо оказалось у адресата, и было сохранено им вместе с остальными.

Ответ на письмо «до востребования» писался в три приема. Начат он был сразу же после прочтения, 6 июля, в ресторанном шуме (видимо, Короленко зашел в ресторан пообедать после возращения от брата). Первая непосредственная реакция была радость, «яркая и свежая», при виде знакомых строчек. Но сознание сразу напомнило, что строки «безразличные». Видимо, тон и этого письма не удовлетворил Владимира

Галактионовича, тем не менее, строки радовали, потому что «все-таки, от Вас и о Вас. И я представляю себе Вашу руку, которая их выводила, и глаза, которые на них смотрели, и мысли, которые на бумагу не попали и оставались в голове, пока другие чинно занимали свои места».

Он чувствует мысли Татьяны Александровны, но хотел бы знать их. «Они Ваши и для меня не безразличны».

Первая часть письма – это чисто эмоциональная реакция, а продолжение его (7 июля) – уже более спокойный анализ не частностей, а целой «полоски жизни», обдуманная и честная оценка того, что произошло летом прошлого года между ним и Татьяной Александровной. Это не эпизод в жизни и не легкое увлечение. Это некое благотворное качественное изменение душевного состояния, которое отныне вошло в самое существо человека и останется там навсегда.

«В Вашем письме одно место: «чтобы Вы вспоминали немного Куоккалу» и т. д. Дорогая моя. Я не вспоминаю Куоккалу, я ее чувствую. Эта полоска жизни вошла и останется, как новая краска или новая нота. И никогда «это» мне не мешало работать и не мешает. Может быть, сначала... было както необычно и неспокойно. Казалось даже, что это нужно забывать. Теперь не кажется. Не потому, что стало спокойнее, а потому, что, во-первых, и невозможно (причина достаточна), и, во-вторых, что ничему не мешает. Я думаю, что я уже овладел этим. Но душевная нота останется и не только не будет мешать и обессиливать, а – я вижу это – делает меня сильнее и лучше. Дорогая моя. Никогда больше не думайте, что я стал слабее после этого лета. Человек, – мы уже не раз говорили об этом, – калейдоскоп вечно меняющихся физиономий. Из Ваших взял для себя один образ, который видел часто и с такой радостью (Вы его, может быть, знаете). Теперь ношу его с собой, и для меня он – один из источников силы, а не слабости. И так уж будет навсегда. Хотел он, чтобы и Вы взяли меня не в худших снимках… и главное – не бойтесь за меня и никогда не упрекайте Куоккалу за то, что в ней так вспыхнула вдруг наша старая сложная «дружба» [7].

Не совсем понятно, почему письмо Татьяны Александровны оставило ощущение боли, и ощущение настолько определенное, что он колебался в своем праве посылать только что написанный ответ, и не посылал, о чем писал в следующем письме (от 8 июля). Здесь он ограничился просто благодарностью за письмо «до востребования». Ответ же на свое не отосланное письмо намеревался прочесть в ноябре.

Тот факт, что не отосланное письмо все-таки оказалось у Татьяны Александровны, позволяет думать, что желаемый ответ Владимир Галактионович получил при встрече. Все это время, от июля до ноября, он хранил свое письмо.

Встреча пришла в свое время, но до этого было еще письмо, полное нежности, от 4 августа 1911 г. Письмо это было поздравительным – в день рождения Татьяны Александровны, и сам характер его позволял выразить чувства определенные: «Дорогая моя. Вы знаете, должны знать, как я Вас люблю и как горячо желаю для Вас всего, что мог бы придумать наилучшего».

Это письмо было первым после 8 июля – промежуток между письмами почти месяц. Примерно такой же разрыв и почти в то же время был в прошлом году, что ясно из продолжения письма от 4 августа. Вот его конец: «Жду писем от Вас. Вы меня не станете наказывать за некоторый промежуток, рецидив прошлогоднего молчания? Не наказывайте, это не будет справедливо. Владимир Кор.» [7].

Наверное, эти «паузы» в переписке были заполнены большой и нелегкой работой чувства и мысли.

Куоккальская «вспышка» старой сложной дружбы с Татьяной Александровной не могла не затронуть третьего лица. Речь идет о Евдокии Семеновне Короленко. Любовь к ней Владимира Галактионовича, начавшаяся в молодые годы, пронесенная через ссылку и реализованная в счастливом браке, была для него крепким, проверенным и, можно сказать, жизненно необходимым чувством. Об этом знали все, и близкие, и друзья тем более. В семье Анненских и Богдановичей все очень любили Евдокию Семеновну, в том числе и Татьяна Александровна. Татьяна Александровна оказалась в очень трудной нравственной ситуации. Известно, что сердце живет своими законами, не всегда подвластными человеку, но сердечное влечение таких людей, как Владимир Галактионович и Татьяна Александровна, не могло быть в противоречии с самоуважением и простой порядочностью. Ведь тень Евдокии Семеновны должна была незримо, но естественно ощущаться обоими. Она отсутствует в письмах, но не могла не присутствовать в мыслях, может быть то, что казалось Владимиру Галактионовичу печальным, равнодушным и безучастным в Татьяне Александровне и было следствием усилий подчинить свое чувство разуму и долгу? С одной стороны, она боялась, чтобы сильное увлечение не повлияло отрицательно на литературную работу Короленко, важность которой она, быть может, понимала более других. С другой стороны, она опасалась возможных перемен во всей жизни ее друзей – Владимира Галактионовича и Евдокии Семеновны Короленко. Если чувство и давало ей счастье, то это было трудное счастье, в постоянной борьбе с собой.

Такую же борьбу, видимо, переживал и Владимир Галактионович, и перерывы в письмах не были случайностью.

Софья Владимировна говорила мне однажды, что как-то отец рассказал ей о таком моменте в его жизни, когда перед ним встал выбор: гора или холм, усыпанный цветами, «и предпочел гору», – закончил он. Ни отец, ни дочь не раскрыли эту аллегорию, но, видимо, оба ее поняли. Когда перед Владимиром Галактионович встал выбор?

Знала ли Евдокия Семеновна о том, что давние дружеские отношения ее мужа с Татьяной Александровной стали иными после лета 1910 года? Когда я задала этот вопрос Татьяне Ангеловне (дочери Татьяны Александровны), она ответила утвердительно без тени сомнения, с уверенностью, что он сам рассказал ей. Никаких доказательств у нее не было, но просто нечто подобное было в их семье. Правдивость и честность были не только в традициях семей, но и вообще интеллигенции того времени. Ложь и пошлость просто исключались. Взаимное доверие и уверенность в понимании были естественными. Семейная ситуация героев романа «Что делать?» Чернышевского и поведение героев были не выдумкой писателя, а отражением нравственных норм лучших людей 60-х годов, и эти традиции сохранялись.

Надо полагать, Евдокия Семеновна оказалась на должной нравственной высоте, как ни тяжело ей было, и предоставила мужу свободу в решении возникшей проблемы.

В первые годы их брака был момент, когда в ней заговорила ревность, и в письмах были упреки, что мы узнаем из ответных писем В.Г. Короленко из Крыма, где он был на лечении. Жене показалось легкомысленным его описание прогулок в дамском обществе. Владимир Галактионович в письмах горячо и искренне убеждал жену, что для ее тревог нет никаких оснований и что при встрече они просто посмеются над этим. Так оно, вероятно, и было, и больше никогда не повторялось.

Короленко обычно тяготился разлукой с женой. Она почти всегда сопровождала его в деловых поездках, а если не могла по каким-то домашним обстоятельствам, и он уезжал один, то очень скоро вызывал ее телеграммой, так как тосковал и работа у него не ладились. Тогда Евдокия Семеновна бросала все и ехала к нему. Ему просто необходимо было ее присутствие рядом, чтобы шла литературная работа. Если возникали какие-то сомнения, неизменно обращался к ней, и очень ценил то, что называл у нее «верхним чутьем», каким-то очень тонким пониманием сути. Она не всегда могла объяснить это, а просто говорила: «Тут у тебя, Володюшка, что-то не так». Он сразу улавливал, так как замечание совпадало с собственной смутной неудовлетворенностью чем-то, менял до тех пор, пока не получал одобрения.

При решении деловых вопросов, которые могли коснуться материального положения семьи, Евдокия Семеновна давала ему полную

свободу: «Делай, как знаешь. О нас не думай», – говорила она. Так оно и было, например, когда журналу «Русское богатство» грозило закрытие под давлением цензуры за публикацию материалов о Финляндии.

Евдокия Семеновна никогда не вмешивалась в его творческие планы, не препятствовала поездкам. Оберегала от семейных неприятностей, материальных хлопот. Понимала, что смысл его жизни и труда в чем-то был более высоким, чем повседневное бытие, и сохраняла для него эту дистанцию. В этом проявлялась ее человеческая и женская мудрость, которая ставила ее на порядок выше других жен.

Это Короленко понимал и высоко ценил. Это понимали и дочери, признавая, что для матери отец был на первом месте, а они – потом. Понял и оценил проницательный Горький, отметив ее редкое достоинство «жены-друга», в письме при посылке в подарок своей книги уже после того, когда Владимира Галактионовича не было на свете.

Любовь к Дуне Ивановской (так ее звали в дружеском кругу) была почти с первого взгляда, когда молодой Короленко-студент вдруг ощутил какую-то внутреннюю близость с этой высокой девушкой со светлыми глазами, длинной пепельной косой, спокойными движениями и вдумчивым взглядом. Некоторое время она жила вместе с сестрой в семье Короленко в Петербурге, затем был арест за причастность к студенческим волнениям, тюрьма, ссылка. Ссыльные скитания самого Короленко надолго разлучили их, но Евдокия Семеновна не теряла связи с его матерью и сестрами, полюбившими ее.

Когда Владимир Галактионович вернулся из якутской ссылки, оказалось, что прежнее чувство не забылось, и молодые люди поженились в январе 1886 года.

В.Г. Короленко писал старшему брату 1 февраля 1886 года: «Признаюсь, когда я ехал в Россию, то я не подозревал, что через год я буду женат. Мое чувство к Дуне – давнее, застарелое чувство, но еще до высылки из Петербурга я убедился было, что из этого ничего не выйдет, затем я с ним сладил и, вернувшись, думал встретить в ней друга, сестру. Было иначе, и тогда и во мне старое воскресло с прежней силой. Вот тебе, брат, моя история, то есть, собственно, история моей женитьбы. Я, конечно, рад, счастлив и т. д. и, главное, надеюсь на мирное, спокойное счастье с ней, конечно, я это говорю только о мире и спокойствии наших взаимных отношений. Остальное в руке Божией» [9].

Надежды Владимира Галактионовича оправдались. Шутя, он говорил, что и ссор-то у них не было: «Какие у нас ссоры? Так, мушиные (маленькие, как мухи)».

У них родилось четыре дочери, из которых две младших умерли в младенчестве. Родители тяжело пережили это горе.

В 1902 году Евдокия Семеновна надолго уезжала к своей старшей сестре в Сибирь (отсутствовала полтора месяца), чтобы поддержать Прасковью Семеновну, которая была на грани самоубийства после трагической гибели единственной маленькой дочери.

Владимир Галактионович тосковал в разлуке и испытал прилив нового горячего молодого чувства к жене. Сохранилось даже литературное свидетельство этого в виде страстного объяснения в любви в стихах, написанных в бессонную ночь. На письме была надпись «Читай одна». Пережитая «вспышка» была неожиданностью для самого Владимира Галактионовича, он подшучивал над столь молодым чувством в своем уже весьма немолодом возрасте (49 лет), но из песни слова не выкинешь – так и сохранилось это письмо и стихи в красном сафьяновом портфельчике Евдокии Семеновны, где она держала некоторые свои бумаги.

Евдокия Семеновна была сдержанна в проявлении чувств, но ее дружба и доброжелательность были надежными. Сохранилось очень мало ее писем, она их не берегла, но и то, что сохранилось, немногое и разоренное, позволяет ощутить ее нежную заботливость о дочерях и маленькой внучке, неизменно теплое чувство к матери Владимира Галактионовича, его братьям и их семьям. Ответом на это была и их родственная привязанность.

По отноношению к мужу она всегда старалась держаться на втором плане. Когда Софья Владимировна думала поставить памятник на могиле своих родителей, она обратилась к скульптору Вере Игнатьевне Мухиной, и та в эскизном наброске надгробья подчеркнула это, представив Евдокию Семеновну легким силуэтом за плечами Владимира Галактионовича.

Евдокия Семеновна не могла сравниться с Татьяной Александровной по уровню образования, широте интересов, блеску красноречия, но было в ней нечто добротное, основательное, надежное. Короленко нашел верное образное определение для двух этих женщин, оказавшихся рядом в один из периодов его жизни. («Гора» – Евдокия Семеновна, и «холм, усыпанный цветами»– Татьяна Александровна).

В сентябре 1910 года он подарил Евдокии Семеновне свою только что вышедшую книжку «Бытовое явление» с дарственной надписью: «Моему милому другу, дорогой моей Дунюшке от ее Владимира. 3 сентября 1910 г. Хатки». При свойственной Короленко сдержанности в проявлениях чувства в этих немногих словах выражено много нежности и теплоты. А при этом 5 сентября он пишет Татьяне Александровне о незабываемости куоккальских дней». Значит пока еще «гора» и «холм, усыпанный цветами», совмещались?

Хотя Владимир Галактионович всегда нетерпеливо ждал писем от Татьяны Александровны и упрекал ее в том, что она пишет редко, бывали времена, когда письма следовали одно за другим, например, 1 ноября, 2 ноября, 3 ноября, 5 ноября 1910 года, или 4, 7, 9, 16, 22, 29 января 1911 года.

В письмах после отъезда Владимира Галактионовича из Куоккалы летом 1910 года постоянно звучит мотив грусти и «неприютности», хотя семья еще оставалась на даче ради детей. О детях она пишет во многих письмах. О том, как они привязаны к «дяде Володе», как вспоминают и любят его. Посылали ему подарок – камешки с берега моря, где они вместе играли в «рикошет». «Дядя Володя» был чемпионом в запускании таких камешков, которые рикошетом многократно касались поверхности воды при полете. В ящике письменного стола В. Г. Короленко в Полтаве спустя многие годы хранились эти детские подарки: один серый камешек в форме восьмерки, а другой плоский круглый с цветным рисунком домика (дачи), моря вдали и сосен на берегу. Я видела их там уже после войны, когда Софья Владимировна вернула на прежние места все, что было в столе. Содержимое ящиков вывозили в эвакуацию. Разрушенный оккупантами дом был восстановлен в прежнем виде, а кабинет писателя обставлен сохранившимися подлинными вещами. Тогда мне были непонятны эти камешки.

В письме от 10 апреля 1911 года после визита Владимира Галактионовича в Петербург, Татьяна Александровна писала: «Грустно мне было эти дни, пусто как-то стало, и ребятишки все вспоминают дядю Володю. Очень мне приятно, что они так Вас любят, и приятно также, что и Вы их немножко любите, так как-то теплее становится, когда я об этом подумаю».

На довоенной фотографии кабинета В.Г. Короленко в Полтаве видно, что над его письменным столом висит снимок четверки его маленьких друзей – Шуры, Володи, Сони и Тани Богдановичей – «мелкобесия», как шутливо называл их Владимир Галактионович.

Татьяна Александровна часто пишет о своем настроении, плохом или хорошем, о том, чтобы хорошо работалось Владимиру Галактионовичу, чтобы получались его работы. Есть и отзывы о некоторых его произведениях, которые, видимо, были приятны Владимиру Галактионовичу, так как были из уст не только доброжелательного человека, но редактора и критика-профессионала. Вот что она пишет о статье «Черты военного правосудия» 25 октября 1910 года: «Вы знаете, я не люблю писать о своих впечатлениях. Но на этот раз, право, не могу. Это, правда, замечательная статья, по-моему, даже выше «Бытового явления». Мне никогда не кажется, чтобы у нас чего-нибудь можно было добиться словом, но если она не окажет никакого действия, значит, это уж дей-

ствительно невозможно. Может ли быть человек, которого бы она не ошеломила, не потрясла с головы до ног. Мне страшно делается, когда я подумаю, что Вы должны были переживать, когда писали это. Слава Богу, что Вы закончили, и что Вам не предстоит сейчас таких тем. Это слишком для одного человека. Но, по крайней мере, Вы не напрасно переболели этой статьей. Она прекрасна».

В письме от 5 ноября 1910 года она опять возвращается к той же статье после того, как с журнала «Русское богатство» был снят цензурный запрет. «Как я рада, что Ваша статья теперь дойдет до читателей. Ее надо бы непременно издать отдельно или сделать второе издание «Бытового явления» с включением статьи о Глускере и этой. Нельзя, чтобы они остались только в журнале и не получающие «Русское богатство» не могли бы прочесть их. Ведь таких вещей больше нет».

В январе 1911 года по инициативе профессора Федора Дмитриевича Батюшкова, большого почитателя В.Г. Короленко и друга всей его семьи, группа лиц выступила с инициативой как-то отметить серебряную свадьбу Короленко. Владимир Галактионович не одобрял того, что чисто семейному событию был придан общественный размах, но ничего не мог поделать, поскольку уже начался сбор подписей, составление поздравительного адреса и велись переговоры о приобретении в подарок юбилярам портрета В.Г. Короленко, написанного в 1898 г. художником Н.А. Ярошенко. Юбилярам оставалось только «потерпеть», то есть безропотно покориться происходящему. Утешая его, Татьяна Александровна нашла подходящие слова для того, чтобы подчеркнуть общественное значение этого повода: « ...множество людей ухватилось за него и попыталось дать Вам почувствовать, как много Вы для всех значите. Они ведь не виноваты, что Федор Дмитриевич (Батюшков. – *Л. Г.*) выдумал, не в обиду ему, неудачную форму – чувства-то все-таки искренние. Момент, может быть, и будет неприятный Вам, а потом как-никак останется сознание в душах скольких неизвестных Вам людей – Вы живете» (письмо от 22 января 1911 года) [9].

На лето 1911 года Татьяна Александровна опять сняла дачу в Куоккале, предусмотрев комнату и для Владимира Галактионовича, в которой ему будет удобно работать, но он приехать не смог. В Куоккале в это лето было уже по-иному для Богдановичей: скверная погода, холод, неприветливое море, хандра, болезнь детей, уединенная жизнь (из знакомых – только Чуковские).

Побывав в Петербурге в марте-апреле 1911 года, Короленко затем ездилсдочерьмивРумыниюкбольномушурину,большуючастьлетапровел в Хатках на даче. Обмен письмами продолжался. Татьяна Александровна

очень хочет, чтобы он уже закончил тему пыток и взялся за чистую беллетристику. Татьяна Александровна все более склоняется к тем друзьям Короленко, которые старались отвлечь его от публицистических тем и статей на какую-либо жгучую и мучительную публицистическую тему.

Надеясь все-таки склонить Татьяну Александровну к соавторству в теме пыток, Короленко отправил целую посылку с газетными вырезками по этому вопросу, но и это не имело успеха. Татьяна Александровна пообещала сохранить вырезки для него, но категорически ответила: «Единственный человек, который мог бы об этом написать, это Вы, больше никто» (письмо от 30 апреля 1911 года).

С середины года начались печальные события: смерть В.С. Ивановского в Румынии, брата жены Короленко, которого он очень любил, тяжелая болезнь Н.Ф. Анненского и в связи с этим осложнения в работе редакции «Русского богатства». Это было преддверие еще более трудного 1912 года. Софья Владимировна вспоминала, что очень жалела отца в это время – таким он был грустным, усталым, озабоченным. Беспокоили редакционные дела, огорчали невосполнимые утраты.

Среди забот были и заботы о семье Татьяны Александровны, которые легли на его плечи по долгу дружбы. Он был непрактичным человеком, а помогать надо было именно в конкретных практических делах: сдавать петербургскую квартиру Татьяны Александровны и подыскивать дачу на лето, выполнять мелкие поручения вроде передачи вещей, книг, журналов, утешать Татьяну Александровну в ее постоянных тревогах за больных детей. Обо всем этом их письма друг другу. Короленко пишет то серьезно, то с юмором о себе в такой непривычной роли. Складывается впечатление, что на смену интенсивной жизни духа и чувства пришла «проза жизни» с ее будничными хлопотами. Во многих письмах 1912 года Татьяна Александровна передает привет Авдотье Семеновне, чего раньше не было. Когда в мае-июне Татьяна Александровна с детьми была в деревне, ее сын Володя тяжело заболел, опасались скарлатины. Мать была в панике и умоляла поскорее приехать к ней. Владимир Галактионович поехал вместе с Евдокией Семеновной. Они помогли и поддержали ее в беде.

В 1912 году В.Г. Короленко, наряду с теми статьями, которые он давал, как обычно, в «Русское богатство», кое-что уделял и для газеты «Неделя», «Современного слова», выходившей под редакцией Т. А. Богданович. Так, в январе 1912 года (22 и 23 января) там был опубликован в виде самостоятельной статьи фрагмент из «Истории моего современника» – «Мое первое знакомство с Диккенсом», к столетнему юбилею писателя.

23 апреля того же года в № 211 напечатаны очерки и наброски «Удар Господень», «Солнце лжет», «Голодная весна» и другие. Этот номер был

посвящен голоду в Поволжье. Присутствие в газете такого автора, как В.Г. Короленко, было ее украшением.

Вскоре после того, как семьи Анненских и Короленко устроились на даче в Финляндии летом 1912 года, скончался Н.Ф. Анненский в декабре умер Н.А. Лошкарев, муж сестры В.Г. Короленко. Эти потери были ударами в сердце. Они требовали поездок, хлопот, нервного и физического напряжения.

Письма Татьяны Александровны этой поры полны грустных жалоб на скверное настроение. В ответ на такие же грустные письма Владимира Галактионовича она старается ободрить его добрыми пожеланиями здоровья и успеха в работе. Но одно письмо стоит особняком и выделяется своим резким тоном. Оно имеет важное принципиальное значение для их отношений. Короленко читал его внимательно и, возможно, не один раз. Некоторые места в нем подчеркнуты красным карандашом его рукой.

Размашистым, решительным почерком Т.А. Богданович писала на листах голубой бумаги: «Меня чрезвычайно огорчило Ваше намерение взяться опять за эти злополучные пытки (подчеркнуто Короленко. – Л.Г.). Во всех отношениях это, по-моему, величайшая ошибка. Во-первых, нет никакого сомнения, что Вы на них погибнете и ничего другого тогда не напишете, а во-вторых, и сами по себе они имеют не особенно большое значение. Ведь, посмотрите, ваши две первые статьи о них прошли совершенно незамеченными, и с остальными будет то же, теперь особенно, насильно Вы не заставите читать то, что людей не интересует, а это теперь совсем в стороне от общественного внимания. Я просто не могу себе представить, как это Вы не чувствуете, насколько всякая Ваша беллетристическая страничка стоит больше и производит больше впечатление, чем десяток статей. Исключение составляет, м. б., только «Бытовое явление», но другой такой темы нет и быть не может. Я не знаю, до какой степени я была бы рада, если бы Вы совсем оставили эти пытки и взялись сейчас же за какой угодно рассказ или хоть за «Современника» [7].

Она боится, что страницы со статьями Короленко так и останутся не разрезанными. «А ведь каждый Ваш рассказ, хоть самый маленький, – это событие, он всякого всколыхнет, ободрит, точно лучом пронижет окутавшую всех мглу. Тысячи людей станут лучше, бодрее, радостнее, прочитав его. Неужели Вы этого не цените? А это так, так, несомненно. Господи, ну какие мне найти слова, чтобы убедить Вас не возобновлять этой неисправимой ошибки. И не обманывайте себя, не думайте, что Вы можете окончить пытки в неделю, а потом со свободной головой возьме-

тесь за другое. Этого ни в каком случае не будет, вопрос этот слишком обширен. Вы опять уйдете в него с головой, и все остальное отложится на неопределенное время, а потом опять окажется, что Петербург виноват в том, что Вы не пишете. Ну, не сердитесь, что поделаешь – «не могу молчать» (письмо от 17 октября 1912 года) [7].

В 1913-й год Владимир Галактионович вошел ослабевшим и больным. А события следовали одно за другим – дело Бейлиса с его тревогами, обострение болезни, поездка во Францию для лечения, война 1914 года, революция 1917, и все это на фоне ухудшающегося здоровья, убывающих сил. Но работа продолжалась и по-прежнему в двух направлениях: чисто художественная и злободневная публицистика, он не мог оставаться в Полтаве, когда «эта мерзость» (дело Бейлиса) происходила совсем рядом, в Киеве. Сидел в ложе корреспондентов во время заседаний и слушал процесс, а в гостинице его ждала верная спутница Евдокия Семеновна. В суд с отцом ходила Софья Владимировна. Выступлений в суде у Короленко не было, но зато были выступления в печати на всю Россию. Писал, не оглядываясь на цензуру: то, что хотел, и то, что думал.

Война дала новый толчок публицистическим темам, с нею связанными, а работа над «Историей моего современника» отодвигалась. Много сил заняла подготовка первого собрания сочинений, которое вышло в качестве литературного приложения к журналу «Нива» за 1914 год.

Если бы Короленко ради чистой беллетристики отказался от своего второго «я», мы бы не имели таких его статей этого времени, как «Война, отечество и человечество», «Падение царской власти», «Земли! Земли!» Они шли у него одна за другой, параллельно с «Историей моего современника».

Личное общение с Татьяной Александровной после 1912 года прекратилось на пять лет. Переписка продолжалась. «Я всегда рад конверту с почерком Вашей руки», — писал Владимир Галактионович 3 июня 1913 года, но тон писем теперь стал спокойно-дружеским, а подпись – «Ваш Вл. Короленко». Он знает, что может заинтересовать Татьяну Александровну, а потому сообщает о новостях в Хатках, пишет о возможности поездки на дело Бейлиса и делится радостью после оправдательного приговора, сообщает о здоровье своем и семьи, живо и остроумно описывает появление на свет своей внучки в 1914 году, грустит вместе с Татьяной Александровной о кончине А.Н. Анненской (1915). Письма 1916 года содержат сообщения о семейных делах и самочувствии. В 1917 году радуется, что удалось передать продуктовую посылочку для семьи Татьяны Александровны в голодный Петербург.

Увиделись они снова в 1918 году, когда по приглашению семьи Короленко Татьяна Александровна приехала с детьми, спасаясь от голода, в сравнительно благополучную Полтаву. Жили сначала во флигеле дома № 1 по Мало-Садовой улице, т.е. во дворе дома Короленко, а потом переехали на другую квартиру и всего провели в Полтаве пять лет. Евдокия Семеновна способствовала приезду семьи Богданович и дружески принимала ее.

Близкий семье Короленко человек, Мария Леопольдовна Кривинская рассказывала, что Евдокия Семеновна нетерпеливо ждала Татьяну Александровну с детьми и говорила, что ей видятся их истощенные лица, их «голодный оскал». Когда это передали Татьяне Александровне, она сказала: «Так вот она какая, Авдотья Семеновна» (из рассказа дочери Татьяны Александровны).

В Полтаве Татьяна Александровна работала в государственном историческом архиве и на основе архивных материалов написала монографию о князе В. Кочубее (не опубликована). Кроме того, писала о Короленко.

Татьяна Александровна Богданович принадлежит к числу первых биографов В.Г. Короленко. Самую первую прижизненную биографию его написала Н. Шаховская. В ее книге имеются замечания Короленко, и он переписывался с автором по этому поводу. Татьяна Александровна также имела возможность общаться с объектом своей биографической работы, кое-что уточняла с ним, в частности вопрос о религиозности, что отразилось в одном из писем Владимира Галактионовича к Богданович.

По жанру работа Богданович сходна с работой Н. Шаховской – это тоже биографическая характеристика, когда формирование личности прослеживается на основных фактах жизни и деятельности. Исходным является утверждение масштаба незаурядной личности. Крупный литературный талант определил лишь форму его деятельности, но и на другом поприще он был выдающимся для своего, а может быть, и не только для своего времени. Многогранность (а не разбросанность) деятельности Короленко стала проявлением его многосторонней одаренности. В форме сжатого и умного пересказа в книге даются автобиографические факты из «Истории моего современника», а затем излагаются факты последующей жизни. Все подчинено задаче проследить формирование личности, раскрывающейся в ярких и своеобразных явлениях. В этом Татьяна Александровна Богданович вполне оригинальна и убедительна. Ей принадлежит интересная мысль о том, что Короленко сознательно избрал для себя путь

морального и гражданского воспитания народа средствами своей публицистики.

Т.А. Богданович проявила тонкую проницательность, уловив в юных героях произведений Короленко черты характера автора, выявившиеся в детстве и сохранившиеся на всю жизнь: деятельную энергию и активность Васи («В дурном обществе»), мечтательность с мистическим налетом, поиски высших духовных ценностей у Голована («Ночью»). Если Короленко об этом читал и не возразил автору, можно признать его согласие с мнением автора.

Биографический очерк Т.А. Богданович не потерял своего оригинального звучания и теперь, когда уже много написано о Короленко. Длительное личное общение оставило неповторимый след и в подходе к теме, и в ее раскрытии. Первыми читателями изданий книги стали самые близкие Владимиру Галактионовичу люди – его семья. В музее хранится экземпляр книги Т.А. Богданович с дарственной надписью: «Дорогой горячо любимой Евдокии Семеновне с чувством искреннего и глубокого почтения и с большой робостью. Т. Богданович. 2/V. 22» [10].

Почти одновременно с работой над биографией или сразу после нее Татьяна Александровна Богданович писала воспоминания о В.Г. Короленко. С одной стороны, она должна была мысленно перенестись к нижегородскому периоду жизни Короленко для статьи, которая шла в нижегородские сборник («Памяти В.Г. Короленко»), а с другой – сосредоточиться на последних годах жизни Владимира Галактионовича, которые только что прошли у нее на глазах (для журнала «Былое»). Можно не сомневаться, что наблюдения ее были обострены горячей заинтересованностью и искренним расположением к объекту наблюдения.

В сентябре 1918 года она радовалась первому впечатлению от встречи с Владимиром Галактионовичем после пятилетней разлуки – «тот же полный жизни человек», способный увлекаться разными занятиями, прекрасный рассказчик, человек, живо интересующийся тем, что происходит вокруг. «В 1919 году с горечью видит она, что могучий организм сдает. 1920 год был уже труден ему во всех отношениях: осенью через силу ходил, появились задержки речи, но писать еще мог, и прочерк у него был прежний, прекрасный и благородный».

«За письменным столом Владимир Галактионович по-прежнему проводит много времени, и, вероятно, это были его лучшие часы», – писала Татьяна Александровна.

Так по годам, потом по месяцам, по дням, а под конец и по часам довела Татьяна Александровна до конца повествование о жизни человека, с которым то шла параллельно, то пересекалась ее собственная жизнь.

Софья Владимировна часто говорила, что особенно ценит в людях способность к длительным отношениям. Более чем 40 лет дружбы Владимира Галактионовича Короленко с Татьяной Александровной Богданович, со всеми ее оттенками, могут служить примером таких отношений.

* * *

«Роман» Татьяны Александровны с Владимиром Галактионовичем не имел огласки. Они его скрывали даже от самых близких (уединенное место действия — дача в Куоккале летом 1910 года этому способствовало). «Призналась» Татьяна Александровна только своей задушевной подруге Маргарите Федоровне Николаевой и, предположительно, рассказал сам Владимир Галактионович Евдокии Семеновне в следующем году. Супруги Анненские заметили, что «есть что-то» между этой парой, и не одобряли.

Женское чутье и понимание характера Владимира Галактионовича подсказали Евдокии Семеновне, как мне думается, единственно мудрую линию поведения: предоставить времени и самому Владимиру Галактионовичу разобраться в создавшейся нравственной проблеме, определиться для дальнейших шагов, сопоставить «гору» и «холм, усыпанный цветами», найти выход, чтобы не обидеть ни одну, ни другую дорогую ему женщину.

Евдокия Семеновна дала ему полную свободу выбора, как поступала всегда в трудные житейские моменты, и была готова принять любое его решение.

По более поздним письмам чувствуется, что в его душе идет сопоставление плюсов и минусов каждой возможности: с кем быть?

Евдокия Семеновна никогда не оказывала давления на Короленко в отношении его творчества, отстраняла его от семейно-бытовых забот, понимая, что он занят более важным и нужным делом. Она была надежным, верным, испытанным спутником на жизненном пути.

В смысле общей культуры, образования, кругозора она уступала дамам из литературной среды. Знала это и никогда туда не стремилась. Те немногие друзья Короленко, которые входили в его семейный круг, уважали и любили Евдокию Семеновну за душевную щедрость, доброту, отзывчивость, чуткость.

Среди них был Василий Николаевич Григорьев, друг студенческих лет ее мужа, петербургский профессор и литератор Федор Дмитриевич Батюшков, издатель-редактор журнала «Мир Божий» А.А. Давыдова и, конечно, Анненские.

Татьяне Александровне было (в 1910 году) 32 года, она была вдовой и матерью четырех детей. Выглядела моложе своих лет. В обществе была обаятельной, прекрасной рассказчицей и собеседницей. Владела тремя иностранными языками и переводила с немецкого, французского и английского. Прекрасное образование (историк) и литературная одаренность делали ее украшением интеллигентного общества и привлекали к ней таких выдающихся ее современников, как К.И. Чуковский, Е.В. Тарле, С.Я. Маршак, с которыми ей доводилось работать в Петербурге, а потом в Ленинграде. Она была автором ряда исторических романов для юношества.

Возможно, что она в силу своей интеллигентности и таланта лучше могла оценить Короленко как писателя, сравнительно с Евдокией Семеновной. Недаром Короленко так настойчиво склонял ее к совместной литературной работе и считался с ее редакторскими способностями. Уговорам Владимира Галактионовича она не поддавалась и отстаивала свою творческую независимость, а на самого Короленко оказывала настойчивое давление, чуть ли не требуя, чтобы он отказался от продолжения темы смертных казней, бросил публицистику, особенно мелкие темы газетного масштаба, и писал исключительно художественные произведения. Видимо, считала себя вправе так существенно влиять на его творчество, не понимая самой сущности его двустороннего дарования и потребностей творческой натуры.

Судя по подчеркиваниям Владимира Галактионовича в соответственных местах ее писем, он обращал особое внимание на этот момент. Это было главным. Вторым было то, что на него стали возлагать семейно-бытовые обязанности, непривычные и тягостные для него, вроде забот о квартире, выполнения мелких поручений для детей и тому подобное. Владимир Галактионович не умел этого делать. Ответственность за детей, разница в возрасте, ухудшение здоровья, переживания, связанные с потерями близких, — все это было важным и требовало раздумий. А время шло...

В письмах нарастает мотив грусти оттого, что выражение лица Татьяны Александровны печально и безучастно. Она обещает рассказать о чем-то очень важном, что вошло в ее жизнь. При очередной встрече, видимо, рассказала о появлении на ее горизонта героя студенческого «романа», с которым она встретилась снова. Она стала ждать его. Он не вернулся. Вспыхнувшая так ярко «заря вечерняя» (Тютчев) постепенно бледнела и взаимные отношения Татьяны Александровны и Владимира Галактионовича возвращались к прежней нежной дружбе.

На этом фоне сильнее зазвучала мелодия Евдокии Семеновны: она с мужем едет в деревню, чтобы помочь Татьяне Александровне с больными детьми. Зовет в Полтаву ее семью, чтобы спасти от петербургского голода, дает у себя приют этой семье, тепло принимает Татьяну Александровну как автора книги о Короленко.

Так время (а может быть, Бог?) поставило все на свои места. В трудном классическом «треугольнике» не случилось ни драмы, ни трагедии – все оказались на высоте, сохранили человеческое достоинство и душевную красоту.

1. Письмо С.В. Короленко к Т.А. Пащенко (Москва). У адресата.
2. Письмо Т.А. Пащенко у автора. Будет сдано в музей В.Г. Короленко.
3. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1963. – С. 94.
4. *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд.: Дневник (1895–1898 гг.). – Т. 3. – С. 146.
5. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – С. 444.
6. *Короленко В.Г.* Собр. соч. – Т. 10. – М., 1956. – С. 455, 458.
7. Цитаты из писем В.Г. Короленко и Т.А. Богданович приводятся по оригиналам и машинописным копиям, хранящимся в Отделе рукописей РГБ, ф. 135 II.
8. *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд.: Дневник (1881–1893). – Т.1. – С. 146.
9. *Короленко В.Г.* Собр. соч.– Т. 10. – С. 55–56.
10. *Богданович Т.А.* В.Г. Короленко. Биография. – Х., 1922.
11. *Богданович Т.А.* В.Г. Короленко в последние годы жизни // Былое. – 1922. – № 19.

П.П. Ротач

ДОЛЯ ОСОБИСТОЇ БІБЛІОТЕКИ В.Г. КОРОЛЕНКА

Читаю, порпаюся в книгах…
В.Г. Короленко

Нині здійснити повний опис робочої бібліотеки Володимира Галактіоновича Короленка, в якій після його смерті нараховувалося близько чотирьох з половиною тисяч книг [1], немає можливості з тієї причини, що ця бібліотека давно вже не існує в повному складі. На початку Великої Вітчизняної війни книжкове зібрання письменника через складні обставини, пов'язані з війною і відступом армії, було роз'єднане: одна частина бібліотеки, менша, але цінніша, була вивезена на схід й уціліла; друга, більша, залишалася в Полтаві й загинула в огні пожежі при відступі окупантів. Бібліотечний каталог цієї частини книг невідомий.

Вивозилося на Урал книг небагато: це друковані твори письменника, в тому числі відбитки його оповідань і статей, праці різних авторів, помічені В.Г. Короленком при читанні, нарешті, близько двохсот книг з авторськими надписами, адресованими Володимиру Галактіоновичу. Після відбудови музею в Полтаві книжки знову повернулися з Уфи і Свердловська (нині – Єкатеринбурга). 1948 року розпочато їх каталогізацію. В інвентарній книзі збереглася спеціальна помітка про те, що книжки передані до музею родиною письменника в 1928 році. Деяка їх частина надійшла з того ж джерела пізніше, в 50-ті роки, коли директором музею була дочка письменника Софія Володимирівна.

З дитинства й до кінця життя В.Г. Короленко беріг у серці тремтливу й вірну любов до книги. Відомий його вислів «читаю, порпаюся в книгах» характеризує читацьку й бібліофільську пристрасть письменника. Ставлення Володимира Галактіоновича до книги зачепила Т.Г. Морозова у своєму дослідженні «Бібліотека в житті В.Г. Короленка» [2]. Інші аспекти цієї теми, в тому числі й особиста бібліотека, ще вивчені мало. Лише 1979 року нами було розпочато складання каталогу та картотеки уцілілих книжок і відбитків, що належали письменникові (тепер ці матеріали знаходяться в Полтавському літературно-меморіальному музеї В.Г. Короленка).

«В.Г. Короленко не був колекціонером книг», – справедливо заувачувала дочка письменника Софія Володимирівна [3]. Книжки були його друзями і помічниками у творчій роботі, давали насолоду при відпочинку. В домі панував культ книги. «Шафи з книжками знаходилися не тільки в кабінеті, але й майже в усіх інших кімнатах», – розповідає людина, яка не раз бувала в будинку письменника [4]. Ще точніше говорить близький свого часу до Володимира Галактіоновича П.А. Митропан: «Для В.Г. Короленка книга була повітрям, яким він дихав. Та й вся атмосфера в домі, в сім'ї була просякнута – з того чи іншого боку – літературою, пресою» [5].

Як і в житті, у своїй різноманітній діяльності Короленко дотримувався строгого порядку, чіткої організації праці. Це сприяло успіхові в роботі. «Порядок вивільнює душу», – казав письменник. В поняття організації праці входить також систематизація особистого архіву і робочої бібліотеки письменника, яка стала складовою його архіву.

«Залишена В.Г. Короленком літературна спадщина, – говорить дочка письменника Софія Володимирівна, – являє собою за кількістю зібраних матеріалів, їх вартістю, систематичністю їх добору та періодом, який охоплюють, цілком виняткове явище. Якщо взяти до уваги, що збирачем і систематизатором була людина, яка займала таке видне місце в російській літературі, і те, що до різнобічних талантів Короленка-белетриста, публіциста, газетяра, громадського діяча і редактора – у нього приєднався і пристрасний інтерес краєзнавця, й увага історика, то зрозумілим стає, як протягом кількох десятиліть виникла струнка цілісність виняткового за цінністю архіву В.Г. Короленка» [6] (підкреслення наше. – *П.Р.*).

Накопичення письменником своїх літературних матеріалів почалося від початку його літературної діяльності й продовжувалося до кінця життя. В бібліотеці В.Г. Короленка збереглася його перша літературна праця – книга «Птах» Ж. Мішле, перекладена (спільно з братом Юліаном) з французької мови і видана 1878 року. На обкладинці зберігся притаманний письменнику розпис – *«Вл. Короленко»*, а в тексті – деякі його помітки. Це одна з тих книг, які започаткували бібліотеку-архів письменника.

Перші свої архівні матеріали (нариси, книги, малюнки, листи і т. ін.) Короленко накопичував ще на засланні й привіз до Нижнього Новгорода. Якраз тут, починаючи з 1885 року, спершу мовби помацки, а потім усе впевненіше і послідовніше письменник починає працювати над упорядкуванням свого архіву: цього потребувала поточна робота й плани на майбутнє. Письменник «все чіткіше й систематичніше розмежовує окремі теми зібраних матеріалів, усе пильніше й повніше збирає ці мате-

ріали» [7]. Підбір витинок із газет і журналів, збирання книг, листів, виписок, оправка книг і брошур у палітурки – все це Короленко робив сам, без сторонньої допомоги. Лише наприкінці життя став залучати до цієї роботи своїх близьких.

До основних відділів архіву належала бібліотека. За своїм складом вона була різноманітна. Справедливість такого твердження стає очевидною, коли знайомишся з тією частиною книгозбірні, яка збереглася. А та, повна, якої тепер нема, з яких частин вона складалася, як вона комплектувалася письменником? С.В. Короленко поділяла її на такі розділи:

1. Критичні, публіцистичні та деякі художні твори, необхідні для праці. Добиралися вони з великою увагою, іноді це робили спеціалісти на прохання Володимира Галактіоновича. Повнотою добору відзначалися матеріали до «Справи Бейліса», праці історичного відділу бібліотеки, пов'язані з написанням повісті «Набіглий цар», література до статей про творчість М. Гоголя, Л. Толстого, А. Чехова та ін. письменників.

2. Журнальна частина, що складалася переважно з тих видань, в яких В.Г. Короленко друкувався і працював або за якими уважно стежив («Русское богатство», «Современник», «Отечественные записки» та ін.).

3. Книжки, надіслані авторами (як правило, з автографами).

4. Зібрання власних творів, в т.ч. й перекладених на іноземні мови.

5. Книжки, якими Короленко користувався як улюбленим читанням. Їх було небагато, мабуть, тому, що письменник не відмовляв охочим почитати, і вони їх, як ведеться, не повертали [8].

На жаль, «Доповідна» С.В. Короленко не дає відповіді на всі питання, які виникають. Скільки книг було в кожній із цих частин? І якщо відомо, скільки приблизно книг вивозилося з Полтави під час війни, то зовсім неясно, скільки ж їх залишалося в Полтаві й загинуло під час відступу окупантів.

«Свята святих» В.Г. Короленка – його робочий кабінет. У будинку лікаря Будаговського, куди письменник переїхав 1903 року, він зайняв під кабінет окрему велику кімнату з сонячного боку, з двома вікнами в сад. «Тут він писав, збирав свої літературні матеріали, тут зберігався й систематизувався його архів». У цій кімнаті, яка одночасно слугувала йому й спальнею, Володимир Галактіонович прожив «найбільш напружені і наповнені великою працею роки» [9].

Вигляд кабінету був скромний, речі підкорялися цілям роботи. Завжди під рукою були книги, в яких виникала потреба: полиці знаходилися поряд з письмовим столом. Вони й тепер займають те саме місце. І тепер на них стоять уцілілі томи творів Бєлінського, Герцена, Достоєвського, Писарєва, Салтикова-Щедріна, Л.Толстого, Тургенєва, Г. Успенського

та ін. Тут же, в окремій шафі, й твори самого В.Г. Короленка, на багатьох із яких є попереджувальний напис: *«Архів. Нікому не видається»*.

У кабінеті є також шафа з комплектом «Русского богатства», в редакції якого працював письменник. Справжня колекція журналу загинула в 1943 році; нині шафа заповнена комплектом, який було надіслано для відновлення колишнього фонду з Ленінграда (тепер – С.-Петербургу). Уціліла тільки одна книжка «Русского богатства» – № 10 за 1892 рік з першодруком оповідання Короленка «Ат-Даван». З внутрішнього боку верхньої кришки оправи, зробленої в «Переплетном заведении А.Шер в Нижнем Новгороде», про що свідчить маленький овальний ярличок, наклеєно книжковий знак із позначкою відділу та надписом: *«Нікому не видається»*. Мабуть, цей екслібрис з'явився пізніше, а раніше в журналі було поставлено штамп:» Владимир Галактионович Короленко». Таких штампів у письменника було два – більшого і меншого розміру.

Який вигляд мав друкований екслібрис Короленка? Одного разу, в 1966 році, він промайнув перед очима учасників Московського клубу екслібрисистів разом із книгою «Дело мултанских вотяков...» «Цей книжковий знак дуже рідкісний, – писав тоді нам письменник і колекціонер-книжник В.Осокін. – Він не показаний навіть у капітальній праці У. Іваска «Опис російських книжкових знаків» [10]. Насправді ж збереглося немало відбитків екслібриса Короленка.

Книжковий знак Володимира Галактіоновича дуже простий. Це чотирикутний ярлик, у лінійному обрамленні в три тоненькі лінії, розміру 5,4 х 3,5 см, одноколірний, з текстом: «Библиотека Владимира Галактиновича Короленко, Отдел ..... №.........» і запасною лінією для можливих поміток. Така простота знака відповідала робочому характерові книжок письменника.

Те саме варто сказати й щодо оправи. Книг у розкішних оправах у бібліотеці Короленка трапляється мало, це переважно подарунки. Майже всі оправи дуже прості. Як правило, це картонна оправа зі шкіряним корінцем, на якому відтиснуті прізвище автора, назва книги та дві літери – «В.К.» – ініціали власника. Багато книжок оправлено в Нижньому Новгороді, в майстерні А.Шер або його спадкоємців. Петербурзьких чи полтавських палітурень не зафіксовано.

У кабінеті, над канапою, на якій відпочивав письменник, висіла полиця, заповнена томами Енциклопедичного словника Брокгауза та Ефрона. Короленко часто звертався до них за довідками. Комплект словника, який належав письменнику, загинув. Тепер там замінник.

Цю кімнату, світлу, з високою стелею, наповнену книгами, цю майстерню художника слова рідні Володимира Галактіоновича називали

«святою святих». Про це, між іншим, згадував проф. П.А. Митропан, що не раз там бував. «Робочий кабінет Володимира Галактіоновича займав у домі особливе становище, – писав він як очевидець. – До нього й домашні остерігалися заходити без потреби, щоб не заважати роботі письменника. Це була «екстериторіальна» частина будинка... Велика кімната нагадувала книгосховище, бібліотеку або архів; зі всіх боків вас оточувала велика кількість книг, папок, рукописів, журналів, газет. Книжки в основному були розміщені так, щоб мати під рукою те, що в дану мить потрібне для праці» [10].

Цей опис належить до передреволюційного часу. Після смерті письменника сім'я його намагалася зберегти все в недоторканності. 1924 року в будинку Короленка побував московський літератор Е.Л. Міндлін. Якраз там розбирали архів, готуючись до видання Повного посмертного зібрання творів письменника. «У стосах щоденників, листів, неопублікованих нарисів, оповідань жив ще не відомий читачам Короленко», – згадує Е.Л. Міндлін. Протягом кількох днів подовгу розглядав він книжкові полиці в кабінеті Короленка, іноді перечитував дарчі надписи на книжках письменників – друзів Короленка. Зокрема, він запам'ятав книжку віршів І. Еренбурга з помітками Володимира Галактіоновича. Як відзначив мемуарист, Короленко «жив навіть у помітках на подарованих йому книжках» [11].

На початку 1930-х років бібліотеку Короленка бачив Я.Є. Донськой. Він повідомляє, що «друзі Короленка, які бували в цьому домі за життя письменника, вважають, що його особиста бібліотека нараховувала не менше шести-семи тисяч томів» [12]. Але це очевидне перебільшення.

Заведений ще В.Г. Короленком порядок ставити на книгах напис *«Архів. Нікому не видається»*, продовжувався членами його сім'ї й після смерті письменника. На всіх книжках, які надходили до музею, продовжували наклеювати й екслібрис (він трапляється навіть на книжках 1930-х років), змішавши, таким чином, особисту бібліотеку В.Г. Короленка з музейною.

Справді, в музеї протягом довгих років склалася цікава колекція книг, подарованих багатьма радянськими вченими і письменниками, яка відбиває вплив Короленка на художню творчість та наукові інтереси дарувальників, але це зібрання не стосується бібліотеки Короленка, хоча на деяких із цих книжок є екслібрис письменника.

Помітка *«Архів. Нікому не видається»* є насамперед на творах В.Г. Короленка російською та іноземними мовами, які сам письменник пильно збирав, а також на відбитках його статей та оповідань; з цією ж поміткою відкладалися й тематичні добірки книг і брошур, якими Короленко користувався під час праці.

Збираючи свої твори, Короленко залишав на них різноманітні помітки, наприклад, про час надходження книги, або робив пам'ятку для себе: *«До наступного видання»*. Трапляються надписи, які стосуються історії написання твору. Подібна нотатка – на книзі «Без язика» (3-тє вид., ред. журн. «Русское богатство», 1904), де зауважено письменником, що «ця книга не про Америку, а про те, як Америка уявляється з першого погляду простій людині з Росії» [13]. І тут є авторська помітка: *«Для видання»*.

«До наступного видання» (напис зроблено синім олівцем) відклав Короленко і «Побутове явище» (СПб, 1910). На обгортці збереглася його вказівка: «Див. стор. 48–49». Дійсно, всі береги цих сторінок помережані авторськими доповненнями. Є вони і в інших місцях цієї книжки.

Серед видань твору «В голодний рік» привертає особливу увагу примірник видання 1897 р. У ньому збереглося багато слідів авторської правки: закреслені цілі сторінки тексту, а виправлення та доповнення подані у вигляді написів на берегах та окремих вклейок.

Подібне спостерігається і в оповіданні «Тіні» (збірник «Нариси та оповідання», 1893). Зроблено по суті новий варіант оповідання, про публікацію якого нічого не відомо. З цього приводу буде доречно нагадати слова Короленка: «Я, коли оглядаю свою завершену роботу, завжди думаю: «А що тут без особливої втрати можна викинути?» Й ніколи ще не відчував каяття і не шкодував про скорочення».

А ось рідкісний примірник першодруку його «Спогадів про М.Г. Чернишевського». Книжка видана 1894 року в Лондоні «Фондом вільної російської преси» за однією з копій без відома В.Г. Короленка і була кимось надіслана йому з Англії. Автору довелося давати з цього приводу пояснення в департаменті поліції. Закордонні видання творів Короленка взагалі нерідкісні в його зібранні.

Серед чотирьох примірників нарису «Будинок № 13. Епізод з кишинівського погрому» одна книга помережена лайливими висловами якогось злісного чорносотенця, якого цей твір зачепив за живе.

Як відомо, «Історія мого сучасника» спершу друкувалася в «Русском богатстве». Підшивка аркушів верстки цієї публікації за 1906–1910 роки береже численні авторські правки. Особливо багато їх у розділі «Студентські роки». Тут збереглася ще й помітка дочки письменника: «Дрібні поправки, зроблені олівцем, перенесені до Нивського видання цих розділів. Далі теж значні виправлення. Вичитала і відмітила С. Короленко. 1.XII.1929».

Твори письменника, які видавалися під назвою «Нариси й оповідання», почали виходити в 1886 році Збереглися ці збірники, починаючи від

2-го тому (1893); останній видано в Москві 1919 року (на обкладинці рукою Короленка помітка: «Одержано в кінці травня 1919»). Усього збереглося 20 книг «Нарисів та оповідань».

Рідкісною є книга «Нарисів та оповідань» Короленка, випущена «Слов'янським видавництвом» у Празі 1921 р. Сюди ввійшли «Вогники», «Марусина заїмка», «Уночі». Цей збірник не помітили навіть бібліографи.

Досить повно підібрано колекцію видань «Падіння царської влади (Промова до простих людей про події в Росії)». Географія видань її дуже широка: Москва, Самара, Рязань, Катеринослав, Київ, В'ятка, Полтава, Харків та ін., усього понад 20 міст. Брошуру з Петрозаводська прислав якийсь А.Г. Малишевський, вказавши на обкладинці навіть свою адресу. Московське видавництво «Набат» супроводило текст портретом письменника і «Листом В.Г. Короленка», датованим 17 травня 1917 року, в якому виставлені автором умови видання статті (друкувати безкоштовно чи з мінімальною платою для благодійної мети). Брошура, випущена Полтавською студентською соціалістичною організацією, відрізняється від інших деякими авторськими змінами, про що й говориться в повідомленні «Від видавництва». Цього видання також немає в теперішній бібліографії творів В.Г. Короленка.

Із дев'яти томів «Повного зібрання творів В.Г. Короленка» 1914 року («Нивське» видання) збереглося вісім; усі вони привезені з Франції, де письменника застала імперіалістична війна. На підставі авторських коректур до тексту творів внесено виправлення, які використовувалися в пізніших виданнях. Наприкінці деяких томів показані сторінки, де є ці виправлення. Всі томи раніше належали зятеві Володимира Галактіоновича К. Ляховичу, про що свідчить його печатка з французьким текстом.

У цьому огляді враховано 324 назви творів В.Г. Короленка – книжок, брошур і відбитків. Всі вони дуже цікаві, але розповісти про кожну з них окремо тут неможливо. Збереглося два примірники ілюстрованого ситінського видання оповідання «Приймак» (1892). Один примірник правлений письменником. Оповідання тут починається зі слів: «Солнце клонилось уже к лесам, когда...», а весь попередній текст викреслено. Річка тут названа – Керженець.

Рідкісною є брошура Короленка «Слова міністра. Справи губернаторів (До характеристики становища друку в «конституційний період»)», випущена 1906 року в Полтаві. У ній мовиться про закриття газет у Полтаві. В тексті збереглися авторські помітки. Помічена також обкладинка журналу «Право» № 14 за 1905 рік, де з позначкою NB рукою Короленка написано: «Не вошло в изд. «Нивы». Розгортаємо журнал – і в ньому стаття письменника «Сучасне становище і преса».

Заслуговує на увагу дослідника-текстолога й примірник брошури В.Г. Короленка «Сорочинська трагедія (за даними судового розслідування)», виданої редакцією «Русского богатства» в 1907 році. У тексті залишилося багато авторських поміток – виправлень, дописок, підкреслень. Робив їх автор кілька разів: більше олівцем, менше – чорнилом, і призначалися вони для нового видання. Про це свідчить і надпис під знаком NB наприкінці тексту рукою Короленка: «Прибавить ответ «России». Але далі – зауваження іншою рукою: «Он не прибавлен. К.М.». Брошура належала К.Ляховичу, його рукою написано: «С авторскими пометами (в 1914–1915 гг.)».

Зберігся в бібліотеці й перший твір В.Г. Короленка. Як відомо, його опубліковано в журналі «Слово», № 7 в 1879 році і називається він «Епізод із життя «шукача»». Цінуючи свого «первістка», Володимир Галактіонович одягнув журнал в оправу; є в ньому й авторські помітки.

Тепер про відбитки. Їх збереглося 70. Колекція гідна окремого вивчення. На кожному відбитку Короленко залишив ту чи іншу помітку. Іноді нею уточнюється дата написання твору. Або розшифровується псевдонім. Наприклад, під заміткою «Історична довідка. До уваги пп. козачих офіцерів», підписаною літерою *W*, Короленко, перекресливши її, розписався. Тут же цікава дописка автора до статті «Два пам’ятники». Йдеться про оповідання якогось Б.Б-го про втечу з викраденими грошима скульптора Паоло Трубецького. Короленко розшифровує: «Б.Б-й – це Брешко-Брешковський. Я припустився помилки, повіривши фактичній замітці цього пана».

На кожному відбитку рукою письменника показано назву журналу, який опублікував статтю чи оповідання, його вихідні дані. Багато відбитків зберігалися для повторних публікацій, тому мають авторські поправки та доповнення. На відбитку «Случайных заметок» («Русское богатство». – 1904. – № 6) Короленко перелічив назви всіх заміток, а потім уточнив: «Із них «Соня Мармеладова» надрукована в Нивському виданні. «Історію газети», мабуть, не варто, а «Новые возражатели» можна буде вмістити (якщо буде нове повне видання) услід за «Соней Мармеладовой».

На відбитку «Оповідань Андрія Струга» («І. Вуличний скрипаль. ІІ. Некролог») Короленко написав: «Мій переклад з польської (перший мною добре проредагований, другий – мною ж перекладений)» [14].

На деяких відбитках залишено такі надписи: «Не отдавать», «Единственный оттиск прошу мне вернуть. В.К.» [15], «К материалам» та ін. А в «Случайных заметках», підписаних «О.Б.А.» («Русское богатство». – 1907. – № 5), Короленко уточнив: «Моє від сторінки...» Серед відбитків збереглася коректура «Судного дня» з зауваженнями видавця О.М. Ко-

ломенкіної. Поряд з її надписами Володимир Галактіонович залишив свої коментарі: «вірно», «ні, це можна залишити», «не згодний» та ін. Зверху рукою письменника примітка: *«До нового видання»*.

Наприкінці XIX – початку XX століття твори Короленка виходили в багатьох країнах, найчастіше в перекладі на французьку, німецьку, італійську та слов'янські мови. Збереглося понад 70 таких книг; на багатьох із них Короленко зробив різні помітки й надписи.

Переклади на французьку мову здійснювалися Л. Гольшманом та Е. Жобером. На книжці «Сліпий музикант» (Париж, 1894) – дарчий напис: «Незрівнянному автору від глибокого шанувальника його таланту, перекладача Л. Гольшмана. Париж, 21 вересня 1894 р.». До книжки докладено вирізку з французької газети: відгук про книгу. 1895 року в Парижі з'являється нове видання «Сліпого музиканта», і перекладач «за себе й Е. Жобера» надсилає його «чудовому автору з почуттям найживішої вдячності за високу насолоду, яку мав при перекладі цих чарівних сторінок».

Зустрічається багато перекладів італійською мовою. Збереглися два видання «Сліпого музиканта» англійською – лондонське і бостонське, обидва 1890 року. Переклад здійснили С. Степняк-Кравчинський і В. Весталль. Є дарчий напис перекладача і на голландському виданні оповідання «Без язика». За авторськими помітками можна дійти певності, що В.Г. Короленко з цікавістю знайомився з книжками, які йому надсилалися, власноручно перекладав російською назви своїх творів. Якщо було два однакових примірники, він це відмічав на обкладинці. Твори письменника перекладалися також на есперанто. На деяких примірниках залишилися автографи перекладачів.

Особливий інтерес викликає путівник по музею Торвальдсена в Копенгагені, придбаний В.Г. Короленком 1893 року під час поїздки до Америки. Цей музей справив на Володимира Галактіоновича сильне враження, про що він писав у листах на батьківщину та у своєму щоденнику. Це враження доповнюють помітки в путівнику. Вони узвичаєні для Короленка: підкреслення, знак NB, надписи. Відзначені, наприклад, скульптура принцеси Голштейн-Бекської (кн. Барятинської), погруддя Олександра I й ін. Багато праць Торвальдсена заслужили від письменника оцінок «хор.», «оч. хор.», «недурно», буває й оцінка «плохо».

З поміткою «Архів» накопичувалися в бібліотеці тематичні добірки друкованих джерел, які письменник використовував у своїй творчій роботі.

Величезний резонанс викликала участь Короленка в захисті вотяків, звинувачених у вбивстві з метою жертвоприношення. Друковані джерела, які є в письменницькій бібліотеці, говорять про те, що Коро-

ленко глибоко вивчав історію питання. Багато поміток залишив він у книгах І. Смирнова «Вотяки» (1890), П. Богаєвського «Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных» (1896) та ін. Збереглося кілька примірників книги «Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам» (1896), в укладенні якої Короленко брав діяльну участь. В одному з них – виправлення, зауваження, тематичний покажчик наприкінці книги, навіть малюнок – все свідчить про те, що й після виходу книги Короленко продовжував жити цією темою, уточнював зміст. Кілька книжок з цього питання надіслали автори Е. Беллін та П. Луппов, про що свідчать їхні автографи. «Судово-медична експертиза в справі мултанських вотяків, звинувачуваних у принесенні людської жертви язичним богам» (Х., 1896) Е. Белліна позначена багатьма підкресленнями червоного олівця В.Г. Короленка.

Понад 30 книг і брошур стосуються релігійної тематики. Присутність їх у бібліотеці видатного гуманіста потребує вивчення й оцінки. Деякі з них підтверджують краєзнавчі інтереси Короленка до різноманітних культових об'єктів – соборів, монастирів, кладовищ. Численні помітки – синім і простим олівцем – зробив Короленко, читаючи книгу «Кузька, мордовский бог. Повесть из истории мордовского народа» (Н.Новгород, 1896). Цю книгу він потім прорецензував. Очевидно, під час відвідання Саровського монастиря в 1890 році. Короленко одержав від служителів серію брошур, складених за писаннями Тихона Задонського. Їх збереглося 9, на них – повчальні надписи і навіть прохання «захистити словом правди від наклепів пустомель-лібералів».

Дорогоцінні помітки В.Г. Короленка на творах російської і західної класики: по них можна судити про ставлення Володимира Галактіоновича до різних письменників і про те, що і як він використовував у них, які думки та літературні образи викликали певну реакцію.

Як відомо, письменник гарно відгукувався про В.Г. Белінського (стаття «Пам'яті Бєлінського», 1898). Помітки чорним і синім олівцем у двотомнику «Избранных сочинений» Бєлінського (1898) засвідчують часте звертання до них Короленка. Наприкінці обох томів, на форзацах і внутрішньому боці палітурок він написав покажчик тих сторінок, на яких залишив свої помітки. Частина з них стосується висловів Бєлінського про Гоголя.

Довго і уважно вивчав Короленко творчість і листування Гоголя, щоб потім створити одну з кращих своїх історико-літературних статей «Трагедія великого гумориста» (1909). Про пильність такої праці свідчить 5-й том «Сочинений Н.В. Гоголя» (СПб.: Вид. А.Ф. Маркса, 1893), де вміщено «Вибрані місця з листування між друзями». Тут багато

(понад 50) поміток олівцем: відкреслень, підкреслень, надписів, часом дуже розлогих, знаків питання і оклику; на с.19 збереглася вклейка з 7-рядковою приміткою. А наприкінці тому – знову узвичаєний посторінковий покажчик приміток.

Виняткову цікавість викликають помітки на книгах Герцена, Достоєвського, Салтикова-Щедріна, Л. Толстого, Тургенєва, Писарєва, Г. Успенського та ін., тому що вони мають безпосередній зв'язок з критичними працями Короленка. Від поміток і зауважень на берегах книг письменник переходив до виписування цитат у зошити, приєднуючи до них іноді й свої коментарі. Так, між іншим, він працював, коли готувався писати статті й замітки про Льва Толстого. Цікаві його помітки на берегах «Війни та миру». Вони стосуються образів, створених Толстим, його філософських міркувань, стилю. Прекрасний стиліст, Короленко дуже чутливо ставився до похибок. Свої зауваження він передавав словами «не так», «именно» або питальним чи окличним знаками.

Володимира Галактіоновича цікавила психологія творчості Всеволода Гаршина. Цій темі він присвятив окрему статтю. В бібліотеці збереглася подарована Гаршиним його «Первая книжка рассказов» (2-ге вид., 1885), а в ній – примітки Короленка. Ще більш зацікавлено опрацював Володимир Галактіонович літературний збірник пам'яті Гаршина «Красный цветок» (1889). Крім узвичаєних письменником приміток, тут є репліки, наприклад: «верно ли?», «Гаршин это писал не Михайловскому» та ін. Рішучій критиці були піддані деякі думки А. Введенського в статті «В.М. Гаршин як письменник». В одному місці під знаком NB Короленко написав: «Невже ці банальні загальні місця мусять доказувати яскраву самобутність і незалежність автора під поглядів свого часу. Ось що значить вузькість самого критерію!» Заперечення Короленка викликало також твердження автора статті, ніби «звернення до несамовитої «поезії війни»... особливо властиве російському народові і вже засвідчене таким великим майстром (підкреслено рукою Короленка. – *П.Р.*), як граф Лев Толстой». Проти підкреслених слів написано: «Неверно».

Цікаві помітки залишив Короленко й у книзі «Нова Америка». Сторінки, які привернули його увагу, відзначені в тематичному покажчику: «225 – Нравы Нью-Йорка», «248 – Нравств. и законы», «379 – закон и правосудие» і т.д. Очевидно, ця книга має зв'язок з роботою над повістю «Без язика».

Мав Короленко у своїй бібліотеці «Зібрання творів» Г. Ібсена, але уцілів лише 6-й том (СПб, 1897), й там є цінна замітка на останній сторінці книги: «Высоч. повел. должно быть объявлено от Высоч. имени, а не от Академии, т.е. Собр. академиков, и может выразить только отме-

ну посл. выборов, а не отказ академиков от своего имени...» і ще кілька рядків, в яких не всі слова можна розібрати. Чому ця замітка опинилася в книзі? Мабуть, випадково, через брак під рукою паперу. Поза сумнівом, що нотатку зроблено під свіжим враженням від повідомлення про скасування царем виборів почесним академіком М.Горького, проти чого, як відомо, першим запротестував Володимир Галактіонович.

Книжка Джорджа Кеннана «Сибір» (1906, окремий відбиток журналу «Всемирный вестник»), мабуть, не раз нагадувала Короленку про зустріч в 1886 році у Нижньому Новгороді з її автором, американським журналістом, мандрівником і дослідником. На книжці помітка: *«Архів. Нікому не видається»*. Як свідчила дочка письменника Софія Володимирівна, цією книгою її батько користувався в останні дні життя, вона була на столику біля його ліжка.

1919 року в Москві вийшла й, очевидно, тоді ж надійшла до бібліотеки Володимира Галактіоновича невеличка, на 62 сторінки, книжечка І. Бєлоусова «Т.Г. Шевченко». Її видала Московська Рада робітничих і селянських депутатів під рубрикою «Кому пролетаріат ставить пам'ятники». В цій книзі немає приміток, але наявність її в бібліотеці Короленка свідчить про неперебутній інтерес письменника до творчості Великого Кобзаря.

В останні роки життя Короленко уважно читав перший пореволюційний літературознавчий журнал «Вестник литературы», що видавався в Петрограді в 1919–1922 роки. за редакцією А.Е. Кауфмана (вийшло близько 50 номерів). Надходив він до Полтави несистематично, але читав його Короленко незмінно з олівцем у руці. «Вестник литературы» не раз писав і про нього самого, а № 1 за 1921 р. опублікував лист Володимира Галактіоновича до редактора журналу, в якому письменник зазначав, що основною своєю роботою в той час вважає продовження «Історії мого сучасника». Про Короленка журнал писав і в № 6–7 за 1921 рік, називав його «хранителем заповітів та ідеалів старої російської літератури». Замітка завершувалася словами: «В час, який ми переживаємо, думка частіше, ніж будь-коли, повертається в далеку Полтаву, де б'ється хворе, але люблячє благородне серце художника, публіциста-громадянина, захисника всіх стражденних і гнаних, хто проніс через усе своє довге життя віру в остаточне торжество правди і любові на землі». Короленко читав цю статтю і вніс незначні виправлення.

Свою бібліотеку В.Г. Короленко поповнював до кінця життя, й до останніх днів у письменника залишалася професійна звичка читати кожну нову книжку, журнал чи статтю з олівцем у руці. Роботу над вивченням поміток тільки розпочато. Дослідників чекає тут багато цікавих знахідок.

Окремий відділ бібліотеки складають книжки, які надійшли від авторів і мають дарчі надписи (усього збереглося 280 інскриптів). В одних надписах – дружні почуття до великого письменника, в інших – вдячність молодих літераторів, яким Короленко допоміг вийти на самостійний творчий шлях. Посилалися книжки в надії й на відгук. І справді, Короленко опублікував немало рецензій на одержані книжки. Ще більше – посилав авторам листів-рецензій. На деяких книжках бачимо й негативні репліки.

У цій дорогоцінній колекції є книги відомих письменників і сучасників Короленка: К. Бальмонта, В. Бонч-Бруєвича, І. Буніна, В. Вересаєва, М. Горького, М. Коцюбинського, А. Купріна, Д. Маміна-Сибіряка, Панаса Мирного, Г. Мачтета, А. Серафімовича, К. Станюковича, Н. Телешова, К. Тимірязева, І. Тобілевича, А. Чехова, Шолом-Алейхема та ін. За кожним автографом ховається цікава історія взаємостосунків Короленка з тими, хто надсилав йому свої книжки, а це часом невідомі сторінки нашої культури.

Короленко був першим письменником, якого зустрів початкуючий поет К. Бальмонт і від якого він почув «перші привітні слова». «Улюбленому письменнику» він подарував 7 своїх збірок. На чистих аркушах «Сборника стихотворений» (1890) збереглися вписані від руки вірші «Ночь прошла... Я проснулся при свете роскошного дня» і «Когда б я Богом был...»

Автографи М. Горького з короленківської бібліотеки частково вже описані. Перші книги Горький відіслав своєму «учителю» 1898 року, вони не збереглися. Вціліло чотири автографи. Серед них – спогади Горького про Льва Толстого з надписом «учителю и наставнику» (датована 28.11.1921). В цій книзі є помітки Володимира Галактіоновича: відкреслювання тексту, підкреслення, знак NB, поправка в цитаті з вірша А. Фета.

Дружній зв'язок Короленка і Маміна-Сибіряка підтверджується вісьмома книгами уральського письменника, подарованими в період з 1888 по 1902 рік. «Одному з найулюбленіших і найсимпатичніших письменників» подарував п'ять своїх книг Григорій Мачтет. Збереглося 9 книг поета-народовольця, члена редакції журналу «Русское богатство» П. Якубовича (Л. Мельшина). У деяких автор відновив викинуті цензурою рядки. Збірка «Стихотворения». – Т.1. – СПб, 1910, 6-те вид.) помережена помітками Короленка, які дають багатий матеріал для дослідника історії взаємин Якубовича й автора «Історії мого сучасника».

Купрін надіслав «глибокошановному Володимиру Галактіоновичу Короленку на добру пам'ять» 6-ту книжку збірника «Знание» (1905), де опубліковано його «Поединок». Книжка подарована у травні, а в липні Коро-

ленко писав у відгуку, що цей твір «нещадно зобразив звичаї військового середовища». А Серафімович на збірці своїх «Оповідань» (1903) написав, що Короленко був його першим учителем. Шолом-Алейхем книгою своїх творів, виданою у Варшаві, привітав Володимира Галактіоновича з 50-річчям...

За автографами можна скласти враження про вплив Короленка на молодих письменників. С. Кондурашкін назвав себе «літературним хрещеником» Короленка. «Літературною хрещеницею й ученицею» Володимира Галактіоновича вважала себе письменниця О. Ольнем (Цеховська), що співпрацювала з журналом «Русское богатство». Б. Лазаревський, висилаючи Короленкові свої «Повісті та оповідання» (1903), висловив у надпису «сердечне спасибі від імені всіх молодих авторів», до яких Володимир Галактіонович, за його словами, ставився «лагідно й уважно».

Деякі книжки надсилалися авторами з розрахунку на відгук знаменитого письменника. «На суд» Короленка прислав свою комедію «Жіноча справа» С. Мінцлов. Селянський письменник П. Палагін, надсилаючи книгу оповідань та віршів «Порывы», пише Володимиру Галактіоновичу листа (він приклеєний до титульного аркуша), в якому просить «не відмовити висловити» думку про його літературне обдарування і подати відгук у журналі. Короленко уважно прочитав збірник, відзначив низку кращих віршів, підкреслив мовні недоладності.

1903 року Короленко одержав книжку «Штрихи і настрої» від «щиро вдячного за добре ставлення» Алєксєя Мошина. Мабуть, ніяких стосунків між ними не було, тому слова «за добре ставлення» Короленко підкреслив й тут же написав: «Рекламіст». Одна із записаних Мошиним оповідок про Достоєвського зображувала його гарячим, крикливим у суперечці «до хворобливого виску». Короленко на березі написав: «Мабуть, неправда. Не схоже ні на Достоєвського, ні на його ставлення до свого минулого». Про книги Мошина Короленко опублікував несхвальний відгук в «Русском богатстве» (1904. – № 11).

Згадаємо також про автограф відомого революціонера і вченого Ніколая Морозова, який прислав Короленкові укладений ним збірник творів шліссельбурзьких в'язнів «Под сводами» (1909) і присвячений революціонерці Людмилі Волкенштейн. Автограф «глибокошановному і дорогому Володимирові Галактіоновичу Короленку від люблячого всім серцем Н.Морозова», датований 16 червня 1909 року, дає ключ для вивчення стосунків між ними. Автографів Морозова збереглося взагалі небагато, тому знахідка в музеї Короленка має неабияку цінність.

Своєрідною є книга Н.Шаховської «В.Г. Короленко. Спроба біографічної характеристики», яка була вислана автором у квітні 1912 року і яку прочитав Короленко з олівцем в руці. В деяких місцях він написав

«верно», «неверно», дещо уточнив («лицо вымышленное)», дещо виправив. Свої зауваження письменник виклав потім в широкому листі до Н. Шаховської[16].

Про багато цінних видань із помітками Короленка тепер можно дізнатися лише з інвентарної книги. Зникли деякі книжки з автографами М. Горького, К. Бальмонта, Ф. Батюшкова, Ф. Волховського, В. Гольцева, А. Коні, В. Лесевича та ін. Втрати ці варті жалю.

І все ж збережена частина бібліотеки великого письменника є безцінним скарбом не лише Полтавського літературно-меморіального музею В.Г. Короленка, а й російської та української культури в цілому.

1. Ця цифра названа в «Доповідній записці в Наркомпрос РСФРР про стан архівних і музейних матеріалів В.Г. Короленка та їх збереження», складеній С.В.Короленко в 1944 р.; копія зберігається в Полтавському літературно-меморіальному музеї В.Г. Короленка.
2. *Морозова Т.Г.* Библиотеки в жизни В.Г. Короленко //Библиотеки СССР: Опыт работы. – М., 1962. – Вып. 21. – С. 136–147.
3. *Короленко С.В.* Доповідна записка... – С. 21.
4. *Донской Я.Е.* Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя. 1900–1902. – Х., 1963. – С. 47.
5. Лист П.А. Митропана від 2 травня 1976 р. Бєлград. Архів автора.
6. *Короленко С.В.* Доповідна записка... – С. 2.
7. Там само.
8. *Осокин В.* Экслибрис Короленко //Вечерний Ленинград. – 1966. – 26 июля.
9. *Короленко С.В.* Доповідна записка... – С. 20–21.
10. Тут і вище: *Короленко С.В.* Переезд В.Г. Короленко в Полтаву и история его музея //Путеводитель по музею В.Г. Короленко. – М., 1955. – С. 5.
11. *Миндлин Э.* Необыкновенные собеседники. – М., 1968. – С. 226.
12. *Донской Я.Е.* В.Г. Короленко. Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя.– Х., 1963. – С. 47.
13. Напис опубліковано: *Короленко В.Г.* Собр. соч. – Т.4. – М., 1954. – С. 489.
14. Опубл.: Семидесятилетие со дня рождения В.Г. Короленко. – Полтава, 1923. – С. 11.
15. Відб. оповідання «Парадокс» //Русское богатство. – 1894. – № 12.
16. Литературное наследство. – Т.87. – М., 1977. – С. 614–618.

Г.М.Єрофеєва

ГРОМАДСЬКА ІНІЦІАТИВА В.Г. КОРОЛЕНКА В ОРГАНІЗАЦІЇ БІБЛІОТЕК

Невпинна й багатогранна громадська діяльність В.Г. Короленка була втілена у конкретні справи, у тому числі у створення громадських, просвітницьких організацій, товариств, зокрема публічних бібліотек.

Не без підстав викликає сьогодні особливе зацікавлення бібліотечної громадськості питання про ставлення В.Г. Короленка до книгозбірень, про внесок у їх організацію та управління, бібліотечну практику. Традиційно-узагальнене уявлення про цю грань благодійницької роботи письменника подано у спогадах сучасників, у нарисі відомого короленкознавця Т.Г.Морозової [1].

Проте це питання чекає ширшого розгляду в контексті історичного бібліотекознавства, уточненого та поглибленого висвітлення деяких аспектів теми, пов'язаних насамперед з Україною. Підґрунтям вивчення нами сторінок історії бібліотечної справи стали праці першорядного значення: спогади, епістолярна, публіцистична спадщина В.Г. Короленка, звіти бібліотек, у тому числі Полтавської громадської, Харківської громадської, інших харківських бібліотек; видання органів місцевого самоврядування Полтавської та Харківської губерній.

Плідна діяльність В.Г. Короленка припадає на період докорінних змін у бібліотечній справі кінця XIX – початку XX ст., глибокого розуміння своїх обов'язків передовою інтелігенцією. На думку Володимира Галактіоновича, бібліотечна справа має бути спрямована на реалізацію культурно-просвітницьких, суспільно-політичних цілей. Він був переконаний у тому, що успішний розвиток бібліотек залежить від уміння управляти ними, від умілого використання книги як великої впливової сили виховної роботи. В.Г. Короленко вважав, що результативність керівництва читанням як стрижня бібліотечної діяльності залежить від соціальної активності бібліотекаря, його особистої зацікавленості, ненав'язливих засобів популяризації бібліотечного фонду, якісного за складом та повнотою.

В.Г. Короленко впроваджував своє бачення призначення загальнодоступних бібліотек у м. Глазові Пермської губернії, Нижньому Новгороді, Полтаві. Перебуваючи студентом Петровської сільськогосподар-

ської академії у 1874 р., майбутній письменник як завідуючий бібліотекою студентського сходу особливу увагу надавав організації та пропаганді книжкового фонду, формуванню мотивів читання молоді.

У Нижньому Новгороді В.Г. Короленко брав участь у керуванні бібліотекою Всестанового клубу (1893–1896), прийнятті конкретних рішень у розвитку бібліотечної справи краю. Він поглиблено вивчав інтереси читачів місцевої громадської бібліотеки, застосовуючи комплекс методів і засобів наукового дослідження, обґрунтовано установлював взаємозалежність між соціально-політичними, економічними і культурними потребами та запитами на твори друку. З метою активного поширення прогресивних громадських та просвітницьких ідей В.Г. Короленко-бібліотекар уважно ставиться до комплектування фонду, організації систематичного каталогу та картотеки журнальних статей. Він залучає письменників А. Ульянова, А. Панова, К. Дерунова до добору книг для народних читань, організації вечорів, лекцій.

Уміння Володимира Короленка бачити та вирішувати громадські проблеми знадобилося при заснуванні бібліотеки у м. Пермі, де він перебував у засланні у 1880–1881 рр. За наполегливим клопотанням В. Короленка – члена правління Уральско-Гірничозаводської залізниці, було організовано книгозбірню для службовців-залізничників.

Відчутною була допомога В.Г. Короленка у справі організації та управління бібліотечною мережею Полтави. З особистою відповідальністю поставився він до виконання обов'язків із керівництва місцевими бібліотеками, оскільки, на його думку, від цієї діяльності залежить успіх усієї бібліотечної роботи. Ділові якості письменника, набутий ним бібліотечний досвід, його популярність серед місцевого товариства – все це допомогло йому як голові правління Полтавської громадської бібліотеки (1901–1908) успішно розв`язувати складні управлінські, нормативно-правові питання, регулювати адміністративно-господарські відносини.

Участь В.Г. Короленка у колегіальному управлінні розвитком Полтавської громадської книгозбірні та двох її відділень – бібліотек-читалень полягала у виконанні ним функцій внутрішньої організаційної роботи (добір та розподіл обов'язків між членами бібліотечного органу управління, добір бібліотекарів для обслуговування читачів; покращення матеріально-побутових умов роботи бібліотеки; формування книжкового фонду, облік кошторисів тощо), а також функцій із налагодження взаємозв'язків із представниками місцевої влади (губернатором, земством, міськими думою та управою), партнерами (бібліотечними, книговидавничими, культурно-освітніми закладами, товариствами), меценатами. За рішенням загальних зборів бібліотеки (14 жовтня 1901 р.)

В.Г. Короленко ввійшов до складу комісії з керівництва її дешевим відділенням, яке носило ім'я О.С. Пушкіна. Він брав участь у розробці правил користування бібліотекою, збиранні пожертвувань, пошуку приміщення, підготовці каталогу книг. Благодійну допомогу надали Харківська громадська бібліотека, Харківське товариство поширення у народі грамотності: до фондів Пушкінської бібліотеки-читальні у Полтаві було надіслано велику кількість книг та журналів. На урочистому відкритті дешевого відділення (9 грудня 1901 р.) голова Полтавської міської Думи В.П. Трегубов відзначив плідну працю групи ініціаторів її заснування, зокрема В.Г. Короленка.

Чимало зусиль було витрачено письменником під час виконання ним обов'язків голови підготовчої комісії з організації бібліотеки-читальні ім. М.В. Гоголя (друге відділення Полтавської громадської книгозбірні було відкрито 14 листопада 1903 р.). За участю В.Г. Короленка в цій бібліотеці було сформовано книжкову колекцію ювілейних, рідкісних та цінних творів великого письменника, уродженця Полтавщини Миколи Гоголя.

На підставі наведених фактів можна стверджувати, що В.Г. Короленко приділяв значну увагу роботі з упорядкування фондів полтавських бібліотек. За пропозицією Губернського земства він брав участь у моделюванні книжкового ядра народних сільських бібліотек-читалень. Окрім виконання технологічних процесів цього напрямку бібліотечної роботи, письменник цілеспрямовано відстоював права публічних бібліотек щодо демократичних принципів формування документальних фондів. У 1901–1904 рр. за дорученням правління загальних зборів Полтавської громадської бібліотеки В.Г. Короленко звертається до міської думи, управи, губернатора Полтавської губернії, зокрема з проханням про докомплектування бібліотечного фонду творами Ніколая Добролюбова [2], про усунення будь-яких заборон щодо надходження книг, дозволених загальною цензурою, до народних бібліотек.

Посилене комплектування та пропаганда книг суспільно-економічної тематики Полтавською громадською книгозбірнею у 1905–1908 рр. викликало занепокоєння у місцевої влади. Членів бібліотечного правління було обвинувачено у поширенні політичної літератури серед місцевого населення. Реакційні представники міської думи засуджували активні дії В.Г. Короленка, спрямовані проти свавілля органів місцевого самоврядування щодо заборони публічних лекцій, зокрема лекції з історії російської літератури приват-доцента Московського університету І.І. Іванова. Через це дума відмовилася асигнувати Громадську бібліотеку на 1906 р.

Цінуючи книгу та глибоко розуміючи її значення у житті людей, В.Г. Короленко завжди відгукувався на численні прохання бібліотечних колективів, громадських, професійних товариств, закладів освіти, окремих осіб (з молоді, робітників, політкаторжан, засланих) про дарування книг, насамперед його власних творів. Щедрі книжкові подарунки від письменника надходили до бібліотек Якутська, Нижнього Новгорода, Калуги, Полтавщини та інших регіонів країни. У 1902 р. до фонду організованої за ініціативою Х.Д.Алчевської бібліотеки Харківського товариства взаємодопомоги працюючих жінок було надіслане повне зібрання творів В.Г. Короленка.

Нині світле ім'я Володимира Галактіоновича Короленка, «сіяча розумного, доброго, вічного» носять Харківська державна наукова бібліотека – одна з найбільших бібліотек України, обласні та міські бібліотеки у Чернігові, Маріуполі, Зенькові, Москві, Санкт-Петербурзі, Глазові, Армавірі та багато інших книгозбірень.

1. *Морозова Т.Г.* Библиотеки в жизни В.Г. Короленко //Библиотеки СССР: Опыт работы. – 1961. – Вып. 21. – С. 136–147.
2. Написаний В.Г. Короленком текст звернення «В Полтавскую городскую управу от Комитета городской общественной библиотеки» (жовтень–листопад 1901 р.) див.: Короленко В.Г. Воспоминания. Статьи. Письма. – М., 1988. – С. 357–358.

Л.В. Витенко

ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО И ПОЛТАВСКАЯ ЛИГА СПАСЕНИЯ ДЕТЕЙ

В 1886 году в семье Короленко родилась дочь. Но родившаяся с ребенком отцовская любовь распространила чувство ответственности и на другие детские жизни, а с ними вместе и на условия среды и быта, в которых им суждено жить. В.Г. Короленко писал в дневнике: «В такие минуты особенно ясно ощущаешь, что все мы, довольные и счастливые, роковым образом, коллективно виноваты перед всеми несчастными, в том числе и этот чистый, невинный и беспечный ребенок, лежавший среди довольства, обилия и ласки, в то самое время, когда рядом плачут на ветру и в темноте такие же неповиные дети…» [6, с. 157].

Жизнь, творчество и общественно-политическая деятельность Владимира Галактионовича Короленко тесно связана с Полтавой. В этот тихий провинциальный городок он вместе с семьей переехал в 1900 году. Именно здесь писатель мечтал осуществить давние литературные замыслы, поправить здоровье. Но бурные события политической жизни, охватившие страну в начале XX века, не обошли стороной Полтаву. В круговороте социальных потрясений В.Г. Короленко не мог оставить без внимания страждущих людей, а тем более детей. Поэтому именно в 1918–1921 годах роль Владимира Галактионовича как правозащитника проявилась по-особенному. Он взял на себя новую миссию – решение проблем социальной защиты детей.

Начатый в 1917 году большевистский эксперимент, направленный на немедленное строительство коммунистического общества, а также четырехлетняя братоубийственная гражданская война привели страну к разорению, полному уничтожению народного хозяйства, голоду. В.Г. Короленко уже в начале 1920 года предчувствовал и предсказывал будущую трагедию. Причину несчастья, надвигающегося на Россию, писатель видел прежде всего в ликвидации большевиками частной собственности на землю и внедрении продовольственной раскладки для крестьян – самого главного элемента политики «военного коммунизма». «Наше правительство погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у нее землю,

и теперь земля лежит впусте» [9, с. 216]. Естественный товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством заменили насильственным извлечением хлеба у крестьян. «Все будто столкнулось так, чтобы породить голод: самые трудоспособные элементы народа, самые разумные и знающие сельское хозяйство преследовались и убивались. Настоящий голод не стихийный. Он порождение излишней торопливости: нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перевес, а самые трудоспособные подавлены» [9, с. 215].

Уничтожение экономического строя страны после Октябрьского переворота 1917 года, разрушение семьи, безработица родителей толкают на улицу сотни подростков, лишая их возможности учиться. Обездоленные дети сбиваются в стаи, в которых процветает насилие, преступность. В поисках хлеба и тепла они двигаются на юг, в том числе и в Полтаву. Дикие бездомные дети на улицах города представляют собой обычное явление. В.Г. Короленко первый привлекает внимание власти и общественности к проблеме спасения подрастающего поколения. Гибель сотен невинных детей воспринимается им как трагедия всемирного масштаба, которая свидетельствует о разрушении в обществе универсальных человеческих ценностей – милосердия и сочувствия. Он призывает людей к активным действиям, руководствуясь лишь одним желанием – защитить право детей на жизнь, уберечь их от физического и духовного вымирания.

Осенью 1918 года в условиях австро-немецкой оккупации, а также правления гетмана Скоропадского среди русской интеллигенции Полтавы возникает идея создания благотворительной организации, которая взяла бы на себя заботу о детях-сиротах и беспризорных. В.Г. Короленко берет на себя инициативу обращения к властям касательно спасения детей в масштабах всей страны. Он высказывает Х.Г. Раковскому, председателю Совнаркома УССР, мысль о необходимости создания чрезвычайного государственного органа защиты детей, сам же, не ожидая решения местных чиновников, инициирует создание в Полтаве общественной организации – Лиги спасения детей, объединившей в дальнейшем около 200 интеллигентов города. Руководящим органом Лиги было правление (Совет уполномоченных), состоящее из 7 членов и 3 кандидатов. Из своей же среды выбирались: председатель, его заместитель, казначей и секретарь. Возглавлял организацию Семен Борисович Вексель. Членами правления были избраны Софья Владимировна Короленко – старшая дочь писателя и ее подруга – Мария Леопольдовна Кривинская, ведавшая хозяйственной частью, а сам Владимир Галакти-

онович занял место почетного председателя Лиги. Они же добровольно взяли на себя обязанность помочь несчастным детям России и Украины выжить в условиях голода, на фоне которого процветала цинга, дизентерия, тиф и холера.

Разные власти относились по-разному к Лиге спасения детей, во всяком случае, с некоторой недоверчивой осторожностью к ее политической окраске. Гетманское правительство считало ее социалистической организацией, Украинская Директория – большевистской, Советское правительство – буржуазной. Но Владимир Галактионович в своих выступлениях, воззваниях, обращениях старается подчеркнуть, что деятельность Лиги вне политики, что ее единственная цель – помощь и защита детей от голода и вымирания [9, с. 81].

5 ноября (23 октября по старому стилю) 1918 года в «Киевской мысли» № 205 была напечатана статья В.Г. Короленко «На помощь русским детям», которая потрясла всю передовую общественность как России, так и Украины: «Что делается в русских столицах, – всем известно. Жизнь Петрограда и Москвы замирает. На улицах, уже порастающих травой, можно видеть по несколько дней неубранные трупы лошадей. Трупы людей, умирающих с голоду, убираются быстрее.

Не нужно много воображения, чтобы представить себе, что при этих условиях происходит с детьми... «В наших детях наше будущее» – это ходячая фраза. Дети в Петрограде вымирают сотнями – это ужасная истина...

Что же делается против этого ужаса?

<...> Еще в феврале текущего года, когда продовольственный кризис стал принимать угрожающие формы, в Петроградском областном комитете Союза городов возникла мысль об эвакуации возможного количества детей из столицы. В мае удалось составить для эвакуации детские группы в 30–35 детей. Из 14–15 групп составили одну колонию, и такие колонии в сопровождении врачей и фельдшериц отправлялись куда-нибудь в более спокойные и не страдающие от голода места России. И матери сами отправляют в путь неведомый и опасный своих даже семилетних детей. <...> В комиссии наблюдались потрясающие сцены, когда измученные матери, несмотря на предупреждения членов комиссии об опасностях в пути и необеспеченности даже на новых местах от случайностей междоусобия, заявляли, что им легче перенести гибель детей от шальной пули, чем глядеть изо дня в день на мучительное медленное умирание ребенка от голода и слышать его замирающий стон: хлеба! хлеба! Так была пристроена одна колония в Миассе Оренбургской губернии. Боевые действия чехо-словаков помешали другой устроиться в Петропавловске, и она, в конце концов, нашла приют на Урале,

тоже неспокойном. Третья детская стайка пугливо скитается среди крови, ужаса и взаимных жестокостей...

И вот взгляды людей, занятых этим истинно человеческим делом, сами собой обращаются в сторону Украины.

<...> Печать оглашает известия о «Лиге спасения детей». Организуются филиальные отделения «Лиги» в Киеве, Одессе, Харькове, Екатеринославле, Херсоне...» Далее, призывая к организации общественной помощи детям Украины, В.Г. Короленко пишет: «Конечно, одной благотворительности мало. Ее усилия не в состоянии прекратить в корне этот ужас массового детского вымирания. Но все-таки сотни, может быть, тысячи жизней будут спасены. Будем же помнить это и поможем доброму делу...»

В своем воззвании В.Г. Короленко призывает братские славянские народы объединиться для общей деятельности: «Пусть эта помощь русским детям станет откликом Украины братьям по крови, с которыми она делила горе и радость, волю и неволю, тягости и надежды в течение трех столетий.

Неужели кто-нибудь на Украине возразит на это: «Геть. Це вражі діти». Или «У нас есть свои голодающие дети». Никогда одно доброе дело не мешает обществу одновременно делать и другое, а только еще усиливает его.

Минуют же, наконец, когда-нибудь эти тяжкие дни. Пройдет и война, и междоусобие, и взаимная вражда братьев. История скажет свое слово о спорных вопросах, их разделявших. Но что бы она ни сказала о предмете спора – одно можно предсказать безошибочно: если Украина приютит и поможет умирающим от голода детям северной столицы, то этот факт, сам по себе такой простой и ясный, засветится над ужасами и тьмою нашего мрачного времени... И его истинное значение ни для кого не будет спорным.

Итак, – привет на Украине Лиге спасения детей!»

Тем временем гетманский режим П.Скоропадского и австро-немецкая оккупация потерпели поражение. 17 декабря 1918 года газета «Полтавский день» сообщает об отречении гетмана:

«Всем, всем учреждениям Украины, всем войсковым частям и учреждениям.

Я, гетман всея Украины, в течение семи с половиной месяцев все силы свои клал на то, чтобы вывести страну из того тяжкого положения, в котором она находится. Бог не дал мне сил справиться с этой задачей. Ныне, ввиду сложившихся условий, руководствуясь исключительно благом Украины, я от власти отказываюсь».

В декабре 1918 года к власти в Украине пришла Директория и была возобновлена Украинская Народная Республика. Военные действия создавали большие помехи на пути сбора и отправки гуманитарной помощи из Украины в наиболее пострадавшие районы России. 1 января посредством Киевской газеты «Наш путь» В.Г. Короленко обращается к председателю Директории Украинской Республики В.К.Винниченко с просьбой об оказании содействия Лиге спасения детей: «Вражда и раздоры, разделявшие народности бывшей России, должны стихать у предела, где начинается детский возраст. За этими пределами должен господствовать один, общий для всех закон, закон человеческой взаимности. Полагаю, что это бесспорно. Когда-нибудь борьба стихнет на почве тех или других новых отношений. В отношении детей она не должна существовать уже ныне» [9, с.88]. Правительство Директории УНР, по словам писателя, «согласилось с идеей, которую несет Лига» [11, с. 43] и сообщило о своей готовности всячески способствовать ее деятельности. Впрочем, Украинской Народной Республике не удалось долго просуществовать, потому что правительство России вторично начало военную интервенцию против Украины. В таких условиях деятельность Лиги была парализована.

19 января 1919 года в Полтаву вступили красные войска. А уже 29 января, в условиях советской власти был зарегистрирован устав Лиги, в котором были сформулированы основные цели деятельности общественной организации: забота о детях-сиротах и беспризорных, спасение детей от голода, содействие умственному и физическому воспитанию, разработка вопросов правовой и социальной защиты. Средства для обеспечения Лиги должны были поступать со стороны пожертвований частных лиц, государства и общественных организаций. Все члены «Лиги» платили ежемесячные взносы в размере 10 рублей в год, а сотрудники помогали личным трудом. На протяжении короткого промежутка времени удалось собрать 25 тыс. рублей. И все же этого было не достаточно для того, чтобы обеспечить всем необходимым большое количество эвакуированных детей. Возникает мысль наладить доставку гуманитарной помощи из других стран. 3 января 1919 года А.М. Горький получает письмо от А.В. Луначарского: «Достигнуто почти полное соглашение по части доставки для русских детей некоторых продуктов питания американского происхождения. Дело стоит за обращением к американскому народу о разрешении такого ввоза, причем вряд ли мыслимо, с нашей точки зрения, чтобы обращение это было подписано правительством или кем-либо из его членов. Но дело, пожалуй, наладилось бы окончательно, если бы такое обращение исходило от группы больших

русских людей во главе с Вами» [9, с. 93]. Действительно, очень скоро нашелся такой «большой русский человек», им стал писатель Короленко. В феврале 1919 года он выступает с обращением к «Американцам» в надежде достучаться до их сердец и получить столь ожидаемую помощь для голодных детей: «В 1891–1892 годах некоторые местности России переживали страшные бедствия голода, о котором с участием говорили во всем мире. Говорили о нем и в Америке, и оттуда протягивалась рука помощи. Теперь бедствие во сто раз худшее охватило не те или другие местности, а всю страну, начиная со столиц. Вести, идущие из Москвы и Петрограда, леденят ужасом даже сердца, уже отвердевшие в атмосфере войны и междоусобия. Уже летом и осенью столицы переживали голод. <...> Тяжко карает взбунтовавшаяся природа своего недавнего властелина, забывшего законы человеческого братства, которые давали ему господство над слепыми силами бездушной стихии. Можно сказать, что кара, если это кара, – заслужена. Кем? Теми, кто может нести ответственность. Но дети, дети невинны. Они еще не вступили на арену этой страшной жизни, они еще не согрешили против ее законов. И все же они отвечают и расплачиваются первыми.<...>

О, если бы собрать и сконцентрировать эти угасающие взгляды, эти застывающие предсмертные детские слезы, эти замирающие детские стоны, – получился бы ядовитый состав такой страшной силы, которая способна надолго убить веру в жизнь, в конечное торжество правды и добра...

Подумайте, счастливые американцы, не найдется ли в ваших сердцах этого противоядия, чтобы показать, что в человеческих сердцах не иссякли еще родники человечности и любви под влиянием исступленных криков разбуженного «великой войной» отвечного зверя...» [9, с. 92]. Известно, что гуманитарная помощь из Америки была доставлена в детские колонии [12].

Не осталось незамеченным и обращение писателя к высшей власти. В январе 1919 года председатель Совнаркома УССР Х.Г. Раковский сообщает Владимиру Галактионовичу, что его предложение «возобновления помощи детям» принято В.И. Лениным и «остается только выработать техническую сторону дела» [11, с. 45]. 4 февраля 1919 года декретом СЖ РСФСР был создан государственный орган – Центральный Совет защиты детей во главе с народным комиссаром Министерства просвещения А.В. Луначарским. В марте аналогичный Совет создается в Советской Украине, его деятельностью руководит наркомат социального обеспечения. Он способствует организации губернских Советов. Полтавский губернский Совет защиты детей был зарегистрирован 27 мар-

та 1919 года, то есть через полгода со времени создания Лиги спасения детей. Совет работает при отделе социального обеспечения, имеет свой бюджет и сильную государственную поддержку, в отличие от Лиги, которая многого была лишена. В.Г. Короленко получает предложение возглавить полтавский Совет защиты детей, но отклоняет его, ссылаясь на слабое здоровье.

Сначала отношения этих двух схожих по своим целям структурных единиц складывались не весьма успешно. Из Москвы приходили телеграммы о необходимости прекращения деятельности Лиги и ее объединении с Советом. В.Г. Короленко во что бы то ни стало хотел сохранить независимость созданной им организации, которая руководствовалась лишь общечеловеческими принципами добра и милосердия. В апреле В.Г. Короленко в своем дневнике пишет: «<...> По-видимому, по нашему примеру, большевистским правительством образован Совет защиты детей, и наша Лига, понятно, поглощается этим правительственным учреждением. В нашем (небольшом) собрании решено, пока можно, работать вместе, сохраняя возможную самостоятельность» [5, с. 171]. Писатель хотел убедить руководство Совета, что Лига имеет право на существование, он надеялся на продуктивное сотрудничество, поэтому вместе с единомышленниками активно посещал заседания Совета защиты детей. «Время было тревожное. Мне пришлось хлопотать и, кроме того, участвовать в нескольких заседаниях по делам Лиги спасения детей» [5, с. 171]. На протяжении четырех месяцев с апреля по июль проводилось тринадцать заседаний. Больной и физически слабый Владимир Галактионович присутствовал на восьми. В конце концов, совместная работа Лиги спасения детей и Совета защиты детей привела к выработке общей стратегии и началу практических действий.

Первым общим делом Лиги и Совета стало размещение эвакуированных из советской России детей, страдающих от длительных болезней и голода.

«К нам прибыл делегат от училищ Московско-Нижегородского железнодорожного района с просьбой оказать содействие эвакуации детей. <...> 9 марта 1919 года было решено пойти навстречу этому предложению» [3]. И хотя не существовало реального плана выполнения поставленной задачи, было принято решение сделать все как можно быстрее, ведь «каждый день уносит десятки, может быть, сотни жизней. У нас просят помощи, мы должны оказать ее. В процессе работы мы будем ее расширять и совершенствовать до возможных пределов. <...> Делегат московско-нижегородского района уехал с определенными обещаниями, а правление Лиги принялось за работу. Удалось полу-

чить разрешение на помещение прибывающих детей в бывшем кадетском лагере и в пустующих помещениях монастыря. Приступлено к устройству распределительного пункта» [3]. Таким образом, приготовления для приема детишек из пострадавших районов подходили к концу.

И вот газета «Известия Полтавского Совета Рабочих Депутатов» сообщает о прибытии первой партии детей из Москвы. В своем дневнике 11 (24) июня 1919 года В.Г. Короленко записал: «Из столиц то и дело приходят большие детские эшелоны, которые размещаются по уездам. Во всем этом много недостатков: крестьяне не очень охотно принимают этих кацапско-советских детей, и небольшая партия уже вернулась из одного уезда. Дети были голодны, среди них оказались тифозные, и они говорили, что очень жалеют, что не остались в Москве. Эти дети помещены в распределительный пункт, устроенный Лигой (главным образом моей Соней). Больных отправили в больницу, здоровых накормили» [5, с. 195]. Писатель призывает население не разделять детей по национальной и религиозной принадлежности. Обращаясь в Совет защиты детей, он предлагает строить общие действия «на широком основании терпимости, братства, отсутствия национальной исключительности» [9, с. 104].

К середине лета 1919 года на Полтавщине нашли для себя приют 9300 детей из России, в основном из Москвы. Кроме того колонии пополнялись украинскими детьми, которые составляли около 30 процентов от общего количества. Они были расселены по всей Полтавской губернии: Полтавский уезд – 700 детей из Московско-Нижегородского железнодорожного района, Кобеляки – 750 детей из этого же района, Лубны – 700 детей из Замоскворецкого района, Константиноград и Миргород – 1200 детей Басманского района, Гадяч – 650 Сушивского района, Зиньков – 1050 Лефортовского района, Хорол и Золотоноша – 2750 Пресненского и Рогожско-Семеновского районов [11, с. 47].

Лига инициировала начало всеукраинской акции предоставления приюта и оздоровления для них. С этой целью начали создаваться колонии и специальные приемники для таких детей. Александр Васильевич Свешников (в будущем – выдающийся хоровой дирижер, народный артист СССР), приезжавший тогда из Москвы к писателю в Полтаву, вспоминал: «В.Г. Короленко за это время провел огромную подготовительную работу: ходил по учреждениям, лично договаривался обо всем, добился разрешения на поселение детей в окрестных имениях, хлопотал об обеспечении колоний деньгами и продуктами» [5, с. 510]. Самая большая колония была расположена в селе Трибы вблизи Полтавы, другие, несколько меньше – на территории летних лагерей бывшего кадетско-

го корпуса, в помещении женского Крестовоздвиженского монастыря, в бараках на Шведской могиле, в конфискованных с этой целью пригородных дачах зажиточных граждан. Одновременно создавалась и хозяйственная база Лиги. «...нами был организован большой продуктовый склад, снабжавший наши колонии. Короленко требовал строжайшего учета, говоря, что у нас не должен исчезнуть ни один грамм» [1, с. 510], – вспоминал А.В. Свешников. Были также открыты пункты санитарно-медицинской помощи, бани, изоляторы для больных детей.

Органам защиты необходимо было в первую очередь обеспечить выживание и обучение прибывавших воспитанников. Решение этих задач усложнялось разновозрастной комплектацией детских учреждений, а также отсутствием самых необходимых материалов и оборудования. Кроме того, колонии лишь частично финансировались органами советской власти, поэтому дети были вынуждены самостоятельно работать в мастерских и на огородах. Учителей и книг не хватало, приходилось собственноручно изготавливать для себя примитивные учебники. С целью привлечения детей к общественно-полезной деятельности Лига открыла закройную и пошивочную мастерскую по производству игрушек, а также небольшую конюшню и ферму. А.В. Свешников свидетельствует: «В своих заботах о детях Короленко был неутомим. Он вникал во все мелочи. Например, у нас были большие затруднения с обувью. Во что обуть детей? Короленко подал мысль сшить обувь из шинельного солдатского сукна, а подметки сделать деревянные. Так и поступили. Он же хлопотал о пальто для детей» [1, с. 510].

Без устали работали в Лиге родные и близкие Владимира Галактионовича: «Моя Соня и ее подруги, сестры Кривинские и Роза Ал. Рабинович, все силы отдают детям. Начиная от Лиги защиты детей и потом, войдя от Лиги в Совет Защиты, Софья, а с нею и ее подруги устроили целый ряд превосходно поставленных детских учреждений. Соня и Маня Кривинская устроили детскую больницу на 300 детей, интернат и другие учреждения в бывшем здании института. <...> Одна из сестер Кривинских заведует домом материнства и младенчества, другая приютом. Тут есть и мастерские, вообще целая серия прекрасных учреждений, где силы Лиги защиты детей работали вместе с Совзащитой детей» [5, с. 300–301]. Роза Рабинович еще ранее заведовала «Каплей Молока», где грудные дети получают гигиенически приготовленное молоко и другие продукты.

Вместе с тем Лига спасения детей начала кампанию сбора пожертвований (продуктов питания, белья, посуды и т.п.) среди населения Полтавщины. С этой целью сотрудники лиги проводили разнообразные

общественно-политические кампании: «Недели голодного ребенка», «Недели сухаря» и др. Таким образом, на протяжении короткого времени среди жителей Лохвицкого уезда было собрано 4050 пудов хлеба, 84 пудов масла, 75 пудов мяса, 54 тыс. штук яиц [4].

Летом 1919 года деникинские войска пошли в наступление на Украину. 24 июня на заседании Совета защиты детей было решено передать в распоряжение Лиги все детские учреждения Полтавщины. «К Лиге спасения детей из «Социального обеспечения» обратились с предложением принять на себя, в случае отступления большевиков, заботы о детях (колониях и интернатах). <...> Нам не осталось ничего, – как выразить согласие» [5, с. 195]. «Для того чтобы русские (да и местные дети) не остались опять без хлеба, – решено, что представительство перед деникинцами за все детские колонии возьмет на себя Лига. Для этого совет защиты передает нам продукты не менее чем на неделю и 2 миллиона денег» [5, с. 204]. Но в результате очередного политического переворота все банки закрывались, а деньги их захватывались эвакуирующимися большевиками. Члены организации приняли решение заранее взять предложенную сумму в 2 миллиона и положить ее в какой-нибудь банк, забронировав от конфискации. Вскоре исполком действительно выделил деньги, но положить их куда бы то ни было не удалось. С 28-го на 29-е июня административные учреждения Полтавы работали всю ночь. «Молодая девушка Дитятева, очень симпатичная большевичка, отправилась в казначейство и, взяв чемоданчик с 2-мя миллионами, принесла их в «совзадет» (часа в два ночи!)» [5, с. 204]. Деньги приняла Софья Владимировна Короленко. Она же принесла их домой, не подозревая, какую угрозу навлекает тем самым на собственную семью. В отличие от дочери, Владимир Галактионович «...находил все это чрезвычайно опасным: наверное, об этом болтают большевики, и 2 миллиона уже, наверное, привлекли внимание бандитов» [5, с. 204]. Он понимал, какая страшная ответственность ложится на их плечи – необходимо, что бы ни случилось, сохранить эту огромную сумму, от которой зависело существование тысяч детей. Писатель тревожился: «А ведь мы беззащитны против налета. Соня с молодой беспечностью нашла мои опасения преувеличенными» [5, с. 204]. Владимир Галактионович, обладавший тончайшей интуицией, не ошибся и на этот раз: «...мои опасения сбылись. За нашей квартирой уже следили. Перед вечером мы все заметили какие-то две фигуры, которые бродили около наших ворот. <...> Часов около 11-ти, – еще засветло, все мы были на балконе или в галерее, к нам постучались с улицы. Эти дни мы были осторожны. <...> Вошли два субъекта странного вида с револьверами у пояса. Оба были выпивши и принялись тол-

ковать что-то невразумительное» [205]. «Один остался со мной в коридоре, другой пошел в переднюю и сделал «для страха» выстрел. Увидев, в чем дело, я кинулся в переднюю и быстро схватил бандита за руку с револьвером. Дуня (Евдокия Семеновна Короленко – жена писателя) и Наташа (Наталья Владимировна Ляхович – младшая дочь) кинулись мне на помощь. Во время борьбы последовал второй выстрел. По-видимому, он назначал его мне, но мне с помощницами удалось отвернуть руку – и пуля попала в дверь. Другой в это время мог бы перестрелять нас, но, по-видимому, он сообразил, что это бесцельно: выстрелы могли уже привлечь внимание, и денег унести все равно бы не удалось, тем более, что Соня, выскочив в окно, унесла чемоданчик к соседям. Посему разбойники поторопились убежать. <...> Весь налет совершен, очевидно, неопытными в этих делах новичками: все было сделано глупо. Они, очевидно, рассчитывали на чисто овечью панику, которая обыкновенно охватывает обывателя в таких случаях. В моей семье они этого не нашли.

<...> Теперь деньги помещены уже в возможно безопасное место. Большевики быстро эвакуируются. Возможно вступление деникинцев» [5, с. 207].

В ночь с 28 на 29 июля в Полтаву вступили части Добровольческой армии. Большевики отступили.

Впрочем, деньги, выделенные большевиками перед отступлением, быстро закончились, и дети в учреждениях Лиги оказались без средств для существования. Нормы выдачи хлеба сократились до 0,25 фунта в день. Приближалась осень, а помещения детских учреждений не были приспособлены для отопления, ребятишки не имели теплой одежды. Сотрудники Лиги принимали срочные меры – собирали необходимые средства, обращались за помощью к различным лицам. Часть денег получили из Киевского Красного Креста, что позволило некоторое время продержаться. Правительство Деникина в Ростове обещало выделить для детей 10 миллионов рублей, но до Полтавы эти средства так и не дошли. Поэтому Лига была вынуждена передать большинство детских учреждений на содержание возобновленных Деникиным органам местного самоуправления – земствам и Думам. В ведении Лиги остались только еврейский приют «Ясли», молочная кухня «Капля молока» и некоторые другие учреждения, в которых находились дети-сироты.

К сожалению, принятые меры не решали проблему обеспечения русских детей, и 5 августа, в условиях деникинского режима, В.Г. Короленко пишет письмо московским железнодорожникам, чьи дети находились на Полтавщине: «Правление общества «Лиги спасения детей» сообщает вам о тяжелом положении, в котором находятся в настоящее

время детские колонии Полтавской губернии. Советская власть, уходя из Полтавы, оставила нам всего 2 миллиона на все детские колонии, т.е. на 7000 детей. Половина этой суммы уже израсходована, и если «Лига» не получит новых средств, – дети обречены на голод. К тому же реэвакуация вследствие продолжительной гражданской войны невозможна, детям придется зимовать на Украине, неодетыми, разутыми и к перспективе голода присоединится еще и холод...

«Лига» обращается к вам, родителям, с предложением найти способы доставить сюда денежные средства. В противном случае почти неизбежна грозная катастрофа» [9, с. 125].

Председатель Московского Совета Л. Каменев подал это прошение на рассмотрение Малого Совнаркома РСФСР, но положительного ответа не последовало. Тогда Л. Каменев доложил о нем на объединенном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). В результате обсуждения было: «Признано желательным оказать помощь через надежных людей. Вопрос о размерах помощи предложить решить Малому Совету» [9, с. 126]. Но, к сожалению, никаких данных, подтверждающих передачу денег для детских колоний, не обнаружилось.

В октябре 1919 года часть детей при наступлении добровольцев успела эвакуироваться вместе с отступавшей Красной Армией, но «оставшиеся три тысячи ребят были разбросаны в разных уездах и находились в очень тяжелых условиях. Учительский персонал не везде был на месте, внутренние трения порой кончались доносом в контрразведку. Объезд колоний для раздачи денег был сопряжен с большой опасностью» [7, с. 345]. В последующие месяцы в Полтаве происходили весьма тревожные события. Вернувшись из Шишак в Полтаву 11 января 1920 года, В.Г. Короленко записал в дневнике: «...деникинцы бежали в панике, совершенно так же, как ранее большевики. Смотришь кругом – и не видишь, откуда придет спасение несчастной страны. <...> Затем в течение нескольких дней (почти две недели) Полтава переходила из рук в руки, кажется до 20-го (XII/1919), когда вслед за бандитами, вступили в город большевики. Надо отдать им справедливость: они тот час же прекратили грабежи и убийства и отослали банды на какой-то фронт. <...> Вскоре после вступления большевиков порядок в Полтаве установился» [5, с. 252–255]. Теперь в распоряжение Лиги перешло помещение прежнего Института благородных девиц, где устроили лазарет для больных детей на 150 коек. Выросла трудовая колония в Трибах.

Несмотря на все старания, состояние детей в учреждениях Лиги оставалось критическим. Полтавщина была охвачена пламенем крестьянских восстаний против большевистского режима. При этом органы советской

власти на местах почти не выделяли средств для обеспечения детей, между тем содержание одного ребенка обходилось более чем в тысячу рублей на месяц. Как и раньше, не хватало одежды и обуви. Лишь в январе 1920 года из Кременчуга пришла партия заказанной Лигой обуви из сукна на деревянной подошве. В Кобелякском и Полтавском уездах часть детей заболела сыпным тифом. Не хватало учебных помещений – уроки проводились прямо в спальнях и столовых [10, с. 49]. Да и сама природа выдвигала «свой «фронт». Озими прошлой осенью погибли все, а теперь засуха истребит яровые хлеба. Чистое бедствие, а человек ведет себя, как стадо слепых животных, воюющих и скалящих зубы друг на друга...» [9, с. 145].

24 марта 1920 года правление Лиги спасения детей обратилось к правительству Советской России с просьбой направить делегацию за границу с целью выяснения условий закупки необходимых продуктов для голодающих детей и доставки их на Украину. В.И. Ленин, видевший во всем вражеские происки, не поверил в истинные намерения В.Г. Короленко и его единомышленников. Ленин попросил высказать свою мысль по этому поводу т. Дзержинского, на что он с чекистской прямотой ответил: «Считаю, что отпускать для этой цели за границу Кускову, Салтыкова и других вредно. <...> По сути так же считаю, что кормить наших детей заграница не будет» [11, с. 50]. В результате поездка российской делегации за границу с гуманитарной миссией была запрещена и дети большевистской России остались без помощи. Политические амбиции большевиков взяли верх над гуманизмом, судьба российских детей их мало волновала.

В связи с укреплением большевистского режима в Украине обучение и воспитание детей все более переходило под контроль советской власти. В начале 1920 года Лига передала губернскому отделению социального обеспечения Дом младенца на 30 мест, приют-ясли для детей до четырех лет на 30 мест, молочную кухню «Капля молока» для грудных детей на 150 человек и другие учреждения [11, с. 50].

Май 1920 года стал началом полной реэвакуации детей из Москвы и Петербурга. «После того, как последний поезд с русскими детьми уехал в Москву и увез последнюю стайку колонистов (было это 28 мая), – пишет Владимир Галактионович, – мне доставили следующий плод детского коллективного творчества. Мне уже раньше рассказывали об этой песенке, которую дети сами сложили, положили на музыку (вероятно, какой-нибудь известный ранее мотив) и пели хором:

Прощай, колония родная,
Прощайте, все мои друзья,

Прощайте, нивы золотые
И голубые небеса! <...>
С каким восторгом я встречаю
Свою прелестную Москву!
Но что же, что вдруг замечаю:
Она наводит лишь тоску.
Любовь Васильевна, простите,
Что мы шалили много раз.
Нам грустно с вами расставаться,
Мы крепко, крепко любим вас…

Так приятно среди мрачных впечатлений современности отметить этот непосредственный цветок детского творчества!» [5, с. 309].

Впрочем, на этом деятельность Лиги не прекратилась, ведь в колониях оставались местные дети. Советское правительство, в свою очередь, во что бы то ни стало, решило установить полный контроль над благотворительной организацией. В марте 1921 года В.И. Ленин пишет наркому здравоохранения Н.А. Семашко: «Очень прошу назначить специальное лицо (лучше известного врача, знающего заграницу и известного за границей) для отправки за границу, в Германию (Цюрупы, Крестинского, Осинского, Кураева, Горького, Короленко и других). Надо умело запросить, попросить, сагитировать, написать в Германию, помочь больным и т.д. Сделать архиаккуратно (тщательно)» [9, с. 192]. Очевидно, что деятельность В.Г. Короленко и его филантропической организации была «головной болью» тоталитарного коммунистического режима, и В.И. Ленин искал способы избавления от этого. Писатель с достоинством отклонил предложение ехать за границу: «Эта поездка ни к чему, – отвечает он Раковскому, – вообще я не хочу ехать за границу, а, кроме того, никогда и ничего я не брал ни от какого правительства…» [9, с. 192].

Наступила осень 1921 года – сырая, холодная и голодная. На Украину продолжали пробираться дети и в одиночку и стайками. Они ехали на крышах вагонов, на буферах, под вагонами. Их снимали полузамерзшими и замерзшими, подбирали на улицах. В больнице и детских домах не хватало мест. «Таких детей, осиротевших на родине или в пути, отбившихся в дороге от старших, или самостоятельно оставивших родные места, – прибывает ежедневно по нескольку человек. Сразу принимать их в интернат – нельзя, ежедневно отправлять их в уезды – немыслимо, следовательно, надо дать им временное убежище, где бы им можно было бы дождаться коллективной отправки в уезды.

С целью открытия такого учреждения Комитет Полтавского Общества Лига Спасения Детей вступил в переговоры с Вегетарианским Обществом, которое на время острой нужды уступает часть своего помещения, предоставляя в распоряжение Лиги 3 сухие, светлые комнаты» [2].

К сожалению, в это время В.Г. Короленко в силу ухудшения здоровья уже не мог активно участвовать в делах Лиги. Писатель ушел из жизни 25 декабря 1921 года.

Полтавская Лига спасения детей продолжала существовать после смерти Владимира Галактионовича: слишком большим авторитетом пользовалась она среди населения. В период первого в советские времена голода на Украине (1921–1922) она продолжает активную помощь голодающим детям: обеспечивает продовольственными пайками, медикаментами, одеждой и т.п. Своей деятельностью В.Г. Короленко доказал, что в условиях разрушения государства общество может взять на себя обязательства гаранта сохранения жизни детей, их полноценного воспитания и развития. Несколько тысяч ребят, которые в тяжелые годы нашли приют на Полтавщине, обязаны своей жизнью именно работе подвижников Полтавской Лиги спасения детей. Это подтверждает А.В.Свешников, который был одним из руководителей детских колоний в Кобелякском уезде: «Следует прямо сказать: дети, которые попали в Полтавскую губернию, не погибли только потому, что в Полтаве жил Короленко. Если бы его там не было, их участь была бы печальна» [1, с. 513]. В целом деятельность В.Г. Короленко по вопросам социальной защиты детей была не просто борьбой за обеспечение нормальных условий развития подрастающего поколения. Ее смысл был гораздо глубже, он заключался в борьбе за новую этику отношения общества и государства к детям, за создание приоритета моральных обязательств перед детьми.

Организация спасения обездоленных детей стала истинным проявлением гуманизма, утверждением конкретными делами благородной идеи В.Г. Короленко о «законе человеческой взаимности».

Начиная с середины 20-х годов, в связи со сворачиванием нэпа и укреплением подконтрольной режиму общественной организации «Друг детей» деятельность Лиги все более сужалась и в 1928 году организация полностью прекратила свое существование.

* * *

В заключение приведем несколько фрагментов из воспоминаний воспитанников колонии им. В.Г. Короленко.

Ваня Бодунов: «Во время голода Владимир Галактионович, видя, что дети России голодают, устроил Лигу спасения детей. Лига собирала всяких детей и устраивала их в своих домах. Видя, что это недостаточно, Владимир Галактионович написал воззвание к украинскому народу «На помощь российским детям». На это воззвание украинцы отозвались и посыпались пожертвования. Короленко отправил эти пожертвования в Россию, и там начали устраивать столовки и детские дома. Потом Владимир Галактионович написал письмо в Америку и из Америки прислали большую помощь. Вот каким способом Владимир Галактионович помогал голодающим детям. То, что Владимир Галактионович очень и очень любил детей, мы видим на себе, попав в колонию им. Короленко. Владимир Галактионович нас приютил и не дал умереть с голоду».

Толя Нарубайский: «Когда я видел Короленко в 1919 году в первый раз, он казался еще молодым, а когда я увидел его в 1921 году, то я его совсем не узнал: на голове седые волосы, разговор совсем не тот – он говорил шепотом и то неразборчиво. За два года жизнь его сильно изменила».

Павлик Каранкевич: «Однажды летом в 1921 году Владимир Галактионович Короленко был именинник. Вот мы стали думать, что подарить ему, чтобы хоть немножко порадовать его. Решили подарить ему цыплят, петушка и курочку, утку и гуся и еще три корзины всяких овощей. Вот вошли мы во двор и увидели В.Г. Короленко сидящего на скамье. Около него сидели мать*, жена его, дочь Софья Владимировна. Все восхищались, говоря: «Как в сказке гуска и утка». Софья Владимировна принесла овса и воды, чтобы птицы наелись и напились».

А. Константинов: «Мы живем в колонии, как у себя в семье. Летом мы работаем на огороде, на хуторе, на сенокосе, по хозяйству. Зимой – рубим дрова, убираем двор, ухаживаем за скотом и птицей.

День проходит так:
7-00 – 9-00 работа
9-00 завтрак
9-30 – 13-00 занятия
13-00 – обед
13-00 – 16-00 игры (футбол, цурки, в попа и др.)
16-00 – 19-00 работа

Есть детком и разные комиссии. Зимой мы больше учимся и занимаемся в разных кружках. Бывают собрания, на которых мы разбираем всякие важные вопросы. Бывают вечера, ставят спектакли, многоголосное чтение, стихи и т.д.».

---

* Информация ошибочна. Мать В.Г. Короленко умерла в 1903 году. На скамье, вероятно, сидела тетка Владимира Галактионовича – Е.О. Скуревич.

В. Савельев (рабочий колонии): «В 1921 на хутор Давыдовку приехали представители общества «Лига спасения детей» С.В. Короленко и М.Л. Кривинская с землемером, для отвода 10 десятин земли колонии. Землю получили довольно хорошую, но страшно засоренную переем. Инвентаря не было, пришлось просить на время у селян, скот тоже был взят на время.

В колонии уделяют больше всего внимания воспитанию и питанию, что является самым главным для развития здорового и способного к труду поколения».

1. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962.
2. Государственный архив Полтавской области, ф. 1503, оп. 1, д. 3. л. 60. Машинопись. Подпись-автограф С.В.Короленко. Датировано 15 октября 1921 г.
3. Государственный архив Полтавской области, ф. 3990, оп. 1, д. 2. л. 15-18. Машинопись. Подпись-автограф В.Г. Короленко. Датировано им 30 апреля 1919 г.
4. Известия Полтавского губисполкома. – 1919. – 22 мая.
5. *Короленко В.* Дневник. Письма. 1917–1921 /Сост. В. Лосев. – М., 2001.
6. *Короленко С.В.* Десять лет в провинции. – Ижевск, 1966.
7. *Короленко С.В.* Книга об отце. – Ижевск, 1968.
8. *Крамущенко Л., Ольховська Л.* Життя за «законом людяної взаємності» //Витоки. Альманах Української асоціації Антона Макаренка. – Вип. 2. – Полтава, 2004. – С. 178–186.
9. *Негретов П.И.* В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. – М., 1990.
10. Правда. – 1919. – № 12. – 18 янв.
11. *Ревегук В., Кочерга Н.* В. Г. Короленко в Полтаві (1917–1921). – Полтава, 1998.
12. Фонды Полтавского литературно-мемориального музея В.Г. Короленко, А-1, №2082.
13. Фонды Полтавского литературно-мемориального музея В.Г. Короленко, А-2, № 640.

О.Й.Денисенко

І.Ю.РЄПІН І В.Г. КОРОЛЕНКО: ТВОРЧІ ЗВ'ЯЗКИ

1890 рік був роком розквіту портретної графіки І.Ю.Рєпіна. В цей же час творча криза, невдачі («Іди за мною, Сатано», «Дон Жуан і Анна»), вихід із ТПХВ, складне ідеологічне становище та поява нових критеріїв у мистецтві, не давали можливості працювати над великими полотнами на сучасну тематику. Залишався жанр портрета – найбільш безпосередній, вільний від усякого «мудрствования» та «моралі», і якому Рєпін ніколи не зраджував.

У цей період були створені кращі графічні портрети, які стали вищим досягненням рєпінського генія. Парадокс, але те, що не вдалося у портретах Рєпіну-живописцю, блискуче було здійснене Рєпіним-графіком. Майже 150 портретних нарисів створив художник з 1890 по 1899 рр. Вони різні за манерою, призначенням, художніми достоїнствами.

Портретна графіка І.Ю. Рєпіна у 70-х рр. була пов'язана з с. Абрамцевим та його мешканцями. У наступне десятиріччя добір портретованих був випадковим, безсистемним, у 90-х рр. з'являються малюнки з Л.М. Толстого та членів його родини (1891), малюнки з «Альбому Ікскуль», що зберігаються у музеї-квартирі І. Бродського. Вони здебільшого виконані у манері односеансного, швидкого малюнка.

Салон баронеси Ікскуль, який Рєпін відвідував наприкінці 80-х і протягом 90-х рр., був одним із центрів, де зустрічалися представники літературно-художньої і музичної інтелігенції Петербурга: письменники, живописці, знамениті адвокати і музиканти, артисти і громадські діячі. Серед них можна було зустріти В.С. Соловйова, В.Г. Короленка, М.К. Михайловського, Альберта Бенуа, П.П. Чистякова, В.Д. Спасовича та інших.

Салони такого типу, хіба що менш урочисті, були поширені у суспільному житті Петербурга кінця 80–90-х рр. І. Рєпін з притаманною йому любов'ю та інтересом до найрізноманітніших явищ літератури і мистецтва був відвідувачем і «п'ятниць» Полонського, і засідань Літературного товариства. Сам також влаштовував «четверги», де часто гостями були художники І.І. Шишкін, Г.Г. М'ясоєдов, скульптор В.А. Беклемішев, відомі літератори.

Вечори в особняку Ікскуль, з відвідуванням яких була пов'язана велика кількість рєпінських портретних малюнків, мали, головним чином,

салонно-світський характер. Сама баронеса була «председательницей всевозможных обществ, стояла во главе общежития женского медицинского института... Она же стояла во главе Общины Св. Евгении, имевшей не только больницы, клиники, но и всякие подсобные предприятия» [1].

Більшість портретних малюнків із «Альбому Ікскуль» – це погрудні зображення, написані крупним, широким штрихом. Характер штриха – недбалий, розмашистий, однак позбавлений безпосередності нарису. Зображенню притаманна велика схожість, інколи – підкреслена виразність якихось деталей зовнішності. На багатьох портретах – відбиток авторського «холодку», деякої байдужості. Ця відчуженість художника і моделі є особливо дивною в олівцевому портреті, природі якого притаманні теплота і щирість. Безпосередньої близькості між автором і його моделями в рисунках альбому ми не знайдемо. В них відчувається майстерність зрілого художника-рисувальника і блискучого портретиста, але відсутня справжня захопленість. Та було б несправедливим абсолютно однаково оцінювати всі рисунки альбому. Серед них є дуже вдалі, написані з великим почуттям. Це портрет В.Г. Короленка, який належить до творчих удач художника. Загальне враження від портрету – цільне й ясне. Індивідуальна виразність обличчя, природність пози. Майже профільне зображення передане діагональним штрихом, звивистим, «віялоподібним», дещо хаотичним. Здається, що письменник весь поринув у слухання розповіді когось із присутніх.

1896 року родина Короленків після значної перерви знову оселяється у Петербурзі. Двадцять років постійного нервового напруження, втрата двох дітей, справа вотяків-удмуртів, звинувачених у вбивстві, яке вони не здійснювали, і виправданих завдяки колективному опору кращих петербурзьких адвокатів і В.Г. Короленка, напружена редакційна робота у журналі «Русское богатство» надзвичайно підривали сили письменника. І цю фізичну втому, душевну виснаженість, та разом з тим величезну силу волі вдалося передати Рєпіну у цьому портреті. Вдруге зустріч Короленка і Рєпіна відбулася 1910 року, коли Короленко і Чуковський відвідали художника у садибі «Пенати».

Володимир Галактіонович подарував Рєпіну «Побутове явище» з автографом. Натомість Ілля Юхимович надсилає письменникові новий ескіз, виконаний пером, і зазначає, що йому захотілося написати портрета. Та здійснити свій задум художникові пощастило лише в 1912 році, коли Короленко відпочивав у Куоккалі. Це був тяжкий для письменника рік. Передчасна смерть близьких людей, Інокентія Волошенка і Василя Іванівського, друга і побратима Ніколая Федоровича Анненського надовго вгніздила жалобу в його домі. Через те Рєпіну важко було домогтися згоди Короленка позувати йому. 25 серпня він передає через посильного записку: «Ілля Юхимович Рєпін просить відповісти посланцеві на словах: чи зможе

сьогодні о 3-й годині Володимир Галактіонович прибути на сеанс у «Пенати». Іл. Рєпін». А на звороті записки звертається до дружини письменника: «Вельмишановна Євдокіє Семенівно. Чекаємо на вас із людьми, що супроводитимуть, на 3-тю годину, якщо це вас не переобтяжить. Ваш Іл. Рєпін».

Рєпін радо зустрів Короленка, який прийшов у супроводі Корнєя Чуковського та Ісаака Бродського. Одразу посадив його у невисоке крісельце, знайшов для нього невимушену позу і почав писати.

Короленко був прекрасним «натурщиком». «Щойно Рєпін посадив його у потрібній позі, одразу ж почав так багато розповідати нам про своє життя в Румунії, про свою поїздку до Америки, про Сибір, про Анненського, про художника Ярошенка, про Горького і Чехова, що всі ми слухали його, мов зачаровані... Рєпін так і зобразив Короленка натхненним оповідачем» [2], – згадував К. Чуковський. Справді, це був не академічний портрет письменника у застиглій позі, а зображення сильної, вольової людини, надзвичайно експресивної, яка лише на хвильку сіла погомоніти з друзями, щось їм розповісти, і знов у дорогу. Рєпін написав портрет Короленка одним подихом. Потім, під час наступних сеансів, він лише доопрацьовував окремі деталі. Як свідчить Чуковський, того ж дня в «Пенатах» І.Бродський теж написав портрет Короленка, але де він зараз – невідомо.

Коли Рєпін писав портрет Короленка, той був уже літньою людиною, але зберіг енергію та інтерес до людей, який так яскраво виявився у його творчості. Ілля Юхимович добре передав у портреті письменника його уважний погляд, спрямований на співбесідника. Поза дуже вільна, фігуру прекрасно вписано у формат полотна, пересікаючи його по діагоналі. Портрет цікавий своїм яскраво вираженим об'ємом, досягнутим складною вібрацією мазків, за допомогою яких художник домігся відчуття світлоповітряного простору. Досягти цього було важко, адже Короленка було написано крупним планом, майже без фону, і фігура його виступала з полотна.

1913 року у Харкові діяла 42-га виставка передвижників. Із творів І.Ю. Рєпіна демонструвалися «Портрет В.М.Бехтерєва», «Портрет у червоному», «Портрет В.Г. Короленка», «Портрет художника І.І. Бродського», «Захисники Москви в 1812 році», «Етюд для Христа» та ін.

Нині портрет Володимира Галактіоновича Короленка знаходиться в Трет'яковській галереї і є до цього часу іконографічним для написання портретів письменника.

1. *Леткова Е.* О Репине //Искусство. – 1936. – № 5. – С. 110.
2. *Чуковский К.* Современники. Портреты и этюды. – М., 1962. – С. 173; пор.: В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 433.

Л.В. Ольховська

ІКОНОГРАФІЯ В.Г. КОРОЛЕНКА

Іконографія видатного письменника-гуманіста Володимира Галактіоновича Короленка нечисленна, але різноманітна: це і репортерські замальовки, і дружні шаржі, і власне портрети, графічні, скульптурні та живописні, а також автопортрети.

Живописних відомо чотири. Напевне, їх могло б бути значно більше, але Володимир Галактіонович, зайнятий величезною літературною і суспільною працею, рідко знаходив час і настрій для позування. «Художника ні в якому разі не присилайте. Позувати навіть генію не можу [5, с. 151], – так, наприклад, відповів письменник на одну з пропозицій позувати. Та й до цих чотирьох портретів доля була на рідкість немилосердною: два з них втрачені, причому один – без надії на вороття.

Перший портрет Короленка з'явився пізно, в 1898 р. Письменнику на той час виповнилося 45 років, він вступив в пору зрілості. На полотні Володимир Галактіонович зображений сидячи прямо перед глядачем: велика голова, густе волосся, борода, що її вже торкнулася сивина, уважний, навіть пронизливий погляд, ладно збита фігура...

Це перший для Короленка, але останній для автора, відомого художника-передвижника Миколи Олександровича Ярошенка, портрет. Написаний він був у січні-лютому 1898 р., а 25 червня 1898 р. художника не стало. Соратник В.Г. Короленка, відомий журналіст і редактор Микола Михайловський у некролозі, присвяченому Ярошенку, пише: «Остання його робота, що не відома публіці, є портрет В.Г. Короленка» [3, с. 175]. Оглянути портрет широке коло інтелігенції змогло лише навесні наступного, 1899 р. на XXVII Пересувній виставці. Через 5 років після цього першого публічного показу портрет хотіли придбати у вдови художника Марії Ярошенко американці, але інтелігенція Москви і Петебурга зібрала за підпискою 5 тисяч карбованців золотом і подарувала портрет Короленку та його дружині до їх срібного весілля в січні 1911 р. У нашому музеї зберігається вітальний адрес на честь цієї визначної події. Серед підписів під адресом можна побачити імена Віри Засулич, Дмитра Овсянико-Куликовського, Василя Качалова, Віри Пашеної, Володимира Немировича-Данченка.

Володимир Галактіонович був надзвичайно радий подарунку: «...не знаю, як мені віддячити всім, хто разом з Вами брав участь в клопотаннях

з приводу портрета, – пише він у Петербург Федору Батюшкову, професору теорії літератури. – Дивлюся на нього і так жваво згадую години, проведені на Сергієвській, у майстерні Ярошенка» [6, с. 33].

30 років, з 1911 по 1941 р. портрет Короленка роботи Ярошенка незмінно прикрашав вітальню в будинку письменника в Полтаві, на батьківщині Ярошенка. Під час фашистської окупації в 1943 р. портрет було втрачено: чи то вивезено до Німеччини, чи то спалено під час пожежі меморіального будинку.

У 1974 р. Володимир Бренерт, художник із Петербурга, за описом і фотокопіями з оригіналу відтворив портрет. З ним можна ознайомитися у вітальні меморіальної експозиції короленківського будинку.

Пройшло більше десяти років після сеансів на Сергієвській – і з'явився новий живописний портрет Короленка, виконаний Іваном Кириловичем Пархоменка (1870–1940).

Як відомо, цей надзвичайно талановитий художник, учень Миколи Ге, мав намір здійснити два грандіозні проекти. В листі до Лева Толстого від 9 липня 1909 р. Пархоменко так описує свої плани: «Я задумав створити дві портретні галереї: одну – всіх нині живих, найбільш видатних російських письменників (поетів, белетристів і публіцистів), чоловік 60–75, іншу – найбільш видатних (теж нині живих) усієї Земної кулі – по два, три чоловіка з кожної держави».

Стосовно останнього задуму Пархоменка нічого не відомо – швидше за все він не був здійснений; перший же здійснився: було написано з натури близько 90 живописних портретів російських літераторів XX століття. Найбільш відомими були портрети О. Блока та Л. Толстого.

З 27 жовтня по 16 грудня 1909 р. У Петербурзі відбулися сеанси з написання Пархоменком портрет В.Г. Короленка. В дуже популярному на той час журналі «Нива» № 28 за 1910 р. подана фотографія «Художник І.К. Пархоменко у своїй майстерні пише портрет В.Г. Короленка».

Довгі роки цей портрет вважався втраченим. Лише 1970 р. був випадково знайдений у рукописному відділі Інституту світової літератури ім. Горького в Москві. Датоване 1909 роком і підписане автором полотно (розмір 88×64) надійшло туди разом із кількома іншими його роботами в 1938 р.

В 1971 р. полотно було передане в Полтавський короленківський музей. З 2003 р. воно в експозиції стаціонарної виставки «Полтавський період життя і творчості В.Г. Короленка», де ознайомитися з ним може кожен бажаючий. «Портрет пензля Пархоменка, – писав відомий коро-

ленкознавець Олександр Храбровицький, – безумовно вдалий: він гарно відображає риси обличчя видатного письменника, особливо його проникливий погляд» [7, с. 24].

І все ж таки кращим втіленням образу Короленка в живопису є його портрет пензля Іллі Юхимовича Рєпіна.

Портрет був написаний влітку 1912 р. Написанню передувало довге листування (один із таких листів Рєпіна до Короленка від 5 вересня 1910 р. експонується також на новоствореній виставці в Полтавському музеї), гарячі прохання художника відвідати «Пенати» і позувати йому. Володимир Галактіонович довго відмовлявся, посилаючись на зайнятість, але в серпні 1912 р. «все ж таки погодився і був доправлений у «Пенати» у супроводі почесного ескорту в особі художника Ісаака Ізраїльовича Бродського і літератора Корнєя Чуковського. «Рєпін, – згадує останній, – зустрів його гучно і радісно і тоді ж, у перші 10 хвилин, посадивши його в поставлене боком невеличке кріслечко, знайшов для нього дуже експресивну позу» [4, с. 433].

Навіть під час сеансу Короленко вступав в розмову, розповідаючи про різні цікаві епізоди свого життя, про людей, з якими зводила його доля. На портреті Володимир Галактіонович зображений як натхненний оповідач, яким і був насправді.

Весь цей надзвичайно виразний і дуже схожий портрет був написаний відразу, в один день, широким впевненим пензлем. Доля його виявилася щасливою.

Уперше він демонструвався на Пересувній виставці (Москва і Петербург, грудень 1913 – квітень 1914 р.), де був відзначений рецензентами серед кращих робіт автора. В подальшому портрет належав московському Літературно-художньому гуртку (Короленко і Рєпін були його почесними членами), а з 1917 р. – Державному музею Л.М. Толстого, звідки і був перевезений до Трет'яковської галереї. Там він і докі відповідно до каталогу живопису XVIII–початку XX ст. (М., 1984. – С. 393). Полтавський музей В.Г. Короленка має лише копію портрета роботи Скульського, ще одна – величезна копія знаходиться у ХДНБ ім. В.Г. Короленка.

Одночасно з Рєпіним портрет Короленка писав і художник Ісаак Бродський. Дійсно, Бродський не лише супроводжував письменника в «Пенати», а й писав його там. Він не був би справжнім художником, якби не використав цю можливість. «Але, – згадував потім Бродський, – я більше дивився на Рєпіна, як він пише, і тому моя робота йшла повільніше. Тут була справжня школа і хотілося простежити весь творчий процес майстра» [1, с. 57].

Врешті-решт ця робота не була завершена – не вистачило кількох сеансів, хоча і в незакінченому портреті Бродському, як пише його біограф, «удалося передати енергію Короленка, його живий розумний погляд спідлоба» [2, с. 180].

У 1913 році Короленко знову позував йому, але в результаті з'явився інший портрет, графічний. Цей портрет зберігається в приватному зібранні родини Лущик.

Етюд олією роботи Бродського експонувався в 1913 р. на одній із виставок Спілки російських художників і друкувався двічі: в 1913 і 1918 роках. Подальша його доля невідома.

У той час, коли жив і творив Короленко, свого розквіту та поширення набула фотографія. Короленко і члени його родини багато фотографувалися, залишивши нащадкам сотні фотографій. Але, безумовно, найціннішим скарбом залишаються живописні портрети цієї визначної людини.

1. *Бродский И.И.* Мой творческий путь. – М., 1940.
2. *Бродский И.А.* Исаак Израилиевич Бродский. Статьи, письма, документы. – М., 1956.
3. *Михайловский Н.К.* Памяти Н.А. Ярошенко //Русское богатство. – 1898. – № 7.
4. В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962.
5. *Короленко В.Г.* Письма к П.С.Ивановской. – М., 1930.
6. ОР ГБЛ, ф. 135 II. 2. 10, л.33.
7. *Храбровицький О.* Невідомий портрет Короленка. – Україна. – 1971. – № 6. – 7 лют.

Л.А. Утевская

И.И. ФАЙНШМИДТ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ О В.Г. КОРОЛЕНКО

Исаак Ильич Файншмидт – выдающийся терапевт и фтизиатр, один из организаторов украинской медицинской науки и здравоохранения в первой половине XX в. Родился 6(18) июня 1875 г. в Орле, еще в детстве переехал с родителями в Харьков, где и прожил всю свою жизнь.

Среднее образование И.И. Файншмидт получил в Харьковской 3-й гимназии. В своей автобиографии (январь 1940 г.) он писал: «Общественная и организационная работа моя началась еще на гимназической скамье, когда я был привлечен к организации Харьковской общественной (ныне имени В.Г. Короленко) библиотеки» [1].

В 1894 г. И.И. Файншмидт поступил на медицинский факультет Харьковского университета, который окончил в 1899 г. Вся дальнейшая деятельность Исаака Ильича была связана сначала с медицинским факультетом университета, а после его отделения и преобразования в 1920 г. в Харьковскую медицинскую академию, переименованную в 1921 г. в Харьковский медицинский институт, – с ХМИ [2].

После окончания университета И.И. Файншмидт работал ассистентом у выдающихся харьковских клиницистов – профессоров И.Н. Оболенского, К.М. Георгиевского, П.И. Шатилова, С.Г. Якушевича и М.А. Трахтенберга, а также стажировался за рубежом. Так, в 1901–1903 гг. он – волонтер-ассистент в 1-й медицинской клинике Берлинского университета; одновременно в лучших берлинских клиниках и больницах пополняет свои знания по внутренним и нервным болезням, болезням желудочно-кишечного тракта, гематологии, патологической анатомии, бактериологии, а также на теоретических кафедрах и на каникулярных курсах совершенствования врачей. В 1907, 1909, 1911, 1913 гг. И.И. Файншмидт посещает с научными целями Германию, Бельгию, Англию, где изучает клинику внутренних болезней, организацию борьбы с туберкулезом.

В эти годы он еще не занимал руководящих должностей в харьковской медицине, но уже приобрел большую популярность и был востребован как блестящий клиницист. Впоследствии его коллеги писали: «Обладая огромным практическим опытом, являясь чрезвычайно вдумчивым и осторожным врачом, тонко проникая в психику больного

человека, Исаак Ильич –незаменимый консультант у постели больного. Исключительно требовательный в вопросах научной точности не только к своим ученикам и сотрудникам, но в первую очередь и к самому себе, удивительно пунктуальный в собирании клинических фактов и их толковании, профессор Файншмидт во всех работах – своих и своих учеников – проводит принцип non multum sed multa...» [3].

Вел И.И. Файншмидт в эти годы и большую общественную работу. Он состоял членом ревизионной комиссии и секретарем терапевтической секции Харьковского медицинского общества, участвовал в организации медпомощи рабочим и служащим заводских и ремесленных предприятий Харькова, в организации Общества медпомощи учащимся вузов Харькова; организовал Харьковский отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом; работал в Политическом Красном Кресте.

Дважды за этот период – во время русско-японской и Первой мировой войны И.И. Файншмидт был мобилизован, работал врачом в военных госпиталях.

В 1919 г. он – консультант по внутренней медицине и туберкулезу Харьковского Губздрава, затем – до 1922 г. – лечебного отдела НКЗ, одновременно – консультант санинспекции Наркомата РКИ.

Как раз в этот период его деятельности И.И. Файншмидт трижды посещает В.Г. Короленко в Полтаве, и эти последние встречи с выдающимся писателем и общественным деятелем запомнились ему на всю жизнь. По-видимому, знакомство И.И. Файншмидта с Короленко произошло в 1916 г., когда писатель проходил в Харькове обследование у местных врачей (по данным его биографа А.В. Храбровицкого). Известно, что одному из них – близкому другу И.И. Файншмидта, врачу-рентгенологу Юлию Александровичу Гольдингеру он подарил собрание своих сочинений с теплой дарственной надписью [4]. Имена других харьковских врачей, консультировавших В.Г. Короленко летом 1916 г. (писатель приезжал тогда в Харьков несколько раз) неизвестны, но, скорее всего, Исаак Ильич был среди них. А в январе 1920 г. И.И.Файшмидт неотлучно находился у постели умиравшего от тифа коллеги и друга Ю.А. Гольдингера [5].

В марте 1921 г., узнав о болезни В.Г. Короленко, Исаак Ильич написал ему в Полтаву, сообщив о готовности – своей и харьковских коллег – оказать необходимую медицинскую помощь. Получив ответное письмо – от дочери писателя С.В. Короленко, И.И. Файншмидт едет в Полтаву; вместе с ним, терапевтом, к больному для участия в консилиуме направляются невропатологи А.И. Гейманович и А.Б. Иозефович. О полтавских своих впечатлениях А.И. Гейманович и И.И. Файншмидт рассказали в своих воспоминаниях, опубликованных вскоре после смер-

ти Владимира Галактионовича Короленко – в харьковском сборнике статей «О голоде» (1922), посвященном «светлой памяти В.Г. Короленко».

Посвящение и силуэт писателя помещены на обложке этой книги, давно уже ставшей большой библиографической редкостью. Многие сведения, включенные в сборник «О голоде», без сомнения, не позволила бы публиковать цензура более поздних советских лет. Ценность мемуаров И.И. Файншмидта – и в том также, что Исаак Ильич включил в них полный текст переданных ему В.Г. Короленко «Заметок пациента» – одного из последних (датировано 29 июля 1921 г.) его сочинений, написанного собственноручно, по свидетельству И.И. Файншмидта, «твердым, четким округлым почерком». «Заметки пациента» – важнейшее свидетельство самого В.Г. Короленко о том, что болезнь развилась у него под гнетом известий о «постоянных казнях» и «как будто <его> ответственности за них», из-за тяжелого чувства, что он ходатайствует за «уже погребенных». Большая заслуга И.И. Файншмидта в том, что он незамедлительно обнародовал этот уникальный документ, запечатлевший монолог больного писателя, к моменту его создания уже утратившего речь.

Ниже приводятся – с некоторыми сокращениями – воспоминания И.И. Файншмидта «У больного В.Г. Короленко».

«Уже с начала прошлого года у родных и близких Владимира Галактионовича, а также и пользовавших его полтавских врачей, окружавших его неутомимой заботой и любовным вниманием, стала нарастать тревога за здоровье В.Г. Эта тревога вскоре сообщилась и всему населению города Полтавы и докатилась к нам в Харьков.

Около середины марта я получил письмо от Софьи Владимировны, в котором она сообщала, что В.Г. очень обрадовался желанию харьковских врачей приехать на консилиум к нему, что он ждет нас.

22 марта выехали мы – А.И. Гейманович, А.Б. Иозефович и я – в Полтаву; проф. П.И. Шатилов, хотевший также поехать с нами, опоздал к поезду. Навестить В.Г. поехали с нами А.В. и А.Ф. Пешехоновы [6].

Выехали мы все с чувством безграничной радости от предстоящей нам встречи с В.Г., очень далекие от той роковой действительности, которую нам пришлось встретить.

Мы знали, что В.Г. уже давно страдал, временами, явлениями артериосклероза, что у него порой наблюдалась сердечная слабость, что за последнее время у него случались головокружения, что недавно во время прогулки с внучкою своей Соней он упал; что за последние годы у него стал развиваться отосклероз, что докучала его атония кишечника и временами бессонница; но что при всем этом он сохраняет полную

работоспособность, работая с утра по несколько часов регулярно над «Историей моего современника», поддерживая обширную переписку с друзьями, разбирая свой архив, исправляя и пополняя незаконченные произведения, ведя постоянные ходатайства за всех обиженных и посвящая часы досуга чтению и своему любимому сапожному ремеслу. Все это отнюдь не могло внушать нам опасения за жизнь В.Г.

Но жутко стало нам, когда мы вошли в дом к Короленкам, когда увидели домашних его, и больно до слез, когда увидели вскоре вышедшего навстречу к нам В.Г., подвигавшегося к нам мелкими шажками, приветствовавшего нас широким жестом гостеприимного хозяина, с мягкой ласковой улыбкой на устах, из которых рвалось теплое слово; но скованное и связанное непослушными воле движениями языка оно вылилось в форме невнятной; чувство глубокой досады прочли мы при этом в прекрасных, скорбно смотревших на нас глазах В.Г.

Мы попали к Короленкам к завтраку, за которым все мы тщательно старались скрыть свое первое впечатление; считаясь с тугостью слуха В.Г., мы говорили громко, стараясь вовлечь его в разговор, но он был молчалив и сдержан <...>.

Когда после завтрака В.Г. ушел к себе отдохнуть, мы узнали от окружавших, что со вчерашнего дня он особенно угнетен, ночь почти не спал в связи с арестом зятя его, К.И. Ляховича. Далее из расспросов мы узнали, что за последние месяцы В.Г. болел несколько раз слабостью сердца, стал худеть, далее врачами и окружающими отмечалась повышенная возбудимость, временами неуверенность походки, неясность речи, расстройство глотания. Все же он сохранял свою работоспособность, полную ясность мысли, отчетливую память и ежедневно, разбирая с К.И. Ляховичем свой архив, часами диктовал ему, перерабатывая незаконченные произведения или создавая по заметкам и рисункам из многочисленных дневников новые; все это до вчерашнего дня еще, до ареста зятя, хотя симптомы, беспокоившие врачей и устрашавшие близких В.Г., непрестанно нарастали. <...>

Правда, уже во вторую половину этого дня и еще более в последующие дни нашего пребывания у В.Г. он заметно ободрился, речь его стала внятнее, он сделался общительнее* (кроме горя в связи с арестом зятя, он несомненно, сильно был взволнован приездом харьковских врачей). Со стороны внутренних органов ничего угрожающего не оказалось, а явления со стороны нервной системы, нам казалось, укладываются в картину псевдобульбарного паралича.

* Этому способствовали и наши успокоения и уверения, что все мучительные явления пройдут в недалеком будущем, и приезд Пешехоновых. (*Примеч. И.И.Файншмидта.*)

Мы уехали из Полтавы, правда, не с тем настроением, с каким мы ехали туда, но все же с надеждой, что страдание <его> не так грозно, унося с собой чувство радости от общения с В.Г. и его семьей, от пребывания в этой высоко гуманной и культурной среде.

Во второй половине июня мы снова были в Полтаве у В.Г.

За промежуток времени от прошлого свидания произошли в жизни В.Г. крупные события. Любимый зять его, Константин Иванович, заразился сыпняком в тюрьме. Больное сердце К.И. не выдержало тяжкой болезни – и на 14-й день ее он скончался. Этот роковой удар сильно отразился на здоровье В.Г. и резко подвинул его болезнь вперед. На этот раз мы должны были с болью в сердце константировать, что заболевание В.Г. еще более серьезно, чем мы предполагали в первое наше посещение, что роковое имя его – амитрофический боковой склероз.

Мы были счастливы, что нам удалось и теперь уверить В.Г., что болезнь его преходящая, что состояние его даже улучшилось, что и речь яснее, и походка тверже, и слух лучше. Оптимист по натуре, жаждавший жить полной жизнью и владеть всеми своими дарованиями, он верил нам или, может быть, больше хотел верить, чем верил действительно. Мы уезжали с чувством удовлетворения от того удивительного внимания, которым пользовался решительно во всех кругах населения г. Полтавы В.Г.* Я никогда не забуду картины в момент нашего отъезда, когда В.Г. вышел на крыльцо проводить нас. Увидя В.Г., один из отвозивших нас на вокзал извозчиков, старик, быстро соскочив с козел, направился к В.Г., низко поклонился ему и поцеловал протянутую для приветствия руку. И не было ничего рабского в этом поцелуе, и не было ничего барского в протянутой для рукопожатия руке: как сын отцу целует руку, как признательный ученик целует руку своему учителю, как любящий целует руку любимого; первого не унижает этот поцелуй, второго – не оскорбляет. Удовлетворенный вернулся на козлы извозчик, – спокойный, с обликом Льва Толстого (при всем различии внешности этих двух великих людей, у В.Г. в этот период жизни несомненно, по нашему общему впечатлению, было общее в облике с Толстым), В.Г. направился на встре-

---

* В.Г. отказывался настойчиво от всех казенных пайков и от официальных предложений обставить его лучше, утверждая, что никогда ни от какого правительства он даров не принимал. При таких условиях, при полном почти отсутствии привычного заработка от литературного труда, семье Короленко пришлось бы круто, если бы все население не спешило на перерыв принести что-нибудь в дом. Вот рабочие привезли дрова, другие пришли и покололи их; баба из дальней деревни принесла хлеба, другая – масла, или крестьяне привезли птицу, обыватели привезли муки, и так постоянно, непрерывно, каждый по своему почину торопится что-нибудь в самой деликатной форме доставить в дом своего Владимира Галактионовича. (*Примеч. И.И.Файншмидта.*)

чу ко второму извозчику и тепло поздоровался с ним за руки. Вечер стоял теплый, на небе догорала розовыми тонами вечерняя заря, пахло благоуханием сада, всюду вокруг мягкие тона и ласковые, милые лица В.Г., его семьи и добрые взгляды столпившихся прохожих.

«Помните же, вы обещали приехать ко дню рождения В.Г., приезжайте непременно», – доносились к нам голоса тепло и ласково. А в душе, где-то далеко под спудом, гложет холодная жуть: амиотрофический боковой склероз.

27 июля, накануне 68 дня рождения и дня ангела В.Г., мы снова у него в Полтаве.

Незадолго до нашего приезда он оправился от воспаления легких; он заметно похудел, слаб, бледен; речь его уже трудно понимать, он не диктует больше Софье Владимировне, сменившей в качестве секретаря покойного К.И. <Ляховича>. Он стесняется затруднять окружающих своей ставшей почти совершенно непонятной речью и покорно предпочитает переписываться. Порою же, забыв, он раздражается, когда заговорит с кем-нибудь из близких и тот его не понимает; раздражается не на близкого, а на свое несчастье. И слух стал еще туже, и походка еще больше расстроилась, и поперхиваться стал чаще, и данные объективного исследования указывают на то, что болезнь неотступно прогрессирует.

И все же в нем и теперь, временами, берет верх оптимист.

Вот записка, которую он вручил мне в этот наш приезд, датированная 29 июля, написанная твердым, четким округлым почерком, озаглавленная «Заметки пациента»:

«Особенно угнетала меня одышка и, признаться, угнетала настолько, что мне уже приходили довольно мрачные мысли. Разрешилось это кризисом. Однажды после очень тяжелого дня, наступившего после бессонной ночи, мои доктора придумали что-то такое, вследствие чего я на утро проснулся совсем переродившимся*. Во 1-х, я почувствовал себя совсем здоровым (очевидно, чувство это было ошибочно). Мне показалось, что я могу уже говорить. Во-вторых, меня переполняло чувство какого-то особого благополучия. Мне казалось утро необыкновенно красивым: свет и тени сменяли друг друга в какой-то особой гармонии, ветки шевелились как-то ритмически стройно и мне казалось, точно это музыка движений. Было немного ветрено и ветки шевелились, открывая и закрывая свет и тени с какой-то особенной гармонией.

Все это продолжалось 1/2 часа и даже больше, пожалуй, около часу. Затем я попробовал говорить и увидел, что впечатление ошибочно: язык по-прежнему был плохо подвижен. Но все-таки с этого утра я почув-

* Была назначена ножная горячая ванна. (*Примеч. И.И.Файншмидта.*)

ствовал какой-то перелом и мне кажется, что, если мне суждено поправиться, то начнется именно с этого утра. Теперь меня угнетает то, что язык у меня точно колода и это все возвращается. По временам кажется, точно вот сейчас заговоришь, но... заговоришь и опять то же...

Затем угнетает меня отсутствие самостоятельности. Врачи догадаются, о какой самостоятельности я говорю[*]. Если бы мне этой самостоятельности достигнуть, то все было бы решено. Порой мне кажется, что к этому я иду, но слишком медленно. Может быть, так это и нужно и иначе невозможно. Может быть, поспешишь, и все дело испортишь. Не знаю. Знаю только, что у меня прежде было *доверие к упражнениям*[**], которого теперь нет. А кажется, что у меня оно должно вернуться, хотя бы и медленно. По временам мне кажется, точно я «переработался» и при этом нервная система находилась в постоянном угнетении: под гнетом постоянных казней и как будто ответственности за них. Началось это с приезда в Полтаву Л<уначарско>го и эпизода, за этим последовавшего. Тогда я в первый раз, вместо разумной речи, расплакался. Я чувствовал, что ходатайствую за уже погребенных.

Вот те маленькие замечания, которые пациент счел себя обязанным предложить врачам. У меня теперь есть надежда поправиться. Вл. Короленко».

День рождения прошел торжественно, празднично для всего города, при трогательном проявлении внимания всего населения, выразившегося в приветствиях и адресах, принесенных многочисленными депутациями и присланных из различных мест России. Подношения имели характер современный: рабочие Губтопа ранним утром привезли дрова; мельничные рабочие – муку; рабочие ЕПО – сахар, рабочие спичечной фабрики – спички, союза химиков – мыло, райспирта – вино со специальными этикетами с именем В.Г.К. и т.д. Дети из домов и приютов Лиги спасения детей принесли птицу и овощи, выращенные ими; еврейская община, фармацевты, врачи – «все побывали тут», все поспешили проявить свое внимание и любовь. А вечером было торжественное заседание, устроенное Высшей рабшколой в театре имени Гоголя. Здесь с адресами и речами выступили представители всех оттенков и направлений общественной и политической мысли, отдавая должное В.Г., согласно оценивая его как «нашу совесть», как неутомимого борца за правду и свободу и желая ему здоровья и долгой жизни на пользу нашего многострадального народа.

А спустя еще несколько месяцев, 25 декабря, в 10 1/2 час. вечера не стало <...> В.Г. Повторные пневмонии развязали мучения В.Г., положили

[*] Свободы передвижения. (*Примеч. И.И.Файншмидта.*)

[**] Курсив В.Г. (*Примеч. И.И.Файншмидта.*)

предел борьбе могучего духа с тяжким недугом, освободили В.Г. от мучительного, страшного созерцания разрушения и отмирания тела при полном сознании и жажде жизни, жизни для выполнения своего долга перед родиной и человечеством» [7].

Необходимо пояснить, о каком «эпизоде» после встречи с А.В. Луначарским, – «эпизоде», сыгравшем, по убеждению Владимира Галактионовича, роковую роль в развитии его болезни, – идет речь в «Заметках пациента». Известно, что Луначарский приехал в Полтаву 7 июня 1920 г. по поручению В.И. Ленина, с целью попытаться переубедить старого вольнодумца, занявшего открыто критическую позицию по отношению к большевистским властям. В тот же день В.Г. Короленко ходатайствовал перед А.В. Луначарским и председателем местного ЧК В.И. Ивановым за пятерых приговоренных к расстрелу. Оба обещали помочь, и весть об этой «милости» разнеслась по городу. А на следующий день стало известно, что эти люди (за одного из них ходатайствовали также рабочие) были казнены за несколько дней до приезда Луначарского в Полтаву.

Владимир Галактионович был потрясен и подавлен. Вот что означают его слова о попытках спасти «уже погребенных» в «Заметках пациента».

О приездах харьковских врачей к В.Г. Короленко весной и летом 1921 г. вспоминают также С.В. Короленко в своей «Книге об отце» и близкий друг семьи Короленко Л.Л. Кривинская [8], сведения об их приездах включены в «Биографическую канву жизни и деятельности В.Г. Короленко» [9], в книгу П.И. Негретова «В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921» (М., 1990), где есть и подробные сведения о роковом «эпизоде», и другие короленковедческие издания [10].

В семье И.И. Файншмидта бережно хранили автограф «Заметок пациента», переданных В.Г. Короленко Исааку Ильичу, но перед войной, в 1941 г., его отдали на выставку в Харьковский тубинститут, и он, к сожалению, пропал. Не исключено, что и здесь не обошлось без «компетентных» органов…

* * *

В своей научной деятельности И.И. Файншмидт занимался проблемами туберкулеза, пневмонии, абсцессов, рака и сифилиса легких, рациональной терапии сердечно-сосудистых заболеваний и диабета. По этим вопросам он написал ряд научных работ, опубликованных в отечественной и зарубежной печати. Неоднократно в эти годы по командировкам МКЗ УССР И.И. Файншмидт ездил за границу – в длительные научные

командировки и на международные конференции (в Германию, Италию, Австрию и Польшу).

Особо следует отметить большой вклад И.И. Файншмидта – как теоретический, так и практический – в развитие отечественной фтизиатрии. В 1922 г. по предложению НКЗ И.И. Файншмидт организовал Харьковский туберкулезный институт, бессменным директором которого он состоял с момента его основания и по 1940 г. (в течение 8 лет совмещая эту деятельность с руководством кафедрой туберкулеза ХМИ). Развитое И.И. Файншмидтом и его учениками учение о туберкуле легло в основу современной ему отечественной фтизиатрической науки. Велика также роль И.И. Файншмидта в организации борьбы с туберкулезом. Начав еще в дореволюционные годы с организации Харьковского отдела Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом и Дней ромашки, он продолжал ее и расширял всю жизнь – в своей практической деятельности, в выступлениях, лекциях, докладах, в популярных статьях, брошюрах и листовках по этому вопросу.

В 1920–1930-е годы раскрывается и педагогический, лекторский талант И.И. Файншмидта. С 1923-го по 1931 г. он – профессор, заведующий кафедрой туберкулеза Харьковского медицинского института, с 1930 по 1940 г. – заведующий кафедрой факультетской терапии ХМИ. Его лекции, по многочисленным отзывам современников, отмечались стройностью, четкостью изложения, являлись прекрасной школой клинической медицины.

Организаторский талант И.И. Файншмидта все в большей степени раскрывался в медицинской жизни Украины. Он – организатор первых курсов усовершенствования врачей в Харькове, первого Украинского института научной медицины. В 1931 г. он создает Всеукраинский институт клинической медицины и его назначают директором института и заведующим терапевтическим сектором. После того как ВУИКМ вливается во вновь организованный – в 1933 г. – УИЭМ (Украинский институт экспериментальной медицины), он становится членом дирекции и заведующим терапевтической клиникой последнего. Много энергии И.И. Файншмидт отдал улучшению работы Харьковского медицинского общества, председателем президиума которого он был в 1924–1925 гг. и в течение многих лет – председателем терапевтической секции. А еще было огромное количество общественных дел, всегда связанных с профессией: участие в деятельности различных профильных Советов, обществ, комиссий, редколлегий...

Профессор И.И. Файншмидт являлся инициатором и неизменным председателем Украинских съездов терапевтов, а также членом

президиума всесоюзных съездов терапевтов, был председателем, затем первым заместителем председателя Украинского общества терапевтов. Он был организатором и руководителем 1-го Всеукраинского противотуберкулезного съезда, председателем временного правления Украинского общества фтизиатров и председателем Харьковского областного общества фтизиатров.

Много времени и энергии И.И. Файншмидт уделял и медицинской прессе, являясь одним из организаторов, членом редакционного совета и редактором терапевтического отдела журнала «Врачебное дело», членом редакции журнала «Борьба с туберкулезом».

Масштабы и результаты деятельности И.И. Файншмидта восхищали современников, в т.ч. его знаменитых коллег. «Про этого прекрасного человека можно и нужно написать целую книгу», – говорил выдающийся физиолог, академик В.Я.Данилевский об Исааке Ильиче, который был его учеником. Эти слова дополняет высказывание знаменитого анатома академика В.П. Воробьева: «Исаак Ильич – один из наиинтереснейших умов».

Эти высказывания приведены в статье В.Дарцева, опубликованной вскоре после смерти И.И. Файншмидта в республиканской газете «Комуніст» [11]. По сути это – очень душевный и поэтический некролог. Там же приведены и некоторые высказывания самого Исаака Ильича: «...Существование, не заполненное до краев работой, – это варварство и возмутительнейшая нечестность. Работать, как только позволяют человеку его данные. Если кто-нибудь работает хоть и хорошо, но все же хуже, чем мог бы работать при максимальном напряжении сил – это отвратительно». И еще: «Нужно быть безжалостно требовательным к себе на трудовом посту. Необходимо будить, будоражить все хорошее, что только заложено в нас, ставить его на службу людям, – и мы сможем нередко на целиком ординарной работе сделать чудеса. Трудовой пост – это тоже такой пост, на котором, если придется, не стыдно и погибнуть». И далее слова автора статьи: «Ніхто не має права сказати, що це тільки слова; навпаки, заключна частина твердження покійного професора була для нього немов пророчою. Почуваючи себе погано, він, проте, їде в інше місто на консиліум, безпосередньо після того їде ще в інше місто, куди його запросили на наукову конференцію, і тут, як завжди, блискуче виступає. Але ця подорож фатально стала останньою в його житті: професор загинув тут від загострення хвороби».

Исаак Ильич Файншмидт скоропостижно скончался в Киеве 25 апреля 1940 г. – не выдержало сердце.

1. Автобиография заслуженного деятеля науки, профессора, доктора медицины Исаака Ильича Файншмидта. – 1.1.1940. – 5 с. – Рукопись. Архив автора.
2. Здесь и далее см. также: Украинский институт экспериментальной медицины. Сб. тр., посвящ. XXXV-летнему юбилею врачебной, научно-педагогической и общественной деятельности засл. деятеля науки проф. И.И. Файншмидта. – Х., 1937; Большая медицинская энциклопедия. – 2 изд. – М., 1963. – Т. 33. – С. 440; Українська радянська енциклопедія. – К., 1964. – Т. 17. – С. 195; Українська радянська енциклопедія. – 2-ге вид. – К., 1984. – Т. 11. – С. 526; Харківський державний медичний університет. Вчені університету. – Х., 2002. – С. 250–251; *Kubiyovic V.* Encyclopedia of Ukraine. – Toronto; Buffalo; London, 1985. – V.1. – P. 850.
3. Буквально: не много, но многое (*лат.*).
4. См. об этом: *Радкова Е. В.* одном из харьковских садов... //Вечер. Харьков. – 1991. – 14 мая. Прием пациентов проводился Ю.А. Гольдингером в кабинете рентгенодиагностики на ул. Рымарской, 23, где, по-видимому, врач и принимал В.Г. Короленко.
5. См. об этом: *Руденко Н.* Семейный портрет во времени и пространстве //Истоки. – 2002. – № 11. – С. 70–88.
6. Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1925), статистик, публицист, член редколлегии журнала «Русское богатство». А.В. и А.Ф. Пешехоновы – друзья семьи Короленко.
7. Печ. по: О голоде. Сб. статей /Под ред. проф. К.Н.Георгиевского, д-ра В.М.Когана и проф. А.В.Палладина. – Х., 1922. – С. 23–29.
8. *Короленко С.В.* Книга об отце. – Ижевск, 1968. – С. 354; *Кривинская Л.Л.*. Из воспоминаний о В.Г. Короленко //В.Г. Короленко в воспоминаниях современников. – М., 1962. – С. 538, 540.
9. *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Посмерт. изд. – Б.м., 1929. – Т. V.
10. См., напр.: *Донской Я.Е.* В.Г. Короленко. Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя. – Х., 1963. – С. 207–208.
11. *Дарцев В.* Самоцвіти //Комуніст. – 1940. – 6 липня.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Арканова Валентина Федорівна – професор Харківського державного університету мистецтв ім. І.П. Котляревського, народна артистка України.

Вітенко Людмила Володимирівна – молодший науковий співробітник Полтавського літературно-меморіального музею В.Г. Короленка.

Ганзя Інна Вікторівна – бібліотекар 1 категоріі ХДНБ ім. В.Г. Короленка.

Гейштор Любов Костянтинівна – літературознавець, музеєзнавець, директор Полтавського літературно-меморіального музею В.Г. Короленка у 1957–1974 рр.

Горовенко Марія Олександрівна – аспирантка кафедри російської та світової літератури Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди.

Денисенко Ольга Йосипівна – завідувачка відділу дореволюційного українського та російського мистецтва Харківського художнього музею.

Єрофеєва Ганна Михайлівна – головний бібліограф Харківської ОУНБ.

Комаров Сергій Анатолійович – кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри зарубіжної літератури Горлівського державного педагогічного інституту іноземних мов.

Кудря Олеся Володимирівна – науковий співробітник Полтавського літературно-меморіального музею В.Г. Короленка

Лосієвський Ігор Якович – доктор філологічних наук, завідувач відділу рідкісних видань і рукописів ХДНБ ім. В.Г. Короленка.

Меламед Юхим Йосипович – літературознавець, історик-архівіст. Живе у Києві.

Ничипорук Наталя Григорівна – старший науковий співробітник Будинку-музею А.П. Чехова в Ялті.

Ольховська Людмила Василівна – музеєзнавець, провідний науковий співробітник Полтавського літературно-меморіального музею В.Г. Короленка.

Ротач Петро Петрович – член Національної спілки письменників України, поет, літературознавець, краєзнавець.

Тараманова Кароліна Дмитрівна – головний бібліотекар відділу організації науково-дослідної роботи ХДНБ ім. В.Г. Короленка.

Утєвська Лідія Аронівна – кандидат біологічних наук, старший науковий співробітник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Онука І.І. Файншмідта.

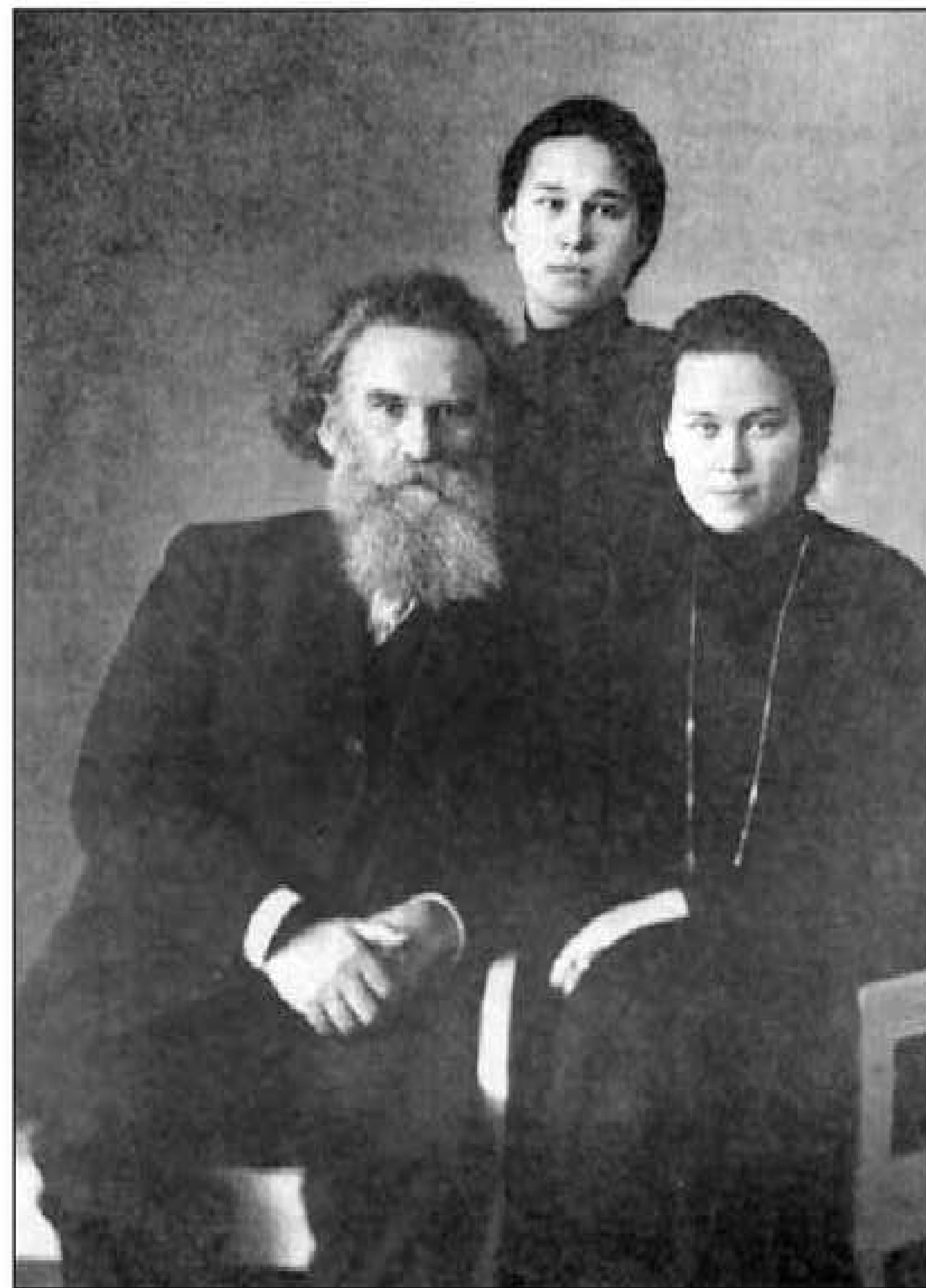
ІЛЮСТРАЦІЇ

Матеріали до альбому ілюстрацій надані авторами статей, які публікуються у цьому збірнику

В. Г. Короленко. Нижній Новгород. 1890-і

В. Г. Короленко з доньками
Наталією та Софією. 1911

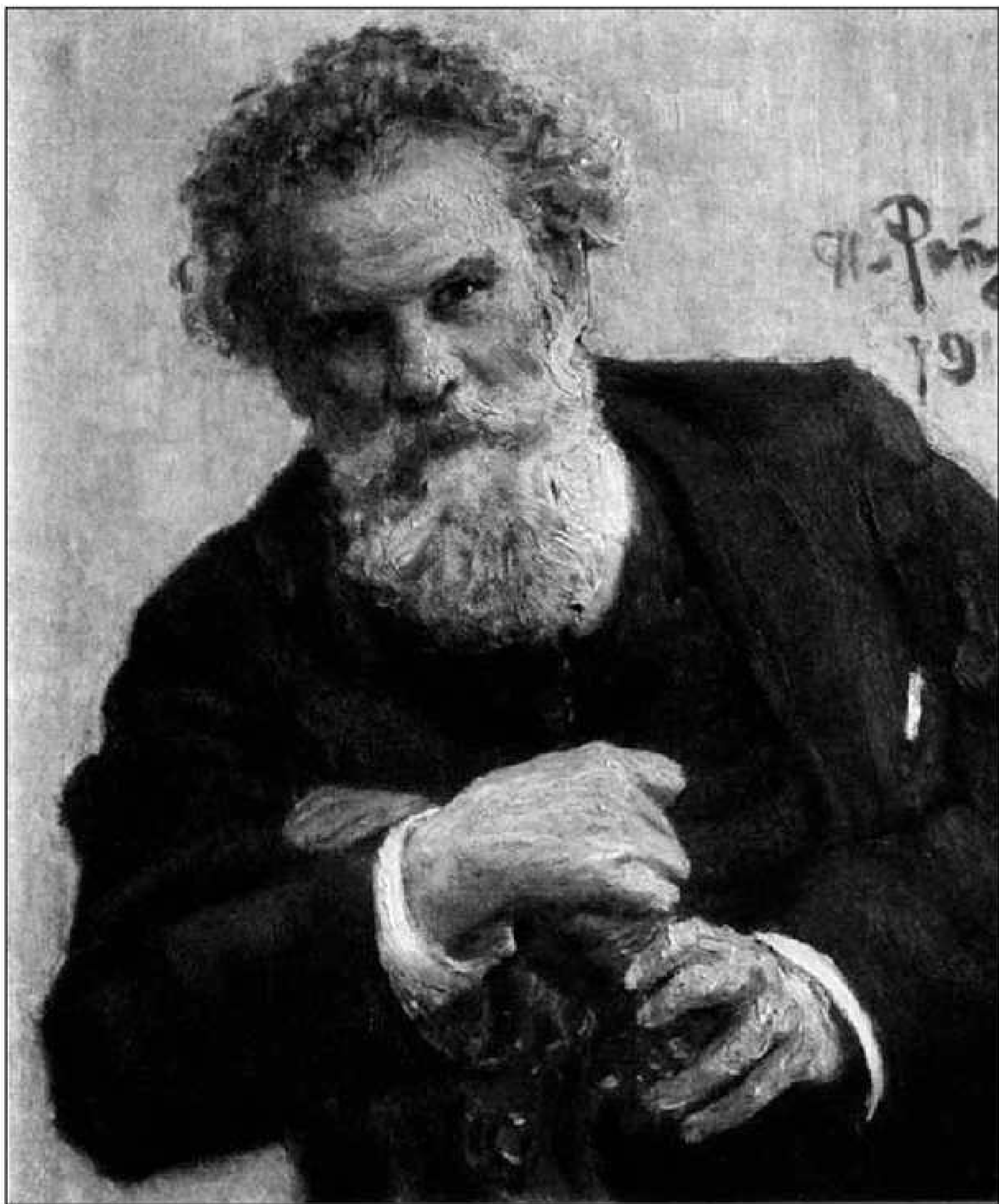
Похорон Іларіона Галактіоновича Короленка. Джанхот (Кавказ). Кінець листопада 1915.
Перший праворуч – В. Г. Короленко, поруч – Є. С. Короленко; у центрі – С. В. Короленко і родина І. Г. Короленка: вдова Ніна Григорівна з синами Вадимом та Георгієм.
На зв. оригіналу: «Фотографія А. Я. Кривонос в Геленджике, Черн.‹ономорская› губ.‹ерния›».
З колекції Л. О. Шелудякова (Харків).
Публікується вперше з копії, яка зберігається у ХДНБК (арх. колекція, шифр Р-780)

Меморіальний будинок В. Г. Короленка в Полтаві. Веранда

Могила В. Г. та Є. С. Короленків у Полтаві

Портрет В. Г. Короленка роботи І. Ю. Рєпіна. 1912

В. С. Івановський. Малюнок В. Г. Короленка. Бл. 1897.
Публікується вперше

В. Г. Короленко. Лист до А. Є. Добровольського початок. 1 вересня 1911.
З колекції ХДНБК. Публікується вперше

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Баскова ул., 9. Телеф. 20—83.

18 Окт. 1911

ПОЛТАВА 15 10 11

В. Г. Короленко. Лист до А. Є. Добровольського. 18 жовтня 1911.

З колекції ХДНБК. Публікується вперше

Елисаветградъ
Знаменская 25
Г-ну А. Добровольскому

„РУССКОЕ БОГАТСТВО"
Полтава

28 …

В. Г. Короленко. Лист до А. Є. Добровольського. 28 березня 1913.
З колекції ХДНБК. Публікується вперше

М. Гн. Ира Андреевна.

Я в настоящее время нахожусь за границей; по требованию врачей — никаких рукописей не читаю, и мне их сюда не пересылают. Таким образом, без сомнения, и Ваша рукопись, посланная в Марте в Полтаву, находится на почте за отсутствием адресата. Я уже сделал распоряжение, чтобы все посылки, полученные на мое имя, были возвращены отправителям, и т. образом наверное и Вы уже получили или скоро получите Вашу рукопись. Для ускорения, если рукопись еще не получена, — было бы скорее, если Вы напишете с своей стороны в Полтавскую Почтово-тел. Контору.

С уважением

Вл. Короленко

1 Июля 1914.
Villa „Esplanade"
Bad-Nauheim

В. Г. Короленко. Лист до І. А. Дубовик. 1 липня 1914.
З колекції ХДНБК. Публікується вперше

В. Г. Короленко. Лист до І. А. Дубовик. 2 липня 1915.
З колекції ХДНБК. Публікується вперше

и можетъ быть в самой памяти
дорогихъ людей можно найти источ-
никъ этой силы.

Вл. Короленко

Полтава, ул. Садовая, № 1

Можетъ отсылать „Дневники" и не
надо. Пока оставляю и, если в теч.
дней 10 не получу ответа, то сочту,
что отсылать не надо. Напечатать
нигдѣ нельзя. Въ письмѣ своемъ, адре-
сованномъ в Кіевъ, я писалъ, что
отчасти литературно тоже вступленіе

В. Г. Короленко. Лист до І. А. Дубовик. 2 липня 1915.
З колекції ХДНБК. Публікується вперше

Владиміръ Короленко.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ

1) Огоньки. — 2) Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Iегуды. — 3) Парадоксъ. — 4) „Государевы ямщики." — 5) Морозъ. — 6) Послѣдній лучъ. — 7) Марусина заимка. — 8) Мгновеніе. — 9) Въ облачный день.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА
„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 3
1903.

Титул книги з дарчим написом В. Г. Короленка «старому товаришу» В. М. Муратову, січень 1903.
З колекції ХДНБК

БИБЛIОТЕКА
Владиміра Галактіоновича
КОРОЛЕНКО.
Отдѣлъ ....
№ ....
....

Екслібрис В. Г. Короленка

Владиміръ Короленко.

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ.

ЭТЮДЪ).

СЕДЬМОЕ ИЗДАНІЕ

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15

1899.

Титул книги з пам'ятним написом В. Г. Короленка.

Полтавський літературно-меморіальний музей В. Г. Короленка

Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“.

Подъ открытымъ небомъ.

Стихотворенія
Ив. А. Бунина.

Со многими рисунками.

Изданіе редакціи журнала
„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утвер. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1898.

ИВ. А. БУНИНЪ.

НА КРАЙ СВѢТА

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Первая тысяча.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Тут і далі – книги з особистої бібліотеки В. Г. Короленка;
титули та обкладинки – з дарчими написами авторів, перекладача.
Полтавський літературно-меморіальний музей В. Г. Короленка

Глубокоуважаемому Владимиру Галактионовичу Короленко от автора.

В. ВЕРЕСАЕВЪ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Надеждинская, 13.

Окт. 98. Спб.

Глубокоуважаемому Владимиру Галактионовичу Короленко, от К. Бальмонта.

К. БАЛЬМОНТЪ

ТИШИНА

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ

Есть некій часъ всемирнаго молчанья
Тютчевъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1898

|| РАЗСКАЗЫ ||
СТЕФАНИКА

Глубокоуважаемому
Владимиру Галактионовичу
Короленко от
Владислава Коз...

переводъ съ украинскаго
В. Козиненко,
предисловіе
Г. Алексинскаго.

С.-Петербургъ.
1907.

Жалейка

Янки Купалы.

СПб. 7/I 1911 г.

Грай, мая жалейка,
Пей, як салавейка!
Апевай нядолю,
Апевай няволю,
И грымни свабодай,
Што живе край родны

Янка Купала.

Пецярбург.
Друкарня К. Пянткоўскага. Вялик. Падъяческая вул. № 22.
1908.

Євдокія Семенівна Короленко. Полтава. 1930-і

18/VI–38.

В Харьковскую Госуд. научную библиотеку имени В. Г. Короленко.

В ответ на Ваш запрос сообщаю Вам, что Владимир Галактионович родился 15-го июля ст. ст. (т. е. 27/VII нов.). Эта точная дата, установленная на основании его метрического свидетельства, да и сам он не раз подтверждал, что родился 15-го июля ст. ст. „на Владимира", отчего и получил это имя.

С уважением Е. Сем. Короленко.

Лист Є. С. Короленко до ХДНБК. 18 червня 1938.
З архіву бібліотеки

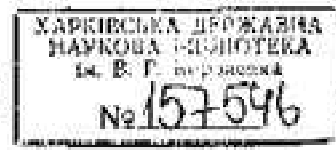
К. ЧУКОВСКИЙ

НЕКРАСОВ

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

Татьяне Ал. Богданович от верного старого друга К. Ч. февраля 1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КУБУЧ"
ЛЕНИНГРАД — 1926

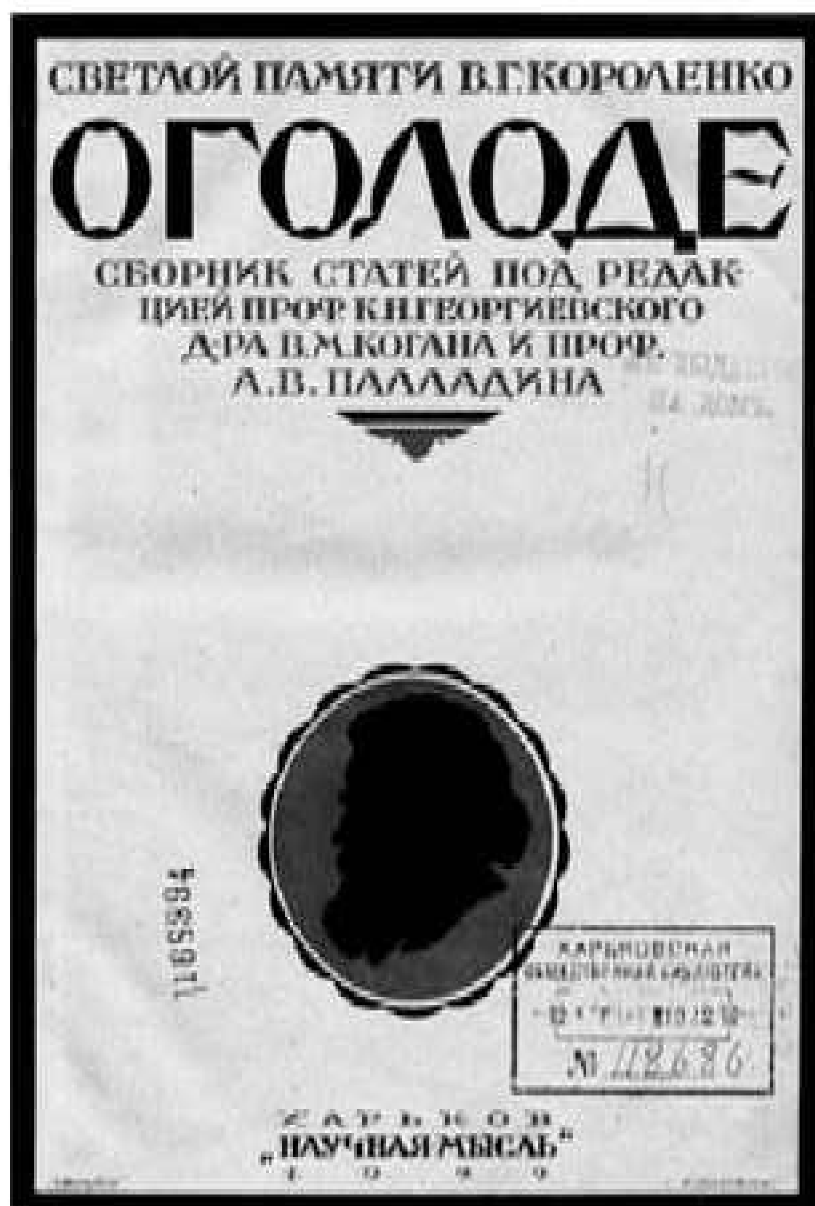
Титул книги з дарчим написом К. Чуковського Т. О. Богданович, лютий 1927 р.
З колекції ХДНБК (арх. фонд Є. В. Тарле)

Тетяна Олександрівна Богданович

Ісак Ілліч Файншмідт. 1900-і

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ В. Г. КОРОЛЕНКО

ОГОЛОДЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. К. И. ГЕОРГИЕВСКОГО Д-РА В. М. КОГАНА И ПРОФ. А. В. ПАЛЛАДИНА

ХАРЬКОВ
„НАУЧНАЯ МЫСЛЬ“

Светлой памяти
Вл. Гал. Короленко.

О ГОЛОДЕ

г. Харьков.
Издательство „Научная Мысль“.

Обкладинка та титул видання

ЗМІСТ

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОРОЛЕНКІВСЬКИЙ ЗБІРНИК

Наукові статті та матеріали

Українською та російською мовами

Художнє оформлення
О. С. ГОЛОТА
Технічний редактор
О.С. ГОЛОТА
Коректори
В. В. БОРДУКОВ
Комп'ютерна верстка
О. С. ГОЛОТА

Підписано до друку 3.11.2006. Формат 60×84 1/16.
Папір офсетний. Друк цифровий. Гарнітура Мисль.
Ум. друк. арк. 13,48. Обл.-вид. арк. 11,66. Наклад 250 прим.

«Видавництво САГА».
Україна, 61166, м. Харків, вул. Бакуліна, 11, к. 5-50.
Тел.: (057) 719-52-88.
Свідоцтво про державну реєстрацію:
серія ДК №2555 від 11.07.2006 р.